

ISSN 1817-9568 (Print)
ISSN 2782-6007 (Online)

DISCOURSE-P Дискурс★Ини

PHILOSOPHY –
ФИЛОСОФИЯ

POLITICAL SCIENCE –
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

PAST & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

PUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

PHILOLOGY –
ФИЛОЛОГИЯ

№ 22 (1) 2025

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

ISSN 1817-9568 (Print)
ISSN 2782-6007 (Online)

DISCOURSE-P Дискурс★Пи

PHILOSOPHY –
ФИЛОСОФИЯ

POLITICAL SCIENCE –
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

PAST & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

PUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

PHILOLOGY –
ФИЛОЛОГИЯ

№ 22 (1) 2025

INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

DISCOURSE-P
Дискурс★Пи

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

DISCOURSE-P
Дискурс★Пи

Екатеринбург – 2025

«ДИСКУРС-ПИ»
Т. 22. № 1
Март 2025

Научный журнал
Издаётся с 2001 года
Выходит четыре раза в год

Учредитель:
Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Издатель:
Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-82291 от 10.11.2021 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 24.05.2025 г.
Формат 70x100 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 19,01
Тираж 500 экз.
Заказ № 21859

Отпечатано в ООО Типография «Гуд Принт»
620033, г. Екатеринбург,
ул. Изоплитная, д. 23Б

Рукописи рецензируются
Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**
620108, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Все выпуски журнала размещаются на сайте
www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам придерживаться
стилистики научного дискурса**

Подписной индекс 71227
через Подписное агентство «Урал-Пресс»
(контакты ближайших офисов
на сайте www.ural-press.ru)

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

DISCOURSE-P
ДИСКУРС-ПИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – академик РАН, председатель УрО РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Нина Антанович – Белорусский государственный университет, Минск. Белоруссия

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Никита Головкин – Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Адилбек Ермекебаев – Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королёв – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дмитрий Макаров – Уральская государственная консерватория имени М.П. Мусоргского, Екатеринбург, Россия

Виктор Мартынов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежский филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Издательский Дом «Дискурс-Пи», Екатеринбург, Россия

Ариэль Саллах – Университет Нельсона Манделы, Порт-Элизабет, Южно-Африканская Республика

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК (К1) по следующим специальностям:

- 5.5.1. История и теория политики (политические науки),
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки);
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки),
- 5.7.2. История философии (философские науки),
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Журнал входит в базу данных RSCI, «Киберленинка», в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS.

DISCOURSE-P
Vol. 22. No 1
March 2025

Scientific journal
Published since 2001
Published four times a year

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-82291 from November 10, 2021
given by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications

Passed for printing on May 24, 2025
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 19,01
Issues – 500
Order # 21859

Printed by typography «Good Print»
Izoplitnaya street, 23B
Ekaterinburg, 620033, Russia

Manuscripts are reviewed
The author guide can be found
on the Journal's website
and at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620108, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**When cited the reference to the Journal
is obligatory**

**The authors are requested to adhere
to the academic style**

Subscription index 71227
via Subscription agency «Ural-Press»
(contacts of the nearest offices
on www.ural-press.ru)

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

DISCOURSE-P
DICKYPOC

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Academician of RAS, Chairman of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Deputy Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Nina Antanovich – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Qinian An – University of China, Beijing, China

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Nikita Golovko – Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Adilbek Yermekbayev – Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Dmitry Makarov – Ural State Mussorgsky's Conservatoire, Ekaterinburg, Russia

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Publishing House «Discourse-P», Ekaterinburg, Russia

Ariel Salleh – Nelson Mandela University, Port Elizabeth, Republic of South Africa

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The Scientific Journal «Discourse-P» is included in the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission (K1). The current list of scientific specialties is as follows:

- 5.5.1. History and theory of politics (political sciences),
- 5.5.2. Political institutions, processes and technologies (political sciences),
- 5.5.4. International relations, global and regional studies (political sciences),
- 5.7.1. Ontology and theory of knowledge (philosophical sciences),
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences),
- 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences)

**The journal is included into the Russian Science Citation Index (RSCI),
the «CyberLeninka» database,
in the European Reference Index for the Humanities ERIH PLUS**

Т. 22. № 1

Тропы метода

Головашина О.В., Батищев Р.Ю.

Культура как политика: акторы отмены русской культуры
в Польше и Германии10

Аникин Д.А., Туркин И.А.

Постколониализм: между научной теорией
и инструментом «культуры отмены»29

Линченко А.А., Антоновская В.В.

Критика России в дискурсе политических партий ФРГ
и Польши 2014–2024 гг.: опыт сравнительного анализа43

Бубнов А.Ю.

Постколониальные дискурсы в исторической политике на постсоветском
пространстве69

Беклямишев В.О.

Антиколониальный нарратив в современном российском президентском
дискурсе: концептуальные основы и прагматические аспекты85

Русакова О.Ф.

Структурный дискурс-анализ политики впечатлений
на примере церемонии открытия Олимпиады-2024104

Парадигмы и процессы

Мальченков С.А.

Категория «многополярность» в концептуальных документах
России, Китая и Индии.....120

Кирчанов М.В.

Исламизм в Индонезии в первой половине 2020-х гг.:
от Фронта защитников ислама к Фронту исламского братства138

Руденко В.В.

Мониторинг прав человека в России: настоящее и будущее.....155

Клинова М.А.

Трудовой рубеж и семейный праздник: репрезентация Нового года
в советской прессе 1946–1956 гг.173

Малинин И.И., Карякин Д.И.

Феномен коротких видео в интернете: причины популярности,
тенденции в производстве и способы использования для продвижения191

Дискурс молодого исследователя

Серебряков М.В.

Американский радикализм: взгляд на alt-right публицистику209

Vol.22. No1**Tropes of Method****Golovashina, O.V., Batishchev, R.Yu.**

Culture as Politics: Who Cancels Russian Culture
in Poland and Germany?..... 10

Anikin, D.A., Turkin, I.A.

Postcolonialism: Bridging Academic Theory
and the Instrument of Cancel Culture..... 29

Linchenko, A.A., Antonovskaya, V.V.

Criticism of Russia in the Discourse of the Political Parties in Germany and Poland
2014–2024: A Comparative Analysis 43

Bubnov, A.Yu.

Postcolonial Discourses in Historical Politics of the Post-Soviet Space..... 69

Beklyamishev, V.O.

Exploring Anti-Colonial Narratives in Current Discourse of the Russian President:
Between Conceptualism and Pragmatism85

Rusakova, O.F.

Structural Discourse Analysis of Impression Management:
A Case Study of the 2024 Olympic Opening Ceremony..... 104

Paradigms and Processes**Malchenkov, S.A.**

The Concept of Multipolarity in the Strategic Documents of Russia,
China, and India.....120

Kyrchanoff, M.W.

Islamism in Indonesia in the Early 2020s:
From the Islamic Defenders Front to the Islamic Brotherhood Front.....138

Rudenko, V.V.

Monitoring Human Rights in Russia:
Current Status and Future Prospects 155

Klinova, M.A.

Labor Frontier and Family Celebration:

Representations of New Year in Soviet Press (1946–1956)173

Malinin, I.I., Karyakin, D.I.

Short Video Phenomenon on the Internet:

Reasons for Popularity, Production Trends, and Promotional Strategies 191

The Discourse of a Young Researcher

Serebryakov, M.V.

American Radicalism: Analyzing Alt-Right Rhetoric209

УДК 321.327.5

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_10

КУЛЬТУРА КАК ПОЛИТИКА: АКТОРЫ ОТМЕНЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЛЬШЕ И ГЕРМАНИИ

Оксана Владимировна Головашина,

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
ovgolovashina@mail.ru

Роман Юрьевич Батищев,

Липецкий государственный технический университет,
Липецк, Россия,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
romanbatishhev@rambler.ru

Получена 23.12.2024.

Поступила после рецензирования 17.02.2025.

Принята к публикации 24.02.2025.

Для цитирования: Головашина О.В., Батищев Р.Ю. Культура как политика: акторы отмены русской культуры в Польше и Германии // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 1. С. 10–28.
https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_10

Аннотация

Предметом исследования являются практики современного социального остракизма как способа политического противостояния. Авторами анализируется роль этических и аксиологических аспектов в современной политике. Основное внимание уделяется лидерам правящих партий и влиятельной оппозиции в качестве

© Головашина О.В., Батищев Р.Ю., 2025

акторов культуры отмены. Материалами для работы стали выступления политиков, статьи, сообщения на официальных каналах, связанные с отменой русской культуры в Польше и Германии. Выбор стран был обусловлен разным опытом их взаимодействия с Россией и сложившимися оценками прошлого, что позволило обратить внимание на роль культурных и исторических факторов в функционировании практик канселлинга. Проведенный анализ с опорой на теоретическую базу позволил прийти к следующим выводам. 1. Цели и мотивации различных акторов отличаются, поэтому говорить о «коллективном Западе», который стремится «отменить» Россию некорректно. 2. В случае отмены крупных сообществ ценностный фактор не является доминирующим: несмотря на то, что большинство германских партий разделяет характерный для акторов канселлинга ценностный дискурс, в парламенте Германии нет призывов отменить русскую культуру, но к этому призывает польская правая консервативная партия «Право и справедливость». 3. Канселлинг крупных сообществ приводит к консолидации внутри «отменяемого» сообщества, так как усиливает оппозицию «мы – они». 4. Отмена целого сообщества невозможна, но призывы к канселлингу русской культуры приводят к ограничению возможностей России влиять на мировую культуру. 5. Несмотря на использование этической риторики, призывы к отмене часто направлены на решение частных прагматических задач участвующих акторов и представляют собой способ фрагментированной цензуры и ответ на актуальную повестку.

Ключевые слова:

культура отмены, русофобия, историческая политика, Польша, Германия, культурная политика, социальный остракизм

Источники финансирования:

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Минобрнауки РФ и ЭИСИ № FEUZ-2024-0044.

CULTURE AS POLITICS: WHO CANCELS RUSSIAN CULTURE IN POLAND AND GERMANY?

Oksana V. Golovashina,

Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
ovgolovashina@mail.ru

Roman Yu. Batishchev,

Lipetsk State Technical University,
Lipetsk, Russia,
Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
romanbatishhev@rambler.ru

Received 23.12.2024.

Received 17.02.2025.

Accepted 24.02.2025.

For citation: Golovashina, O.V., Batishchev, R.Yu. (2025). Culture as Politics: Who Cancels Russian Culture in Poland and Germany? *Discourse-P*, 22(1), 10–28. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_10

Abstract

The research examines the practices of modern social ostracism as a method of political confrontation, focusing on the ethical and axiological dimensions in contemporary politics. The study primarily analyzes the roles of leaders from ruling parties and influential opposition figures as key actors in *cancel culture*. The materials for the article include speeches by politicians, articles, and a number communications from official channels related to canceling Russian culture in Poland and Germany. The selection of these countries is informed by their distinct historical interaction with Russia and their established assessments of the past, providing a basis for exploring the cultural and historical factors that influence cancellation practices. The analysis, grounded in a theoretical framework, leads to several important conclusions. 1. The goals and motivations of various actors differ significantly, making it inaccurate to refer to a monolithic “collective West” intent on canceling Russia. 2. In case of canceling large communities, the value factor is never predominant; while most German parties share the value discourse typical of cancellation actors, calls to cancel Russian culture remain silent in the German parliament. However,

Law and Justice, which is a Polish right-wing conservative party, calls for that. 3. Canceling large communities often fosters consolidation within the “cancelled” group, reinforcing an “us versus them” mentality. 4. While complete cancellation of an entire community is unfeasible, calls for canceling Russian culture can restrict the influence of Russia on global culture. 5. Despite the ethical rhetoric employed, calls for cancellation often serve to address different pragmatic concerns of the involved actors, representing a form of fragmented censorship and a reaction to the current political agendas.

Keywords:

cancel culture, Russophobia, historical policy, Poland, Germany, cultural policy, social ostracism

Funding:

The study was conducted with the financial support of a grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and EISI No. FZUG-2024-0044.

Введение

В марте 2022 года Петр Глинский, польский министр культуры (теперь уже бывший) заявил о необходимости отмены русской культуры: «Из общественного пространства культура российская должна исчезнуть. Мы ценим достижения этой культуры в музыке или литературе. Они на высшем уровне, но мы имеем дело со страной, которая сошла с ума»¹. Санкции против российских исполнителей, дирижеров последовали также со стороны Баварской оперы и «Метрополитен-опере» в Нью-Йорке, российские спортсмены не имели права участвовать в Олимпиаде под национальным флагом, так как «для спортсменов из Украины просто унизительно соревноваться со спортсменами России-агрессора и ее ближайшего союзника Беларуси, особенно на Олимпийских играх»². Эти высказывания и соответствующие действия различных акторов позволили говорить об отмене российской культуры как инструменте информационной войны против России (Мусиева, 2022)³.

¹ Piasta, P. (2022). Minister Gliński walczy z Puszkinem. *Myśl Polska*. Pobrano Listopad 1, 2024, z <https://myslpolska.info/2022/04/05/minister-kultury-walczy-z-puszkinem/>

² Mayer, S. (2023, Februar 9). *Olympische Spiele 2024 müssen ohne Russland und Belarus stattfinden*. Abgerufen November 1, 2024, from <https://www.cducs.de/presse/pressemittelungen/olympische-spiele-2024-muessen-ohne-russland-und-belarus-stattfinden>

³ Пареньков, Д. А. (2022, 6 июня). «Культура отмены» в мировой политике. *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. Взято 30 Октября 2024 <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/otmenyay-i-vlastvuy/>; Яновский, О. (2022, 7 ноября). Культура отмены как механизм инфовойны: схема разрушения символов идентификации. ВЦИОМ. Взято 30 октября 2024 с <https://wciom.ru/expertise/kultura-otmeny-kak-mekhanizm-infovoyny-skHEMA-razrusheniya-simvolov-identifikacii>

Под культурой отмены имеется ввиду форма социального ostracism, которую исследователи называют современным проявлением социальной справедливости (Donnelly, 2021; Haidt, Lukianoff, 2018; Kovalik, 2021) или «новым маккартизмом» и вариантом политической цензуры (Dershowitz, 2020); практики канселлинга направлены на формирование общественного мнения с целью бойкотировать отдельного человека, продукт, бренд за действия или высказывания, противоречащие современной системе ценностей, представляя собой «инструмент вменения санкций за пределами института права» (Котунова, 2022, с. 94). По мнению исследователей, культура отмены может быть проинтерпретирована как экономический инструмент, который эксплуатирует культурную и этическую риторику (Демшина, 2022, с. 108), и/или один из видов коммуникативной практики (Быков, 2021; Шамне, Майер, 2023). О канселлинге можно говорить, когда присутствуют три аспекта – эмоциональный (чувства акторов, осуществляющих отмену, как правило, оказывающиеся следствием оскорбления, соперничества и т.д.), действенный (совершаемые акторами конкретные действия: отказ от продукции отменяемых, подписок на аккаунты, отмена концертов) и рациональный, который заключается как в рационализации переживаемого, так и осознаваемых выгодах, которые получают акторы культуры отмены.

Как правило, канселлинг связан с общественной активностью и инициируется отдельными субъектами, запускающими соответствующие хештеги в социальных сетях (например, #Youarecancelled) и призывающими к конкретным действиям: отказ от подписки, покупки продукции отмененного бренда и т.д. Однако разрыв контрактов с действующими исполнителями, отмена концертов, произведений российских авторов, в том числе классических⁴, акцентуация украинского происхождения известных художников⁵, переименование картин⁶ выходит за рамки социальных сетей, происходит не от лица безымянных активистов и касается не отдельного бренда или знаменитости. Речь идет о призывах к отмене не только какой-то группы или человека, но культуры, достижения которой, как признают сами акторы, «на высшем уровне», причем эти призывы звучат из уст тех, кто может принимать решения не только про отмену подписки

⁴ Borys Godunow odwołany (2022, Marzec 1). *Opera Narodowa*. Pobrano Listopad 1, 2024, z <https://teatr Wielki.pl/teatr/aktualnosci/aktualnosc/borys-godunow-odwolany/>; Marczyński, J. (2022, Marzec 2). *Muzyka nie na ten czas. Rosyjscy kompozytorzy spadają z afisza*. Pobrano Listopad 1, 2024, z <https://www.rp.pl/kultura/art35793101-muzyka-nie-na-ten-czas-rosyjscy-kompozytorzy-spadaja-z-afisza>; Rausz, J. (2022, Marzec 1). *Filharmonia Pomorska rezygnuje z utworów rosyjskich kompozytorów*. *Portal historyczny*. Pobrano Listopad 1, 2024, z <https://dzieje.pl/kultura-i-sztuka/filharmonia-pomorska-rezygnuje-z-utworow-rosyjskich-kompozytorow>

⁵ Метрополитен-музей назвал Айвазовского и Репина украинскими художниками (2023, 12 февраля). РБК. Взято 1 ноября 2024, с <https://www.rbc.ru/society/12/02/2023/63e935839a7947d46ec9c454>

⁶ Мамиконян, О. (2022, 4 апреля). Лондонская национальная галерея переименовала картину Дега «Русские танцовщицы». *Forbes*. Взято 30 октября 2024, с <https://www.forbes.ru/forbeslife/461285-londonskaa-nacional-naa-galerea-pereimenovala-kartinu-dega-russkie-tancovsicy>

на аккаунты в социальных сетях. Примечательно, что даже после двух войн в информационном пространстве не звучало призывов к отмене немецкой культуры⁷. Конечно, канселлинг, не зависимо от того, кто бы к нему не призывал, не сможет отменить целую культуру, однако для нас интерес представляет то, как практики современного социального остракизма реализуются в случае призывов к канселлингу крупных сообществ. Особое внимание мы предлагаем обратить на акторов такого канселлинга. Несмотря на то, что, по мнению некоторых исследователей, культура отмены может выступать инструментом маргинальных политических сил⁸, об отмене русской культуры заявляют лидеры правящих партий или влиятельной оппозиции, которые выступают от лица своих избирателей или с позиции должности, которую они занимают. В этом случае канселлинг сразу приобретает институциональный характер и может рассматриваться как политическое явление, а его содержание не зависит от субъективных оценок пользователей социальных сетей. Подобная постановка вопроса позволяет обратить внимание на современный остракизм как политическую практику и способ политического противостояния, а также акцентировать внимание на роли акторов канселлинга в случае отмены крупных сообществ. Соглашаясь с тем, что отмена русской культуры может выступать в качестве инструмента информационной войны против России⁹, мы предлагаем обратить внимание на влияние этических и аксиологических аспектов в современной политике.

В настоящей статье будут рассмотрены акторы канселлинга применительно к призывам к отмене русской культуры. Мы ограничим предмет нашей статьи только политическими акторами (представителями действующей исполнительной, законодательной власти или парламентских партий) в Польше и Германии. Выбор этих стран был обусловлен разным опытом их взаимодействий с Россией, особенностями коммеморативной культуры и исторической парадигмы: с одной стороны, и Польша, и часть Германии входили в сферу влияния Советского Союза, то есть имели специфический опыт общения с русской культурой, с другой – имели место разные аспекты истории взаимоотношений этих стран с Россией; подобный фокус позволит обратить внимание на роль культурных и исторических факторов в функционировании дискурса и практик культуры отмены.

Необходимо отметить, что, несмотря на различные, часто довольно резкие высказывания, представители официальной власти не принимали конкретных решений, связанных с отменой русской культуры. Как правило, их суждения

⁷ Khrushcheva, N.L. (2022, July 1). Don't Cancel Russian Culture. *Social Europe*. Retrieved November 1, 2024, from <https://www.socialeurope.eu/dont-cancel-russian-culture>

⁸ Rabouin, T. (2021, August). "Cancel Culture", a Rhetorical Construction. *Generation for Rights Over the World*. Retrieved November 1, 2024, from <https://www.growthinktank.org/wp-content/uploads/2021/08/Cancel-culture-a-rhetorical-construction-.pdf>

⁹ Пареньков, Д. А. (2022, 7 июня). «Культура отмены» в мировой политике. *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. Взято 30 октября 2024, с <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/otmenyay-i-vlastvuy/>; Яновский, О. (2022, 7 ноября). Культура отмены как механизм инфовойны: схема разрушения символов идентификации. ВЦИОМ. Взято 30 октября 2024, с <https://wciom.ru/expertise/kultura-otmeny-kak-mekhanizm-infovoyny-skHEMA-razrusheniya-simvolov-identifikatsii>

отличались дискурсом рекомендаций, а не требований, однако этого было достаточно, чтобы на польском радио поменяли сетку вещания, Национальная филармония Варшавы и Баварская филармония пересмотрели свой репертуар, Национальная опера в Польше отказалась от премьеры «Бориса Годунова», а 20 неправительственных организаций подписали петицию за отмену концертов российского пианиста в Польше, так как «русская культура – это ракеты, беспилотники, убитые и раненые»¹⁰. Эти решения, на наш взгляд, принимались с подачи представителей действующей власти и были инициированы их высказываниями.

А судьи кто? Высказывания польских и немецких политиков о России

Право и солидарность (*Prawo i Sprawiedliwość*, ПиС) – правая национал-консервативная партия, возглавляющая парламент Польши в 2005–2007, 2015–2023 гг. Для ПиС с момента основания (13 июля 2001 г.) была характерна антироссийская риторика, призывы к пересмотру прошлого, особенно социалистического периода, а также негативное отношение к ценностям, признаваемыми как либеральные (толерантность к представителям сексуальных меньшинств, приоритет светского над религиозным, право на аборт и т.д.): «Мы много делаем в области польской идентичности, потому что на этом строится сила польского суверенитета»¹¹.

Несмотря на то, что культура отмены, как правило, связывается с левыми движениями¹², ПиС является основным проводником отмены русской культуры в Польше. Среди наиболее ярких высказываний со стороны представителей ПиС, постулирующих отмену русской культуры, отметим призывы к уничтожению русского мира как «раковой опухоли»¹³, маркирование России как криминальной страны¹⁴ и последней колониальной империи, которую необходимо деколонизировать: «Я понимаю, что многим людям может быть трудно это принять.

¹⁰ Dębowska, A. S. (2024, Luty 15). Rosyjski pianista jednak nie wystąpi w Warszawie. “Ze względu bezpieczeństwa publiczności i artysty”. *Wyborcza.pl*. Pobrano Listopad 1, 2024, z <https://wyborcza.pl/7,113768,30704399,rosyjski-pianista-jednak-nie-wystapi-w-warszawie-ze-wzgledu.html>

¹¹ Musimy pamiętać o rosyjskich zbrodniach (2023, Wrzesień 17). *Prawo i Sprawiedliwość*. Pobrano Listopad 1, 2024, z <https://pis.org.pl/aktualnosci/musimy-pamietac-o-rosyjskich-zbrodniach>

¹² Trump, D. (2020, 4 July). Speech at Mount Rushmore, South Dakota. *Newsmax*. Retrieved November 1, 2024, from <https://www.newsmax.com/us/mount-rushmore-speech-transcript-july-3/2020/07/04/id/975688/>

¹³ Польский премьер Моравецкий призвал Запад уничтожить «Русский мир» (2022, 11 мая). Взято 30 октября 2024, с https://by.tsargrad.tv/news/polskij-premer-moraveckij-prizval-zapad-unichtozhit-russkij-mir_545520

¹⁴ Świat zobaczył do czego zdolna jest Rosja (2022, Marzec 30). *Prawo i Sprawiedliwość*. Pobrano Listopad 1, 2024, z <https://pis.org.pl/aktualnosci/swiat-zobaczyl-do-czego-zdolna-jest-rosja>

Я сейчас говорю не только о политиках, но и о простых людях, которые годами твердо заявляют, что это невозможно, что Россия ужасна, но не настолько»¹⁵, однако «везде, где появляется Россия, появляется хаос, дестабилизация и война»¹⁶. От ПиС исходят инициативы, направленные на запрет вещания российских каналов на территории Польши¹⁷, отмену российских исполнителей, произведений, авторов, ми которых были россияне (включая классических, например, «Борис Годунов»¹⁸).

Довольно эмоциональные и агрессивные высказывания, касающиеся России и русской культуры, представители ПиС позволяли себе и раньше, утверждая, что «для нас зло XX века не является далеким воспоминанием»¹⁹ (имеется в виду зло, причиненное Польше коммунистическим режимом). Именно с позицией ПиС связан так называемый «польский маккартизм» или «маккартизм по-польски» – термин, активно использующийся в политическом дискурсе с конца 2010-х годов как описание, по сути, практик отмены представителей творческой среды за их несогласие с генеральной линией партий, в том числе за «пророссийские симпатии»²⁰. Представители других политических партий заявляют, что «действия правительства ПиС во многих местах поддерживают российский нарратив»²¹, то есть, радикальность заявлений правящей партии, скорее, способствует распространению российской пропаганды, а не препятствует ей, так как русофобские высказывания ПиС подрывают сложившийся консенсус²².

¹⁵ Polska wielkim projektem Europy (2022, Czerwiec 10). *Prawo i Sprawiedliwość*. Pobrano Listopad 1, 2024, z <https://pis.org.pl/aktualnosci/polska-wielkim-projektem-europy>

¹⁶ Tam, gdzie pojawia się Rosja, pojawia się chaos, destabilizacja i wojna (2022, Październik 5). *Prawo i Sprawiedliwość*. Pobrano Listopad 1, 2024, z <https://pis.org.pl/aktualnosci/tam-gdzie-pojawia-sie-rosja-pojawia-sie-chaos-destabilizacja-i-wojna>

¹⁷ Rosyjskie programy wykreślone z rejestru programów rozprowadzanych (2022, Luty 24). Portal Gov.pl. Pobrano Listopad 1, 2024, z <https://www.gov.pl/web/krrit/rosyjskie-programy-wykreślone-z-rejestru-programow-rozprowadzanych>

¹⁸ Borys Godunow odwołany (2022, Marzec 1). *Opera Narodowa*. Pobrano Listopad 1, 2024, z <https://teatr Wielki.pl/teatr/aktualnosci/aktualnosc/borys-godunow-odwolany/>

¹⁹ Zło XX wieku nie jest odległym wspomnieniem (2022, Maj 19). *Prawo i Sprawiedliwość*. Pobrano Listopad 1, 2024, z <https://pis.org.pl/aktualnosci/zlo-xx-wieku-nie-jest-odleglym-wspomnieniem>

²⁰ Крупа, М. (2023, 21 февраля). Маккартизм, польский стиль. *Consortium News*. Взято 1 ноября 2024, с <https://consortiumnews.com/2023/02/21/mccarthyism-polish-style/>

²¹ Rybak, M. (2024, Maj 21). Generał Jarosław Stróżyk, szef komisji do spraw wpływów Rosji, pytał: “Czy Putin chce mieć większe wpływy w Polsce? A po co mu większe?” *Wyborcza*. pl. Pobrano Listopad 1, 2024, z https://wroclaw.wyborcza.pl/wroclaw/7,35771,30992247,kim-jest-i-co-mowil-o-putinie-general-jaroslaw-strozyk-szef.html?_gl=1*1r5ajyc*_gcl_au*NTEzNTE0MzA0LjE3MjQ3ODY2MjA.*_ga*MTA1NzczNDM4Mi4xNzI0Nzg2NjE0*_ga_6R71ZMJ3KN*MTcyNDc4NjYxMy4xLjEuMTcyNDc5Mjk3OC4wLjAuMA..&_ga=2.110378189.931552000.1724786620-1057734382.1724786614

²² Awantura w Sejmie. Poszło o uchwałę ws. Rosji. Lubnauer: “Haniebna poprawka Macierewicza” (2022, Grudzień 1). *Wiadomości*. Pobrano Listopad 1, 2024, z <https://wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/7,114884,29211826,awantura-w-sejmie-poszlo-o-uchwale-ws-rosji-lubnauer-haniebna.html>

В отличие от ПиС, Гражданская платформа (*Platforma Obywatelska Rzeczypospolite*, ГП) в 2018–2019 гг. утверждала необходимость сближения с Россией²³. ГП представляет собой правоцентристскую партию, пропагандирующую европейские ценности: ее лидер Дональд Туск был председателем Европейского Совета в 2014–2019 гг.; из-за особенностей польской политики, в качестве главного либерального оппонента консервативной ПиС, партия может классифицироваться как центристская (Marcinkiewicz, Stegmaier, 2016; Szczerbiak, 2017) или левоцентристская, также ее описывают как либерально-консервативную (Hanley et al., 2008, p. 417; Bale, Szczerbiak, 2008, p. 491) христианско-демократическую (Molendowska, 2017; Kowalczyk, 2015, p. 250). В политическом пространстве Польши именно ГП отстаивает европейский вектор, то есть постулирует Польшу как часть европейского пространства и настаивает на необходимости поддержки либеральных ценностей, однако, в отличие от ПиС, представители этой партии избегают прямых высказываний, которые можно было бы проинтерпретировать как отмену русской культуры. В то же время, если в конце 2010-х гг. ГП еще выступала за «рациональные отношения с Россией»²⁴ и «конструктивный диалог, свободный от иллюзий, открытый для построения добрососедских отношений в некоторых измерениях», за «возрождение социальных, культурных и экономических отношений»²⁵, то 24 февраля 2022 г. Туск заявляет: «Наше место в войне на Украине – на стороне свободы, а не авторитаризма»²⁶ и использует сложившуюся ситуацию для призывов к активизации европейского направления политики, критикуя таким образом позицию ПиС: «Закрытие споров с ЕС является необходимым условием для доверия к Польше во время нынешнего кризиса европейской безопасности. Риторика о “двух врагах Польши” – России и Западе, столь распространенная в высказываниях многих политиков и зависящих от них СМИ, на самом деле является поддержкой российской пропаганды, стремящейся отделить нашу страну от демократического сообщества»²⁷. Также с момента прихода в правительство партия снова заняла антииммиграционную

²³ *Naprawimy polską politykę zagraniczną – Rada Krajowa 24.02 (2018, Luty 24). Planforma Obywalska*. Pobrano Listopad 1 2024, z <https://platforma.org/aktualnosci/naprawimy-polska-polityke-zagraniczna-rada-krajowa-2402>; *Program polityki zagranicznej #silnapolska (2019, Lipiec 4). Planforma Obywalska*. Pobrano Listopad 1, 2024, z <https://platforma.org/aktualnosci/program-polityki-zagranicznej-silnapolska>

²⁴ *Naprawimy polską politykę zagraniczną – Rada Krajowa 24.02 (2018, Luty 24). Planforma Obywalska*. Pobrano Listopad 1, 2024, z <https://platforma.org/aktualnosci/naprawimy-polska-polityke-zagraniczna-rada-krajowa-2402>; *Program polityki zagranicznej #silnapolska (2019, Lipiec 4). Planforma Obywalska*. Pobrano Listopad 1, 2024, z <https://platforma.org/aktualnosci/naprawimy-polska-polityke-zagraniczna-rada-krajowa-2402>

²⁵ *Program polityki zagranicznej #silnapolska (2019, Lipiec 4). Planforma Obywalska*. Pobrano Listopad 1, 2024, z <https://platforma.org/aktualnosci/program-polityki-zagranicznej-silnapolska>

²⁶ *W godzinie próby. List otwarty Donalda Tuska (2022, Luty 24). Planforma Obywalska*. Pobrano Listopad 1, 2024, z <https://platforma.org/aktualnosci/list-pdt>

²⁷ *W godzinie próby. List otwarty Donalda Tuska (2022, Luty 24). Planforma Obywalska*. Pobrano Listopad 1, 2024, z <https://platforma.org/aktualnosci/list-pdt>

позицию по отношению к выходцам из России и Беларуси. В целом, можно сказать, что ГП, осуждая действия России на Украине и выступая за ограничения контактов в России, следует вектору, заданному ЕС, а также использует «российскую карту» в конфликтах с ПисС.

Однако делать вывод о доминировании в Польше русофобии будет преувеличением и упрощением политического ландшафта. 8 ноября 2022 г. из Варшавского отделения Института национальной памяти было уволено несколько сотрудников за «пророссийскую позицию»²⁸; несмотря на осмысление социалистического периода истории Польши как опыта оккупации, на кладбищах красноармейцев остается советская символика, так как решение об ее уничтожении «может быть принято только после консультации с Москвой»²⁹; польские студенты в Нигерии участвовали в несанкционированных антиправительственных акциях и размахивали российскими флагами³⁰.

Таким образом, отмена русской культуры в Польше представляет собой продолжение «политики декоммунизации» и сложного непроработанного опыта прошлых конфликтов двух стран. В большей степени дискурс ПисС следует из агрессивной риторики постсоциалистической Польши (понятие «русское» и «советское» выступают синонимичными), а ГП транслирует оценки ЕС.

Несмотря на то, что Социал-демократическая партия Германии (*Sozialdemokratische Partei Deutschlands*) и Христианско-демократический союз (*Christlich Demokratische Union Deutschlands*) по своим идеологическим взглядам близки к польской ГП, их риторика по отношению к России отличается. Германские социал-демократы и христианские демократы говорят не от своего лица и не от лица своей страны, а от лица «свободного и демократического мира», который противостоит России. Похожей позиции придерживаются большинство парламентских партий Германии: «Украина ведет эту борьбу не сама по себе.

²⁸ Czuchnowski, W., Konieczka, B. (2022, Listopad 8). Prorosyjskie porady historyków z IPN. Wcześniej "wieszali" Obamę i promowali nazistowski plakat. *Wyborcza.pl*. Pobrano Listopad 1, 2024, z https://wyborcza.pl/7,75398,29118602,prorosyjskie-porady-historykow-z-ipn-wczesniej-wieszali-obame.html?do_w=167&do_v=1138&do_st=RS&do_sid=995&do_a=995#S.related-K.C-B.1-L.2.zw

²⁹ Walczak, A. (2022, Czerwiec 14). Cmentarze radzieckie nadal objęte są szczególną ochroną. Czerwone gwiazdy nie znikną z nagrobków. *Wyborcza.pl*. Pobrano Listopad 1, 2024, z https://kalisz.wyborcza.pl/kalisz/7,181359,28579572,cmentarze-radzieckie-nadal-objete-sa-szczegolna-ochrona-czerwone.html?_ga=2.6467760.309138197.1724789875-363789812.1724789875&_gl=1*1ptmlnu*_gcl_au*NTEzNTE0MzA0LjE3MjQ3ODY2MjA.*_ga*MTA1NzczNDM4Mi4xNzI0Nzg2NjE0*_ga_6R71ZMJ3KN*MTcyNDc4NjYxMy4xLjEuMTcyNDc4OTg3NC4wLjAuMA

³⁰ Gruszczyński, A. (2024, Sierpień 9). Nigeria twierdzi, że polscy studenci wymachiwali rosyjskimi flagami na demonstracji. "Nie wierzymy w to". *Wyborcza.pl*. Pobrano Listopad 1, 2024, z https://warszawa.wyborcza.pl/warszawa/7,54420,31215739,msz-nigeria-twierdzi-ze-polscy-studenci-wymachiwali-rosyjskimi.html?_gl=1*sfq68m*_gcl_au*NTEzNTE0MzA0LjE3MjQ3ODY2MjA.*_ga*MTA1NzczNDM4Mi4xNzI0Nzg2NjE0*_ga_6R71ZMJ3KN*MTcyNDc4NjYxMy4xLjEuMTcyNDc5Mjc0My4wLjAuMA..&_ga=2.22508851.923445027.1724792744-2024585292.1724792744

Она конкретно защищает свою страну, но также защищает верховенство закона в Европе»³¹; «Люди борются за суверенитет, свободу, демократию – и при этом защищают наши ценности. Наша поддержка Украины остается непоколебимой»³².

События февраля 2022 года для немецких депутатов стали определенным водоразделом. Если до этого в парламентских дебатах разделяли политический режим, его лидеров и россиян (напр.: «Несмотря на крупные политические вопросы, которые необходимо решить, граждане стран общаются друг с другом. Это хорошо и заслуживает поддержки. Будь то встречи во время волонтерской службы за границей, разнообразное университетское сотрудничество или городское партнерство»³³), то в дальнейшем, не высказываясь насчет русской культуры вообще, германские парламентарии предлагают ограничить любые контакты с Россией. Например, не допускать российских (и белорусских) спортсменов к участию в олимпийских играх («В ситуации, когда российский агрессор угрожает уничтожить Украину, организованный спорт также должен четко заявить о себе. Этого требует уважение к Украине и ее спортсменам»³⁴), вводить новые санкции, потому что «западное сообщество не должно идти на компромисс в отношении своих общих ценностей»³⁵. Однако германские парламентарии, в отличие от их польских коллег, не высказывали призывов к отказу от достижений русской культуры и не упрекали Россию как страну в сумасшествии, а наоборот, несмотря на осуждение СВО, выступали против отмены русской культуры и притеснения россиян³⁶.

В отличие от большинства парламентских партий Германии, представители Альтернативы для Германии (*Alternative für Deutschland*, АдГ) доказывают вред для Германии санкций, введенных после аннексии Крыма и начала СВО³⁷,

³¹ Hardt, J. (2022, Juni 2). 100 Tage Krieg in Europa sind eine traurige Realität. CDU-CSU. Abgerufen November 1, 2024, aus <https://www.cduscu.de/presse/pressemitteilungen/100-tage-krieg-europa-sind-eine-traurige-realitaet>

³² Volle Solidarität mit der Ukraine (kein Datum). *Bundnis 90/Die Grünen*. Abgerufen November 1, 2024, aus <https://www.gruene.de/artikel/volle-solidaritaet-mit-der-ukraine>

³³ Matschie, Ch. Schraps, J. (2020, Oktober 14). Deutsch-Russische Zusammenarbeit in der heutigen Zeit. SPD Fraktion im Bundestag. Abgerufen November 2, 2024 aus <https://www.spdfraktion.de/termine/2020-10-14-deutsch-russische-zusammenarbeit-heutigen-zeit>

³⁴ Mayer, S. (2023, Februar 9). Olympische Spiele 2024 müssen ohne Russland und Belarus stattfinden. Abgerufen November 1, 2024 aus <https://www.cduscu.de/presse/pressemitteilungen/olympische-spiele-2024-muessen-ohne-russland-und-belarus-stattfinden>

³⁵ Wolfskampf V. (2022, 24 Februar). Putin hat einen schweren Fehler begangen. *Tagesschau*. Abgerufen November 1, 2024 aus <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/reaktionen-deutschland-111.html>

³⁶ Чеклецов, Е. (2022, 19 апреля). В ФРГ раскритиковали призыв бойкотировать русскую культуру. *URA.ru*. Взято 30 октября 2024 с <https://ura.news/news/1052546787>; Глава МИД Германии призвала прекратить нападки на россиян и белорусов (2022, 4 марта). РБК. Взято 30 октября 2024 с <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/62218c119a7947e8da1ac212>

³⁷ AfD will Russland-Sanktionen beenden (2022, Juni 18). *Deutscher Bundestag*. Abgerufen November 1, 2024 aus <https://www.bundestag.de/webarchiv/presse/>

а также призывают не допустить членства Украины в НАТО³⁸, утверждая, что «в интересах Германии и Европы интегрировать Россию в общую структуру политики безопасности»³⁹, а «Европа немыслима без России»⁴⁰. Осудив действия России на Украине, АдГ тем не менее высказывается против поставки оружия украинской армии⁴¹ и настаивает на том, что «европейский мирный порядок работает только с Россией»⁴², а «Запад должен поддерживать диалог с президентом России Владимиром Путиным и инициировать конкретные переговоры по прекращению войны на Украине»⁴³.

hib/2020_06/701486–701486; Tino Chrupalla: EU und G7 erschaffen einen Rohstoffgiganten im Osten (2022, Dezember 5). *AfD*. Abgerufen November 2, 2024 aus <https://www.afd.de/tino-chrupalla-eu-und-g7-erschaffen-einen-rohstoffgiganten-im-osten/>; Peter Boehringer: Lindner löst mit Steuerplänen die politikgemachten Probleme nur unzureichend (2022, August 10). *AfD*. Abgerufen November 2, 2024 aus <https://www.afd.de/peter-boehringer-lindner-loest-mit-steuerplaenen-die-politikgemachten-probleme-nur-unzureichend/>; Tino Chrupalla: G7 verbauen mit neuen Sanktionen Weg zu möglichen Friedensverhandlungen (2022, Juni 27). *AfD*. Abgerufen November 2, 2024 aus <https://www.afd.de/tino-chrupalla-g7-verbauen-mit-neuen-sanktionen-weg-zu-moeglichen-friedensverhandlungen/>

³⁸ *AfD* wendet sich gegen EU-Beitrittsperspektive für die Ukraine (2022, September 17). *Deutscher Bundestag*. Abgerufen November 2, 2024, aus https://www.bundestag.de/webarchiv/presse/hib/2020_09/793230–793230; Verhältnis des Westens gegenüber Russland erörtert (2022, Februar 17). *Deutscher Bundestag*. Abgerufen November 2, 2024, aus <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2022/kw07-de-russlandpolitik-879568>

³⁹ Außen- & Verteidigungspolitik (2020, August 30). *AfD*. Abgerufen November 2, 2024, aus <https://www.afd.de/wahlprogramm-aussen-verteidigungspolitik/>

⁴⁰ Europa ist ohne Russland nicht denkbar! – Tino Chrupalla – *AfD*-Fraktion im Bundestag (2021). *YouTube*. Abgerufen November 2, 2024, aus <https://www.youtube.com/watch?v=figY5KR3pJQ>

⁴¹ Deutsche Panzer gegen Russland? “Das haben schon Ihre Großväter versucht!” (2023, Januar 19). *AfDkompakt*. Abgerufen November 2, 2024, aus <https://afdkompakt.de/2023/01/19/deutsche-panzer-gegen-russland-das-haben-schon-ihre-grossvaeter-versucht/>; Mariana Harder-Kühnel: Scholz setzt Bürger mit Panzerlieferungen ernsthafter Gefahr aus (2023 Januar, 25). *AfDkompakt*. Abgerufen November 2, 2024, aus <https://afdkompakt.de/2023/01/25/mariana-harder-kuehnel-scholz-setzt-buerger-ernsthafter-gefahr-aus-lieferung-von-kampfpanzern-an-die-ukraine-macht-deutschland-zur-kriegspartei/>; Mariana Harder-Kühnel: Scholz setzt Bürger ernsthafter Gefahr aus – Lieferung von Kampfpanzern an die Ukraine macht Deutschland zur Kriegspartei (2023, Januar 25). *AfD*. Abgerufen November 2, 2024, aus <https://www.afd.de/mariana-harder-kuehnel-scholz-setzt-buerger-ernsthafter-gefahr-aus-lieferung-von-kampfpanzern-an-die-ukraine-macht-deutschland-zur-kriegspartei/>

⁴² Gauland mahnt zu Pragmatismus: “Europäische Friedensordnung geht nur mit Russland!” (2022). *YouTube*. Abgerufen November 2, 2024, aus <https://www.youtube.com/watch?v=kTy9WrWY69w>

⁴³ Mariana Harder-Kühnel: Friedenspolitik statt Kriegsrhetorik ist das Gebot der Stunde (2022, August 31). *AfD*. Abgerufen November 2, 2024, aus <https://www.afd.de/mariana-harder-kuehnel-friedenspolitik-statt-kriegsrhetorik-ist-das-gebot-der-stunde/>

Таким образом, германские парламентарии осуждают действия России на Украине, поддерживают новые санкции, экономическую и военную помощь Украине (кроме АдГ), однако выступают против отмены русской культуры.

Канселлинг крупных сообществ как ценностное противоборство?

Как «инструмент вменения санкций за пределами института права» (Котунова, 2022, с. 94) культура отмены представляет собой политическую практику, направленную на получение дополнительных политических очков и дискредитацию противника. Далее мы покажем, чем отмена русской культуры отличается от случаев отмены частных лиц, брендов и какова при этом роль акторов.

Во-первых, проведенный анализ показал ошибочность тезиса С.В. Чугрова, утверждавшего, что одна из политических целей культуры отмены заключается в универсализации мира по американскому образцу (Чугров, 2022). Можно, несколько упрощая, согласиться с тем, что большинство немецких парламентских партий разделяют дискурс свободы, демократии и верховенства закона и, исходя из этих ценностей, выступают против позиции России на Украине, однако с трибун германского парламента не раздаются призывов отменить русскую культуру вообще. Подобных взглядов придерживается и Гражданская платформа в Польше. При этом ПиС, официальные представители которых позволяют себе русофобские высказывания, отличается правыми националистическими взглядами, что не соответствует так называемому американскому образцу. Это также свидетельствует о том, что некорректно говорить о некоем «коллективном Западе», который хочет «отменить» Россию: канселлинг русской культуры имеет дело с разными акторами, у которых свои интересы, зачастую не связанные с ценностным противостоянием «Запада» и «России».

Во-вторых, соглашаясь с тем, что культура отмены связана с практиками исключения «за нарушение социальных норм» (Norris, 2020, p. 2) и принципиальным значением, которое имеют разделяемые сообществом ценности, например, неприятие расизма или каких-либо форм насилия по отношению к угнетаемым прежде группам, подчеркнем, что в исследуемых нами кейсах представление о социальных нормах среди акторов канселлинга было различным, при этом практики отмены совпадали. ПиС и германские социалисты выступали за исключение представителей России (например, российских спортсменов) по разным причинам, которые были связаны, скорее, с историческим опытом взаимодействия рассматриваемых стран, чем со сложившимися в настоящий момент ценностями. Политики и Польши, и Германии могут высказывать примерно одинаковые оценки действий России (например, «Украина борется за свободу Европы, за свободу Польши»⁴⁴ и «Мы должны организовать безопасность в Европе против России. Эти военные действия

⁴⁴ Сейм ухвалив дії та методи, спрямовані на протистояння агресії на Україну (2022, 08 квітень). Gov.pl. Взято 3 листопада 2024, з <https://www.gov.pl/web/ua/Seym-ukhvalyv-diui-ta-metody-spryamovani-na-protystoyannya-ahresiyi-na-Ukrayinu>

также направлены против нас»⁴⁵), несмотря на разные программные моменты и отстаиваемые нормы.

В-третьих, этика исключенности, характерная для культуры отмены (Головашина, 2024), предусматривает изоляцию отменяемых, их бойкот, исключение из публичного поля. Однако при отмене крупных сообществ канселлинг приводит к консолидации внутри этих сообществ. На наш взгляд, роль акторов в этом случае также носит принципиальный характер: призывы к отмене русской культуры исходили не от частных лиц (хотя и от них тоже), а от чиновников, законодателей, то есть от тех, кто имел право выступать от лица другого сообщества (государства), поэтому высказываемые активистами в социальных сетях призывы гораздо быстрее, нежели в случае отмены частных лиц или брендов, приводили к конкретным действиями со стороны зависимых от государства структур и организаций. Соответственно, реакция отменяемых также идет с позиции сообщества, а не отдельных частных лиц. Канселлинг в этом случае усиливает оппозицию «мы – они», следовательно, «у “отмененной России” появляется возможность четче и яснее сформулировать для себя и окружающего мира, против чего и за что она выступает, в чем состоит идея, которую она предлагает остальным» (Энтина, 2022).

В-четвертых, культура отмены вполне эффективна, когда отменяемые зависят от отменяющих и не имеют других альтернатив. Например, кого-то из медийных персонажей исключают из медийной повестки, лишая их таким образом контрактов и способов заработка, однако русская культура сама по себе не зависит от того, отменяют ли концерты российских исполнителей на Западе. То есть, отмена русской культуры выступает следствием сложившихся программных и идеологических основ, а цель акторов не столько в полном канселлинге, сколько в ответе на актуальную повестку и стремлении набрать больше политических очков.

Таким образом, несмотря на доминирование этического дискурса и общий приоритет моральной риторики, в случае отмены русской культуры речь идет об ограничении возможностей для России влиять на мировую культуру и мировое сообщество вообще. Стюарт Холл представлял культуру как постоянно оспариваемую территорию: он называл ее «своего рода постоянным полем битвы» (Hall, 1981, p. 233). Так как под отменой русской культуры часто имеется ввиду канселлинг всего, имеющего отношение к России, культура отмены как практика превращается в серьезный экономический инструмент, формируя «новую чувствительность» при покупке товаров (Демшина, 2022). Российские производители, как и исполнители, были вынуждены уйти с западных рынков, российское высшее образование теряет студентов⁴⁶.

⁴⁵ Thomas Erndl: Ukraine langfristig unterstützen! (2023, Juni 14). *CSU im Bundestag*. Abgerufen November 3, 2024, aus <https://www.csu-landesgruppe.de/themen/auswaertiges-europa-verteidigung/thomas-erndl-ukraine-langfristig-unterstuetzen>

⁴⁶ Лазарева, А. (2023, 4 января). Как идет в России замещение западных брендов. *Вести.ru*. Взято с 3 ноября 2024, с <https://www.vesti.ru/finance/article/3131968>; Приходите, дети, в Африку экзамены сдавать (2023, 4 июня). *Коммерсантъ*. Взято 3 ноября 2024, с <https://www.kommersant.ru/doc/6015587>

Как видим, действия акторов канселлинга оказываются подчинены вполне рациональной экономической логике, но эта рациональность встраивается в другую систему координат и окрашивается моральной риторикой. Культура отмены не столько поляризует общество, о чем упоминали исследователи (Donnelly, 2021; Kovalik, 2021; Dershowitz, 2020), сколько оказывается одним из механизмов распределения сил в мире.

Еще один аспект рациональной логики отмены русской культуры проявляется в стремлении акторов, особенно в Польше, использовать «русскую карту» как способ набрать дополнительные политические очки. Например, в конце 2023 года правительственная комиссия, состоявшая преимущественно из функционеров Пис, не рекомендовала назначать председателя «Гражданской платформы» Дональда Туска и ряда членов этой партии на должности, связанные с национальной безопасностью из-за того, что в годы своего предыдущего премьерства Туск подписал соглашение о сотрудничестве польской военной контрразведки и ФСБ России. Однако позже сам Туск отметил «растущее влияние белорусских и российских служб в нашей системе правления», подчеркнув таким образом связь конкурирующей партии с Россией: «Под властью Пис службы вели себя как парализованные»⁴⁷.

Осмысление рационального аспекта культуры отмены позволяет говорить о ней как о способе фрагментарной цензуры, направленной на решение частных прагматических задач участвующих акторов: «Мы имеем дело с попыткой цензуры, попыткой исключить людей из общественной жизни из-за их взглядов. Того, кто не верит, что это наша война, называют “русской шлюхой” или “русским агентом”»⁴⁸.

Заключение

Таким образом, являясь первоначально маргинальной практикой, выступающей следствием социальной борьбы, культура отмены в случае призывов к отмене крупных сообществ оказывается функцией от расстановки политических сил и инструментом политической и идеологической борьбы. Дискуссии вокруг канселлинга показывают политическую поляризацию и изменения ценностных и нормативных аспектов, а также растущую социальную реакцию на эти процессы.

Мы анализировали культуру отмены как политическую практику, обращая внимания на роль этических и аксиологических аспектов в действиях акторов, а также влияние соответствующей риторики. На основании изучения выступлений, работ политических акторов, а также действий, предпринимаемых общественными организациями и учреждениями культуры, были получены следующие выводы.

⁴⁷ Wotum nieufności wobec kolejnego ministra odrzucone (2024, Maj 9). Gov.pl. Pobrane 2 Listopad, 2024, z <https://www.gov.pl/web/premier/pdt-sejm-wotum#:~:text=Dzisiaj%20dowiedz%20si%C4%99%20o%20szez%C3%B3w,rosyjskich%20s%C5%82u%C5%BCb%20E2%80%93%20m%C3%B3wi%C5%82%20Donald%20Tusk>

⁴⁸ Głuszek, A. (2022). Powstał Polski Ruch Antywojenny. *Mysł Polska*. Pobrane 2 Listopad, 2024, z <https://myslpolska.info/2023/02/04/powstal-polski-ruch-antywojenny/>

1. Вместо «коллективного Запада» имеет смысл более внимательно относиться к отдельным акторам в различных странах, их аргументации, мотивации и интересам.

2. Несмотря на разделяемые отдельными акторами ценности, их действия по отношению к русской культуре и ее возможному канселлингу могут быть различными. Верно и обратное: похожие действия, связанные, например, с запретом на въезд российских спортсменов, могут исходить от акторов, пропагандирующих разные ценности. Соответственно, роль ценностей как определяющей в канселлинге можно считать несколько преувеличенной, когда речь идет об отмене крупных сообществ.

3. Практики остракизма по отношению к крупным сообществам нельзя признать эффективными. Во-первых, в отличие от отмены отдельного человека или бренда, канселлинг крупных сообществ приводит к консолидации внутри «отменяемого» сообщества. Во-вторых, акторы в этом случае не имеют определяющего влияния на отменяющее сообщество.

4. Однако, если рассматривать призывы к отмене русской культуры, оставляя за скобками моральную риторику, то они, безусловно, способствуют ограничению возможностей России влиять на мировую культуру, позволяют акторам набрать дополнительные политические очки, эксплуатируя актуальную повестку и говорить о канселлинге как способе фрагментарной цензуры, направленной на решение частных прагматических задач участвующих акторов.

Список литературы

1. Быков, И. А. (2021). Культура отмены как элемент системы коммуникативных агрессий XXI века. В *Наука СПбГУ – 2020: сборник материалов Всерос. конф. по естеств. и гуманитар. наукам с междунар. участием, С.-Петербург, 24 дек. 2020 г.* (с. 791). Санкт-Петербург: Скифия-принт.
2. Головашина, О. В. (2024). «Культура отмены»: исключенность и историческая идентичность. *Антиномии*, 24(3), 38–54. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_38
3. Демшина, А. Ю. (2022). Новая чувствительность и экономика события. *Общество. Среда. Развитие*, (3), 104–109. https://doi.org/10.53115/19975996_2022_03_104-109
4. Котунова, О. В. (2022). Культура отмены: этический анализ. *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*, (2), 92–106.
5. Мусиева, Д. М. (2022). «Гибридная война» коллективного Запада против России. *Информационные войны*, (2), 29–35.
6. Чугров, С. В. (2022). Культура отмены в мировой политике: историко-культурные корни. *Полис. Политические исследования*, (5), 88–98. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07>
7. Шамне, Н. Л., Майер, В. С. (2023). Слова года как лингвистические маркеры культуры отмены (cancel culture). *Мир науки, культуры, образования*, (1), 288–290. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-198-288-290>

8. Энтина, Е.Г. (2022). От «отменённой России» к стране-цивилизации. *Россия в глобальной политике*, 20(5), 98–108. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-5-98-108>
9. Bale, T., & Szczerbiak, A. (2008). Why Is There No Christian Democracy in Poland – and Why Should We Care? *Party Politics*, 14(4), 479–500. <https://doi.org/10.1177/1354068808090256>
10. Dershowitz, A. (2020). *Cancel Culture. The Latest Attack on Free Speech and Due Process*. New York: Hot Books.
11. Donnelly, K. (2021). *Cancel Culture: And the Left's Long March*. Melbourne: Wilkinson Publishing.
12. Haidt, J., & Lukianoff, G. (2018). *The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure*. New York: Penguin Press.
13. Hall, S. (1981). Notes on Deconstructing “the Popular”. In R. Samuel (Ed.), *People's History and Socialist Theory* (pp. 227–240). London: Routledge and Kegan Paul.
14. Hanley, S., Szczerbiak, A., Haughton, T., & Fowler, B. (2008). Sticking Together: Explaining Comparative Centre–Right Party Success in Post-Communist Central and Eastern Europe. *Party Politics*, 14(4), 417–434. <https://doi.org/10.1177/1354068808090253>
15. Kovalik, D. (2021). *Cancel this Book: The Progressive Case against Cancel Culture*. New York: Hot Books.
16. Kowalczyk, K. (2015). Stanowiska polskich partii politycznych wobec religii i Kościoła. Propozycja typologii. *Studia Politicae Universitatis Silesiensis*, (15), 156–189.
17. Marcinkiewicz, K., & Stegmaier, M. (2016). The parliamentary election in Poland, October 2015. *Electoral Studies*, 41(4), 221–224. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.01.004>
18. Molendowska, M. M. (2017). Christian Democracy in Poland (19th–21st Century). *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska, sectio K – Politologia*, 24(1), 180–196. <https://dx.doi.org/10.17951/k.2017.24.1.179>
19. Norris, P. (August 3, 2020). Closed Minds? Is a “Cancel Culture” Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? HKS Working Paper No. RWP20–025. 29 p. *SSRN Electronic Journal*. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3671026>
20. Szczerbiak, A. (2017). An anti-establishment backlash that shook up the party system? The October 2015 Polish parliamentary election. *European Politics and Society*, 18(4), 404–427. <https://doi.org/10.1080/23745118.2016.1256027>

References

1. Bale, T., & Szczerbiak, A. (2008). Why Is There No Christian Democracy in Poland – and Why Should We Care? *Party Politics*, 14(4), 479–500. <https://doi.org/10.1177/1354068808090256>
2. Bykov, I. A. (2021). Kul'tura otmeny kak element sistemy kommunikativnykh agressiy XXI veka [Cancel culture as an element of the system of communicative aggression of the XXI century].

aggressions of the 21st century]. In *Nauka SPbGU – 2020: sbornik materialov Vseros. konf. po estestv. i gumanit. naukam s mezhdunar. uchastiem*, S.-Peterburg, 24 dek. 2020 g. (p. 791). St. Petersburg: Skifiya-print.

3. Chugrov, S. V. (2022). Kul'tura otmeny v mirovoy politike: istoriko-kul'turnye korni [Cancel culture in world politics: historical and philosophical roots]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (5), 88–98. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07>

4. Demshina, A. Yu. (2022). Novaya chuvstvitel'nost' i ekonomika sobytiya [New sensitivity and the economy of the event]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, (3), 104–109. https://doi.org/10.53115/19975996_2022_03_104-109

5. Dershowitz, A. (2020). *Cancel Culture. The Latest Attack on Free Speech and Due Process*. New York: Hot Books.

6. Donnelly, K. (2021). *Cancel Culture: And the Left's Long March*. Melbourne: Wilkinson Publishing.

7. Entina, E. G. (2022). Ot "otmenennoi Rossii" k strane-tsvivilizatsii [From "cancelled Russia" to a country-civilization]. *Rossiya v global'noy politike*, 20(5), 98–108. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-5-98-108>

8. Golovashina, O. V. (2024). "Kul'tura otmeny": isklyuchennost' i istoricheskaya identichnost' [Cancel culture: exclusion and historical identity]. *Antinomii*, 24(3), 38–54. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_38

9. Haidt, J., & Lukianoff, G. (2018). *The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure*. New York: Penguin Press.

10. Hall, S. (1981). Notes on Deconstructing "the Popular". In R. Samuel (Ed.), *People's History and Socialist Theory* (pp. 227–240). London: Routledge and Kegan Paul.

11. Hanley, S., Szczerbiak, A., Haughton, T., & Fowler, B. (2008). Sticking Together: Explaining Comparative Centre-Right Party Success in Post-Communist Central and Eastern Europe. *Party Politics*, 14(4), 417–434. <https://doi.org/10.1177/1354068808090253>

12. Kotunova, O. V. (2022). Kul'tura otmeny: eticheskiy analiz [Cancel culture: ethical analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*, (2), 92–106.

13. Kovalik, D. (2021). *Cancel this Book: The Progressive Case against Cancel Culture*. New York: Hot Books.

14. Kowalczyk, K. (2015). Stanowiska polskich partii politycznych wobec religii i Kościoła. Propozycja typologii [Polish political parties to religion and the Church. The proposal of typology]. *Studia Politicae Universitatis Silesiensis*, (15), 156–189.

15. Marcinkiewicz, K., & Stegmaier, M. (2016). The parliamentary election in Poland, October 2015. *Electoral Studies*, 41(4), 221–224. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.01.004>

16. Molendowska, M. M. (2017). Christian Democracy in Poland (19th–21st Century). *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska, sectio K – Politologia*, 24(1), 180–196. <https://dx.doi.org/10.17951/k.2017.24.1.179>

17. Musieva, D. M. (2022). "Gibridnaya voyna" kollektivnogo Zapada protiv Rossii ["Hybrid war" of the collective west on Russia]. *Informatsionnye voyny*, (2), 29–35.

18. Norris, P. (August 3, 2020). Closed Minds? Is a “Cancel Culture” Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? HKS Working Paper No. RWP20–025. 29 p. *SSRN Electronic Journal*. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3671026>

19. Shamne, N.L., & Mayer, V.S. (2023). Slova goda kak lingvisticheskie markery kul'tury otmeny (cancel culture) [Words of the year as linguistic markers of cancel culture]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, (1), 288–290. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-198-288-290>

20. Szczerbiak, A. (2017). An anti-establishment backlash that shook up the party system? The October 2015 Polish parliamentary election. *European Politics and Society*, 18(4), 404–427. <https://doi.org/10.1080/23745118.2016.1256027>

Информация об авторах

Оксана Владимировна Головашина, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-0967>, e-mail: ovgolovashina@mail.ru

Роман Юрьевич Батищев, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия, доцент кафедры истории и теории государства и права, Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7820-8835>, e-mail: romanbatishhev@rambler.ru

Information about the authors

Oksana Vladimirovna Golovashina, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-0967>, e-mail: ovgolovashina@mail.ru

Roman Yuryevich Batishchev, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, Associate Professor, Department of History and Theory of State and Law, Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7820-8835>, e-mail: romanbatishhev@rambler.ru

УДК 321.01

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_29

ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ: МЕЖДУ НАУЧНОЙ ТЕОРИЕЙ И ИНСТРУМЕНТОМ «КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ»

Даниил Александрович Аникин,

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
dandee@list.ru

Илья Андреевич Туркин,

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы,
Москва, Россия,
Ilya.turkin2001@gmail.com

*Получена 12.11.2024.**Поступила после рецензирования 05.02.2025.**Принята к публикации 24.02.2025.*

Для цитирования: Аникин Д.А., Туркин И.А. Постколониализм: между научной теорией и инструментом «культуры отмены» // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 1. С. 29–42. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_29

Аннотация

Данная статья посвящена анализу использования постколониальной теории по отношению к России. В контексте кризиса международной безопасности икратно усилившегося соперничества великих держав реактуализируется проблема изучения использования научных дискурсов, в основании которых лежит определенный

© Аникин Д.А., Туркин И.А., 2025

политический проект. Цель данной работы – выявить границы применения постколониальной теории по отношению к России. Для выполнения поставленной цели авторы решают следующие исследовательские задачи: а) выявление внутренних противоречий постколониальной теории и б) определение границы применения данной теории по отношению к России. Делается вывод о кризисе постколониальной теории из-за нормативного элемента, который не позволяет разграничить постколониальную теорию и ее использования в качестве инструмента «культуры отмены». Утверждается, что постколониальный дискурс не столько устраняет диспропорции доминирования одних групп над другими, сколько создает новые властные рамки, которые включают потенциальную прибавочную репрессию. В этих границах приоритетное место отводится постколониальному субъекту, который на дискурсивном уровне получает приоритетный статус. В работе выделяются два метода, которые используются при конструировании постколониального субъекта: конструирование традиции и жаргона подлинности. Оба метода указывают на фактическое отсутствие аутентичности, к которой стремится постколониальный субъект для легитимации своего статуса и увеличения своего символического капитала. Показано, что научные подходы по применению постколониальной оптики к России являются ангажированными и ценностно нагруженными, что приводит к девальвации объективности.

Ключевые слова:

постколониальная теория, деколонизация, дискурс, Subaltern Empire, внутренняя колонизация, культура отмены

Источник финансирования:

статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2024-0007 «Постколониализм как инструмент культуры отмены: особенности дискурса и мемориальные практики»).

UDC 321.01

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_29

POSTCOLONIALISM: BRIDGING ACADEMIC THEORY AND THE INSTRUMENT OF CANCEL CULTURE

Daniil A. Anikin,

State Academic University for the Humanities,
Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia,
dandee@list.ru

Ilya A. Turkin,

State Academic University for the Humanities,
P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia,
Ilya.turkin2001@gmail.com

Received 12.11.2024.

Revised 05.02.2025.

Accepted 24.02.2025.

For citation: Anikin, D.A., Turkin, I.A. (2025). Postcolonialism: Bridging Academic Theory and the Instrument of Cancel Culture. *Discourse-P*, 22(1), 29–42. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_29

Abstract

This article examines the application of postcolonial theory in relation to Russia. Amid the ongoing international security crisis and heightened rivalry between great powers, the relevance of studying scientific discourses tied to specific political projects has been reestablished. The article aims to delineate the limits of postcolonial theory applicability regarding Russia. To achieve this, the authors address two key research tasks: a) identifying the internal contradictions within postcolonial theory, and b) determining its limits in relation to Russia. The study concludes that postcolonial theory is experiencing a crisis due to its normative elements, which blur the lines between theoretical discourse and its use as a tool for *cancelling culture*. It argues that postcolonial discourse fails to rectify existing power imbalances of dominance, but instead creates new boundaries of power that may lead to additional forms of repression. Within these boundaries, the postcolonial subject is prioritized and granted a privileged status at the discursive level. The paper identifies two methods employed in constructing the postcolonial subject: *the construction of tradition and the jargon of authenticity*. Both methods highlight a fundamental lack of authenticity that the postcolonial subject seeks to

legitimize in order to enhance symbolic capital. Furthermore, approaches applying postcolonial perspectives to Russia are biased and value-laden, which results into a devaluation of objectivity.

Keywords:

postcolonial theory, decolonization, discourse, Subaltern Empire, internal colonization, cancel culture

Funding:

The article was developed at the State Academic University of the Humanities as part of the state assignment from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation following the results of the competitive selection of Social Research Expert Institute (EISI) (topic No. FZNF-2024-0007 "Postcolonialism as A Tool of Cancel Culture: Features of Discourse and Memorial Practices").

Введение

Одним из ключевых политических событий современных международных отношений является процесс деколонизации стран Африки, Азии и Латинской Америки. Достаточно сказать, что на момент основания ООН в организацию входило пятьдесят одно государство, в то время как сегодня это число составляет сто девяносто три. Данное положение особенно важно в контексте выстраивания многополярной системы международных отношений, которая предполагает эгалитарное и демократическое управление. Если во время доминирования колониальных западных империй только они имели право голоса, то сегодня невозможно не учитывать мнение тех стран, которые объединяются под единым означающим «глобальный Юг».

Несмотря на факт распада колониальной системы, обвинения в колониализме остаются значимым фактором политики. Возникает даже парадоксальная ситуация: постколониализм, выросший из риторики освобождения угнетенных народов, перерастает рамки научного дискурса, превращаясь в обоюдоострый политический инструмент, который может быть использован не только для анализа сложного комплекса связей между сообществами в условиях имперского миропорядка, но и как инструмент политического переосмысления прошлого и настоящего. Следствием политизации постколониальной риторики вполне закономерно становится «культура отмены» по отношению к тому сообществу, которое трактуется как «угнетающее». «Культуру отмены» в данном случае стоит трактовать как механизм коллективного остракизма, но не по отношению к отдельному человеку, а к определенным образам прошлого, которые являются значимыми для современного сообщества. Следовательно, объектом подобного канселлинга оказываются не только памятники историческим персонажам, но и те люди, для которых эти памятники символически значимы.

И здесь ключевым вопросом по отношению к постколониализму становится сама возможность разведения научного и политического инстру-

ментария. С одной стороны, президент Российской Федерации В.В. Путин утверждает, что западные элиты пытаются подвести идеологическую основу под идею о расчленении России по национальному признаку. При этом, с другой стороны, уже в рамках экспертного дискурса формируются идеи, которые во многом реабилитируют само понятие «империи», указывая на ее позитивное воздействие по отношению к колониальным территориям (Михалев, 2019). Поэтому в контексте кризиса международной безопасности икратно усилившегося соперничества великих держав реактуализируется проблема изучения использования научных дискурсов, в основании которых лежит определенный политический проект. Ввиду этого целью данной работы является выявление границ применения постколониальной теории по отношению к России. Для выполнения поставленной цели нами были определены следующие исследовательские задачи: а) выявление внутренних противоречий постколониальной теории и б) определение границы применения данной теории по отношению к России и тех проблемных моментов, которые становятся препятствием на пути полноценного использования постколониализма как научного подхода.

***Subaltern Studies* и ее теоретические противоречия**

Изначально процесс деколонизации не привел к значительным интеллектуальным сдвигам, так как сама зависимость бывших колоний осознавалась через призму экономического редукционизма. В этом ключе развивается теория модернизации, которая постулирует, что для достижения полной независимости бывшие колонии должны просто пройти все те этапы, которые прошли страны Запада, чтобы достичь уровня центра. Несмотря на то, что теория модернизации долго оставалась интеллектуальным мейнстримом, альтернативу ей предложили теоретики постколониализма, которые утверждают, что колониальная зависимость никогда не сводилась исключительно к экономической эксплуатации, но коренилась в структурах языка, культуры и идеологии. Вокруг процесса деколонизации начало выстраиваться отдельное междисциплинарное направление — постколониальная теория (*Subaltern Studies*), которая изменила современный интеллектуальный ландшафт. Например, Бахман-Медик выделяет «постколониальный поворот» в качестве одного из семи «культурных поворотов», то есть парадигмальных смен исследовательского фокуса (Бахман-Медик, 2017). Это проявляется в том, что сегодня любой исследователь в той или иной степени должен находиться в непрерывном диалоге с идеями мультикультурализма, локальных идентичностей и борьбы с европоцентризмом.

Сами постколониальные исследования испытывают влияния двух больших течений: марксизма и постструктурализма/постмодернизма (Gandhi, 2019).

Влияние марксизма заключается в общем пафосе деколонизации и критике капитализма. С этой точки зрения, крупнейшие страны центра эксплуатируют периферию, а империализм является высшей стадией развития капитализма. Взяв антиколониальный пафос марксизма, теоретики постколониализма отказались от его экономического детерминизма и западноцентричного универсализма, так как классический марксизм все равно представлял европейский путь

развития как норму, к которой должны прийти все развитые страны. Представители постколониальной теории предлагают «провинциализировать» Европу, тем самым показав плюральность современного мира в противовес европоцентризму (Чакрабартти, 2021). Такой шаг не приводит к абсолютному политическому релятивизму, но предполагает обогащение опыта Западной Европы опытом стран Юга, тем самым создавая новый универсалистский проект.

От постструктурализма/постмодернизма постколониальные исследования взяли проблематику языка. Основываясь на работах М. Хайдеггера, М. Фуко, Ж. Дерриды и др., постколониальные исследования ориентируются на идею о том, что язык не нейтрален, что в его структуре присутствуют механизмы контроля и подавления. Теоретики *Subaltern Studies* утверждают, что колонизаторы навязывают определенный способ общения и мышления для угнетенных, чтобы последние не могли выйти за рамки сконструированных границ власти, а следовательно, угнетаемый всегда вынужден заявлять о себе на языке угнетателя. В рамках постколониальной теории приоритетное место отводится именно роли культуры как конституирующего фактора для создания постколониального субъекта и критического отношения к существовавшим до этого дискурсивным практикам. Ван Дейк указывает следующие критерии критических исследований: а) отношения доминирования изучаются в обязательном порядке с точки зрения и в интересах подчиненной группы; б) опыт (участников) подчиненной группы используется как свидетельство оценки доминирующего дискурса; в) дискурсивные действия доминирующей группы могут быть истолкованы как нелегитимные; г) адекватные альтернативы доминирующему дискурсу могут быть созданы только с учетом интересов подчиненных групп (Ван Дейк, 2015, с. 23–24). Из этого следует, что постколониальная теория обладает большим нормативным элементом, цель которого – предоставление права бывшим колониям говорить за самих себя.

Данный нормативный элемент определяет «кризис» направления». Суть этого кризиса заключается не только в методологических лакунах, которые не может заполнить данная область исследований, но и в том, что сама апелляция к колониализму становится символическим ресурсом, который используется в процессе политической борьбы. На практике это проявляется в том, что подчиненные группы на уровне текста получают приоритетный статус по отношению к потенциальным угнетателям. Такая постановка проблемы неизбежно возрождает дискурс исторической ответственности и, как следствие, открывает пространство для манипуляций (Котунова, 2024). Поскольку соотношение «угнетателей» и «угнетенных» является не объективной данностью, а результатом работы дискурса, это приводит к конструированию таких эссенциализированных категорий, как «Запад» и «Восток», где первый предстает в качестве внеисторического угнетателя, а второй – в качестве внеисторической жертвы. Данная «внеисторичность» указывает не столько на категорию актуальной вины, сколько на категорию ответственности, которую должны нести потомки угнетателей, чтобы «разобраться» с трудным прошлым.

Необходимо отметить, что постколониальная теория на практике не предполагает моментальное перераспределение властных ресурсов к миноритарным группам, которые сами по себе не обладают пониманием своей угнетенной идентичности. Чтобы им это осознать, нужны символические элиты,

которые имеют доступ к публичному дискурсу. Такими элитами становятся или представители тех самых групп «угнетателей», или элиты миноритарных групп, которые не смогли встроиться в доминирующую вертикаль власти. Это означает, что постколониальная теория в политическом поле выполняет эффективно две функции: конструирование сообщества и его мобилизацию с целью последующего перераспределения властных ресурсов. Такое сообщество предстает в политике в качестве постколониального субъекта, стремящегося закрепить в публичном пространстве новое представление о прошлом, настоящем и будущем.

Можно выделить два взаимосвязанных метода, которые используются в процессе утверждения постколониального субъекта: конструирование традиции и жаргона подлинности. Оба метода связаны с задачей создания сообщества, которое должно осознавать себя в качестве объективно данного. Эта объективность утверждается с помощью легитимации сообщества через апелляцию к ее подлинности или аутентичности. Но поскольку такая «аутентичность» предстает в качестве утерянной, она возвращается через процедуру конструирования традиции и создания подлинного языка, который должен репрезентировать тип жизни, утерянный подчиненной группой. Характерным примером создания постколониального субъекта является Индия, которая сформировалась в качестве единого и суверенного государства во многом благодаря английской и отчасти французской колонизации. Поэтому досовременная индийская история полностью является изобретением современной Индии, даже при условии, что такого единого пространства как «Индия» могло никогда и не появиться (Валлерстайн, 2006).

В этом смысле следует разграничить «постколониализм» как исследовательскую стратегию и «деколониализм» как форму активизма (Малахов, 2023b). Но также стоит отметить, что сами постколониальные работы крайне интердискурсивны, то есть в рамках одного текста может быть представлена апелляция как к академическому, так и к активистскому дискурсу. Это не снижает ценность постколониальной теории, но побуждает исследователя обратить внимание на политический элемент в использовании подхода. С точки зрения активистского дискурса знак «колониализм» является одним из плавающих означающих, главная цель которого – стигматизация конкурирующих акторов. Это предполагает уравнивание всех империй или маркирование государств в качестве империй, а затем их последующее наделение исключительно негативными характеристиками. Классическим примером подобного плавающего означающего, которое выполняет схожие функции, является знак «фашизм», который сегодня служит скорее не аналитической категорией, сколько обзывательством (Соловьев, 2021).

Во-первых, постколониальная теория в противовес первой волне модернизационного подхода настаивает, что зависимость центра и периферии не может быть преодолена с помощью экономических реформ по западному образцу. Утверждается, что формальный статус независимости деколонизованных стран никогда не приводил к фактической самостоятельности, так как угнетение находится не только на уровне базиса (экономики), а в первую очередь на уровне надстройки (идеологии, культуры и языка). Во-вторых, постколониальная теория, как и любая теория с приставкой «пост» является частью «постмодернистского» поворота в гуманитарном знании. Такой поворот утверждает, что любое знание ангажировано, а следовательно,

включено в непрерывный процесс борьбы дискурсов. В-третьих, постколониальная теория основывается на нормативном элементе, который включает необходимость создания постколониального субъекта. Такой субъект утверждается с помощью двух легитимирующих методов: конструирование традиции и создание жаргона подлинности. В-четвертых, нельзя четко разграничить «постколониализм» как исследовательскую стратегию и «деколониализм» как форму активизма. Это приводит к тому, что постколониальная теория перестает создавать универсальное знание, так как доминирующие представления о мультикультурализме не способствуют гражданской солидарности, но провоцируют сегментацию общества по этническому признаку (Малахов, 2023а).

Постколониальное «прочтение» России: издержки теории и политический контекст

Изначально постколониальный дискурс применялся исключительно для анализа взаимодействия классических морских империй и их метрополий. Это во многом связано с тем, что классики данной теории являются выходцами из колоний Франции и Англии. Но по мере популяризации деколониального знания дискурс начал расширять свои рамки, включая в свою область дискурсивности все новые и новые объекты.

Россия была затронута «деколонизацией» далеко не сразу, так как деколонизационный дискурс появился как факт только во второй половине XX в. СССР не позиционировал себя в качестве продолжателя политики Российской империи. Более того, советский дискурс всегда структурировался вокруг таких узловых точек, как «дружба народов», «антиколониальная борьба», «интернационализм» в противовес «русскому шовинизму» и «американскому империализму». Даже несмотря на очевидные проблемы в национальном вопросе и стигмах вроде «Evil Empire», нельзя сказать, что политика СССР конвенционально считалась имперской. Поэтому вопрос о деколонизации советского или постсоветского пространства носил отпечаток идеологии и политики. Часто обвинения СССР в империализме и имперскости были не столько аналитическими категориями, сколько идеологическими конструкциями, направленными на делигитимацию оппонентов.

В современной публичной риторике применение термина «империя» по отношению к СССР предполагает вполне определенные идеологические коннотации, как правило, негативного толка. Но, как отмечает Сергей Абашин, СССР необходимо рассматривать в качестве сложного и глубоко амбивалентного феномена, который нельзя сводить к понятию «империя» (Абашин, 2016). Сам по себе Советский Союз был уникальным социо-политическим образованием. Если СССР и был империей, то очень нетипичной, так как его идеология во многом опиралась на антиколониальные идеи и практики. Например, на нетипичность СССР указывают многочисленные программы преодоления неравенства между центром и периферией (Малахов, 2023b), в то время как для классических империй колонии были в первую очередь сырьевым придатком, отсталость которого необходимо было поддерживать. Также основное внимание интеллектуалов было направлено на страны Запада, а вопрос о роли

России в колонизации других народов поднимался, но никогда не являлся частью интеллектуального мейнстрима. Например, Э. Саид отмечал необходимость рассмотрения кейса взаимодействия культуры и империализма в России, но сам анализ не проводил (Саид, 2012).

Интерес к применению постколониальной теории к России был снова реактуализирован в связи с распадом Советского Союза и крахом коммунистических режимов в Европе. С точки зрения политики идентичности бывший социалистический блок представлял собой вакуум, который стремились заполнить самые разные дискурсы (от откровенно конспирологических до радикально националистических или космополитических), цель которых – утверждение и легитимация нового представления о нации. Данная проблематика усугублялась общей полупериферийностью как Восточной Европы, так и России. В первом случае это привело к закреплению «центр–периферийной» модели, когда страны полупериферии встраиваются в центр на правах периферии (Сайфуллаев, 2020), а во втором – к росту национализма и ресентимента в связи с отказом от принятия в «центр» мир-системы и сохранения старого полупериферийного статуса.

На этом фоне начинается дискуссия, почему ни у России, ни у стран Восточной Европы не получилось достичь положения центра на правах центра. Для Восточной Европы, с точки зрения постколониализма, ответом является наследие двойной колонизации: Германии и Австрии как представителей Центральной Европы (или Запада в целом) и России как представителя Восточной Европы. Поэтому оптимальным путем борьбы с колониализмом является противодействие, во-первых, России как стране-империи, а во-вторых, странам, которые могут потенциально возродить свою имперскую политику.

С другой стороны, как было отмечено ранее, применение постколониальной оптики к Российской Федерации является гораздо более проблематичным. Во-первых, Россия в девяностые годы отрешивалась как от советского прошлого, так и от части имперского наследия. Официальный дискурс провозглашал себя наследником конституционных преобразований и Февральской революции. Во-вторых, Россия даже присоединение Крыма обосновывала апелляцией к нормам международного права, а именно – к праву народов на самоопределение. В-третьих, политика России никогда не отличалась от политики великих держав на международной арене. Расширение понятия империи если и может применяться, то или с теоретических позиций, изложенных А. Хартом и М. Негри в их работе «Империя», или при утверждении, что сами империи как акторы мировой политики никуда не исчезли. Обе теоретические предпосылки ведут к девальвации понятия «империя» для активистского дискурса. В первом случае Россия становится безответственной за проведение «имперской» политики, так как субъектность переносится с уровня национального государства на наднациональный уровень капитала. Во втором случае понятие «империя» должно освобождаться от агрессивно-негативной или негативно-позитивной эмоциональной окраски, чтобы выступать в качестве аналитической категории (Миллер, 2024).

Двойственность применения понятия «империя» по отношению к России демонстрирует В. Морозов в своей концепции подчиненной империи (*Subaltern*

Empire), которую он артикулировал сначала в статье «Подчиненная империя? К постколониальному подходу к российской внешней политике» (Mogozov, 2015b), а затем расширил ее трактовку в своей книге «Постколониальная идентичность. Подчиненная империя в евроцентричном мире» (Mogozov, 2015a). Опираясь на идеи внутренней колонизации и периферийной империи, он приходит к выводу, что политику России детерминирует глубокая амбивалентность: статус угнетенного и статус угнетателя.

Определяя субальтерна как того, кто «лишен избирательных прав, имеет «недостаточный доступ к способам представительства», того, чья деятельность ограничена (и сконструирована как ограниченная, например, в ориенталистских дискурсах) существующим социальным порядком – «структурированным местом, из которого возможность доступа к власти радикально затруднена» (Mogozov, 2015a, p. 10), В. Морозов утверждает, что необходимо отказаться от возможности субальтернов на доступ к истине. В контексте России это означает, что она, благодаря своему полупериферийному статусу, способна говорить от имени подчиненных, которые в то же самое время включены в структуру глобального доминирования в качестве ее местных репрессивных агентов. С точки зрения автора, гегемонистский дискурс позволяет России использовать западный язык для того, чтобы обосновать свои претензии к Западу.

Вторым важным утверждением является тезис о том, что данный дискурс является манипулятивным, так как фактически не создает альтернативных и менее репрессивных способов организации международного порядка. В. Морозов утверждает, что язык, который Россия использует для того, чтобы бросить вызов гегемонии Запада, также является европоцентричным (Морозов, 2009). Такая репрезентация России предполагает идейный плюриверсум вовне России, но не индивидуальное многообразие внутри. На практике это означает, что задачей правящей элиты России становится, во-первых, не столько утверждение многополярного мира, сколько утверждение своего регионального доминирования в Восточной Европе и на постсоветском пространстве, а во-вторых, – продолжение репрессий по отношению к инакомыслящим внутри страны.

Одной из основных идей работ В. Морозова было утверждение, что «получающийся на выходе набор «подлинно российских ценностей» – не более чем зеркальное отражение представлений россиян о Западе и его пороках» (Морозов, 2014). Это предполагает наличие у автора некой политической программы, которая не является четко артикулированной, но которую, очень огрубляя, можно свести к следующей формуле: России необходимо перестать пытаться создавать контргегемонистские дискурсы, но возвращаться в семью цивилизованных европейских народов. Если утверждения о бесплодности предыдущих попыток отхода от европоцентричной модели корректно описывали идентичность России до 22 февраля 2022 г., то сегодня данный тезис нуждается в повторных проверках.

Заключение

На текущий момент постколониальная теория находится в состоянии теоретического кризиса. Главной причиной этого кризиса является ангажированность самого дискурса, которая не позволяет разделить «постколониальную» теорию

и «деколониционную» стратегию. Это не означает, что необходимо отказываться от изучения постколониализма, но побуждает искать новые теоретические и методологические предпосылки, которые позволят реабилитировать эвристический потенциал данного подхода. Постколониальный дискурс фактически игнорирует главный тезис, который лежит в основании теории: власть и знание взаимосвязаны. Если теоретики *Subaltern Studies* корректно выделяют природу доминирования европейских колоний, то они не обращают внимание, что новый дискурс деколонизации также создает властные рамки, которые включают потенциальную прибавочную репрессию. Данная репрессия заключается в том, что позиция жертвы наделяется монополией на истину, а следовательно, это создает пространство для инструментализации знания в политических целях.

В ходе работы были выделены два метода, которые используются при конструировании постколониального субъекта: конструирование традиции и жаргона подлинности. Оба метода указывают нам на фактическое отсутствие аутентичности, к которой стремится постколониальный субъект для легитимации своего статуса и увеличения своего символического капитала. Снятие данного противоречия лежит в активистском дискурсе, который, с одной стороны, позволяет создать эссенциализированные и застывшие категории «Запада» и «Востока», но, с другой стороны, создает больше логических противоречий.

Применение постколониальной оптики по отношению к России демонстрирует уязвимость теории, тем самым снижая границы использования данного подхода из-за того, что анализ неизбежно включает в себя элементы идеологизации. Призывы к «культуре отмены» России, которые звучат извне, зачастую предполагают использование постколониальной риторики в качестве инструмента ее внутренней дифференции, выделения «угнетенных сообществ» и их противопоставление колониальной гегемонии Российской империи и СССР. Такой нормативный элемент не может быть беспроблемно принят в академическом сообществе, так как включает определенный проект видения будущего, в котором «политическое» часто перевешивает «научное». Тем не менее необходимо отметить, что постколониальная теория все еще обладает большим потенциалом для изучения России. Главная проблема заключается в том, что Россия не вписывается в западноевропейскую колониальную модель. Постколониальная теория, выстраиваемая через призму неоднозначности отношений сообществ в условиях имперского политического устройства, позволяет выявить многие проблемы российского общества, российской идентичности и доминирующего властного дискурса, которые не могут быть раскрыты через классические методологические рамки.

Список литературы

1. Абашин, С. (2016). Советское = колониальное? (За и против). В Г. Мамедов, О. Шаталова (Сост., ред.), *Понятия о советском в Центральной Азии: Альманах Штаба* (№ 2, с. 28–48). Бишкек: Штаб-Press.
2. Бахман-Медик, Д. (2017). *Культурный поворот по следам «антропологического»: некоторые замечания*. Москва: Новое лит. обозрение.

3. Валлерстайн, И. (2006). Существует ли Индия? *Логос*, (6), 3–8.
4. Ван Дейк, Т.А. (2015). *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации* (Изд. 2-е). Москва: УРСС: ЛИБРОКОМ.
5. Котунова, О.В. (2024). Моральная риторика «культуры отмены»: парадоксы концепта исторической ответственности. *Антиномии*, 24(3), 23–37. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_23
6. Малахов, В.С. (2023а). *Политика различий: культурный плюрализм и идентичность*. Москва: Новое лит. обозрение.
7. Малахов, В.С. (2023b). Ретроактивные категоризации, или Постколониальность как состояние. *Социологическое обозрение*, 22(3), 53–74. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-53-74>
8. Миллер, А.И. (2024). Проблемы российского федерализма и «реабилитация» империи. *Россия в глобальной политике*, 22(6), 74–86. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-6-74-86>
9. Михалев, А.В. (2019). Новая Большая игра как неоколониальный дискурс. *Дискурс-Пи*, (3), 10–25. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10301>
10. Морозов, В.Е. (2009). *Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества*. Москва: Новое лит. обозрение.
11. Морозов, В.Е. (2014). Свято место пусто не бывает. *Россия в глобальной политике*, 12(3), 40–49.
12. Саид, Э. (2012). *Культура и империализм*. Санкт-Петербург: В. Даль.
13. Сайфуллаев, А. (2020). Между имитацией и критикой: постколониальные исследования в Центральной Европе (на примере Польши). *Новое литературное обозрение*, (6), 175–187.
14. Соловьев, С.М. (2021). Оскорбление фашизмом, или еще раз об актуальности теории. *Россия в глобальной политике*, 19(5), 230–241. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-5-230-241>
15. Чакрабартти, Д. (2021). *Провинциализируя Европу*. Москва: Музей современного искусства «Гараж».
16. Gandhi, L. (2019). *Postcolonial Theory: A Critical Introduction* (2nd ed.). New York: Columbia Univ. Press.
17. Morozov, V. (2015a). *Russia's Postcolonial Identity. A Subaltern Empire in a Eurocentric World*. London: Palgrave Macmillan.
18. Morozov, V. (2015b). Subaltern Empire? Toward a Postcolonial Approach to Russian Foreign Policy. *Problems of Post-Communism*, 60(6), 16–28.

References

1. Abashin, S. (2016). Sovetskoe = kolonial'noe? (Za i protiv) [Soviet = colonial? (Pros and cons)]. In G. Mamedov, & O. Shatalova (Sost., red.), *Ponyatiya o sovetskom v Tsentral'noy Azii: Al'manakh Shtaba* (№ 2, s. 28–48). Bishkek: Shtab-Press.
2. Bakhman-Medik, D. (2017). *Kul'turnyy povorot po sledam "antropologicheskogo": nekotorye zamechaniya* [Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.

3. Chakrabarti, D. (2021). *Provintzializiruya Evropu* [Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference]. Moscow: Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh".
4. Gandhi, L. (2019). *Postcolonial Theory: A Critical Introduction* (2nd ed.). New York: Columbia Univ. Press.
5. Kotunova, O. V. (2024). Moral'naya ritorika "kul'tury otmeny": paradoksy kontsepta istoricheskoy otvetstvennosti [Moral Rhetoric of Cancel Culture: Paradoxes in the Concept of Historical Responsibility]. *Antinomii*, 24(3), 23–37. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_23
6. Malakhov, V. S. (2023a). *Politika razlichiy: kul'turnyy plyuralizm i identichnost'* [Retroactive Categorizations, or Post-Coloniality as Condition]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
7. Malakhov, V. S. (2023b). Retroaktivnye kategorizatsii, ili Postkolonial'nost' kak sostoyanie [Retroactive Categorizations, or Post-Coloniality as Condition]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 22(3), 53–74. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-53-74>
8. Mikhalev, A. V. (2019). Novaya Bol'shaya igra kak neokolonial'nyy diskurs [New Great Game as a Neocolonial Discourse]. *Diskurs-Pi*, (3), 10–25. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10301>
9. Miller, A. I. (2024). Problemy rossiyskogo federalizma i "reabilitatsiya" imperii [Problems of Russian Federalism and "Rehabilitation" of the Empire]. *Rossiya v global'noy politike*, 22(6), 74–86. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-6-74-86>
10. Morozov, V. (2015a). *Russia's Postcolonial Identity. A Subaltern Empire in a Eurocentric World*. London: Palgrave Macmillan.
11. Morozov, V. (2015b). Subaltern Empire? Toward a Postcolonial Approach to Russian Foreign Policy. *Problems of Post-Communism*, 60(6), 16–28.
12. Morozov, V. E. (2009). *Rossiya i Drugie: identichnost' i granitsy politicheskogo soobshchestva* [Russia and Others: Identity and Boundaries of Political Community]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
13. Morozov, V. E. (2014). Svyato mesto pusto ne byvaet [Nature Abhors a Vacuum]. *Rossiya v global'noy politike*, 12(3), 40–49.
14. Said, E. (2012). *Kul'tura i imperialism* [Culture and Imperialism]. St. Petersburg: V. Dal'.
15. Sayfullaev, A. (2020). Mezhdue imitatsiei i kritikoy: postkolonial'nye issledovaniya v Tsentral'noy Evrope (na primere Pol'shi) [Between imitation and criticism: postcolonial studies in Central Europe (on the example of Poland)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (6), 175–187.
16. Solovyov, S. M. (2021). Oskorblenie fashizmom, ili eshche raz ob aktual'nosti teorii [Insult by Fascism, Or Once Again about the Relevance of the Theory]. *Rossiya v global'noy politike*, 19(5), 230–241. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-5-230-241>
17. Van Dijk, T. A. (2015). *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* (2-e izd.) [Discourse and power (2nd ed.)]. Moscow: URSS: LIBROKOM.
18. Wallerstein, I. (2006). Sushchestvuet li Indiya? [Does India Exist?]. *Logos*, (6), 3–8.

Информация об авторах

Даниил Александрович Аникин, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук; доцент факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6232-6557>, e-mail: dandee@list.ru

Илья Андреевич Туркин, лаборант Государственного академического университета гуманитарных наук; магистрант политологии РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9485-1659>, e-mail: ilya.turkin2001@gmail.com

Information about the authors

Daniil Alexandrovich Anikin, Candidate of Philosophical Sciences, Leading researcher of the State Academic University for the Humanities; Associate Professor, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6232-6557>, e-mail: dandee@list.ru

Ilya Andreevich Turkin, Laboratory Assistant at the State Academic University for the Humanities, Master's Degree in Political Science; MA student, RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9485-1659>, e-mail: ilya.turkin2001@gmail.com

УДК 321:327.5

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_43

КРИТИКА РОССИИ В ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ФРГ И ПОЛЬШИ 2014–2024 ГГ.: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Андрей Александрович Линченко,

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Липецкий филиал,
Липецкий государственный
технический университет,
Липецк, Россия,
linchenko1@mail.ru

Варвара Владимировна Антоновская,

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
var.antonovskaya@yandex.ru

*Получена 04.11.2024.**Поступила после рецензирования 18.12.2024.**Принята к публикации 13.01.2025.*

Для цитирования: Линченко А.А., Антоновская В.В. Критика России в дискурсе политических партий ФРГ и Польши 2014–2024 гг.: опыт сравнительного анализа // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 1. С. 43–68. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_43

Аннотация

Целью данной статьи являлся сравнительный анализ критических образов России в политическом дискурсе парламентских партий Германии и Польши

© Линченко А.А., Антоновская В.В., 2025

в период 2014–2024 гг. На основе сравнительного анализа широкого круга источников, представленных программными документами польских и немецких партий, парламентскими докладами, комментариями деятелей партий на партийных сайтах и в СМИ, были выявлены три уровня критических образов России: критические замечания, санкционная риторика, элементы культуры отмены. Использование методологии критического дискурс-анализа З. Йегера позволило проанализировать особенности дискурсивных стратегий критики России на каждом уровне, а также изучить их динамику в контексте событий 2014–2022 гг. Применение методологии П. Бурдьё позволило сделать вывод о фрагментации образов России, где отдельные образы России как символического Другого (экономические, политические, культурные) оказывались востребованными в рамках актуальных трендов символической политики партий и логики самого политического поля взаимодействия между ними. Было выявлено, что после присоединения к России Крыма в 2014 г. образы России получают не только отчетливо критическую направленность, но и актуализируются в рамках дискурсивного уровня санкционной риторики. Начало конфликта России с Украиной в 2022 г. способствовало смещению тенденции фрагментации образов России на периферию, обозначив временное единство позиций политических партий в отношении как внутренней, так и внешней политики России. В случае немецких партий это нашло отражение не только в фактическом сходстве критического нарратива у всех партий Бундестага 20-го созыва, но и размывании границы между критическими высказываниями и санкционной риторикой. В случае наиболее критически настроенной в отношении России польской партии «Право и Справедливость» это нашло выражение в появлении элементов культуры отмены в антироссийском дискурсе. В статье были проанализированы специфика отождествления российской политики с фигурой президента России, а также позиционирование конфликта на Украине как вехи в исторической борьбе с авторитаризмом и диктатурой в Европе.

Ключевые слова:

культура отмены, образы России, историческая политика, политические партии, Польша, Германия, критический дискурс-анализ, санкционная риторика

Источники финансирования:

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Минобрнауки РФ и ЭИСИ № FEUZ-2024-0044.

UDC 321:327.5

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_43

CRITICISM OF RUSSIA IN THE DISCOURSE OF POLITICAL PARTIES IN GERMANY AND POLAND 2014–2024: A COMPARATIVE ANALYSIS

Andrei A. Linchenko,

Financial University
under the Government of Russian Federation,
Lipetsk State Technical University,
Lipetsk, Russia,
linchenko1@mail.ru

Varvara V. Antonovskaya,

RUDN University,
Moscow, Russia,
Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia,
var.antonovskaya@yandex.ru

Received 04.11.2024.

Received after peer review 18.12.2024.

Accepted for publication 13.01.2025.

For citation: Linchenko, A.A., Antonovskaya, V.V. (2025). Criticism of Russia in the Discourse of Political Parties in Germany and Poland 2014–2024: A Comparative Analysis. *Discourse-P*, 22(1), 43–68. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_43

Abstract

This article aims to conduct a comparative analysis of critical representations of Russia in the political discourse of parliamentary parties in Germany and Poland from 2014 to 2024. Through an examination of a diverse array of sources – including programmatic documents from Polish and German parties, parliamentary reports, and comments from party activists on the websites and in the media – three levels of critical images of Russia were identified: critical remarks, sanctions rhetoric, and elements of cancel culture. Employing the methodology of critical discourse analysis as proposed by Siegfried Jäger, the article analyses the discursive strategies used to criticize Russia at each level, alongside their evolution in relation to significant events in 2014 and 2022. Using Pierre Bourdieu's methodology, the study concludes that images of Russia are fragmented; distinct representations of Russia as a *symbolic Other* – encompassing economic, political, and cultural dimensions – are shaped by current trends in symbolic politics and the dynamics within the political field. The research reveals that following the emergence of the Crimean crisis in 2014, the images of Russia acquired a distinctly critical tone, furthermore they became prominent within the discursive surrounding sanctions. The outbreak of the conflict between Russia and Ukraine

in 2022 shifted this trend, leading to a temporary alignment among German and Polish political parties regarding both domestic and foreign policy of Russia. In Germany, this alignment was reflected in a notable similarity in the critical narratives across all parties represented in the Bundestag, blurring the lines between critical statements and sanctions rhetoric. For Poland's *Law and Justice* party, which is particularly critical of Russia, this alignment manifested through elements of cancel culture within its anti-Russian discourse. The article also examines how European political elites often equate Russian politics with the figure of the Russian president, and how they position the conflict in Ukraine as a milestone in the Europe's historical struggle against authoritarianism and dictatorship.

Keywords:

cancel culture, images of Russia, historical politics, political parties, Poland, Germany, critical discourse analysis, sanctions rhetoric

Funding:

The study was conducted with the financial support of a grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and EISI No. FZUG-2024-0044.

Введение

Образы России для современной европейской политики являются одним из наиболее противоречивых аспектов, представляя собой не только отражение текущих внешнеполитических установок, но и выполняя известную функцию символического *Другого* для риторики по внутриполитическим вопросам и спорам с оппонентами. В этой связи тема символической эксплуатации образов России, российской политики, российской и русской культуры представляет для современных исследований несомненный интерес. Однако было бы большим упущением говорить о некоей «коллективной» позиции в отношении России применительно к многочисленным акторам европейской политики, принимая во внимание не только уровень их политической позиции, но и учитывая страновую специфику. В этой связи несомненную актуальность приобретает сравнительный анализ немецкого и польского кейсов, где, с одной стороны, мы видим страну с полувековыми традициями западноевропейской демократии, а с другой – государство, вставшее на демократический путь в конце 1980-х гг. и сохраняющее в своей общественно-политической и культурной жизни свой особый вариант посткоммунизма (Миллер, 2012, с. 12–13). Важную роль в формировании внешней и внутренней политики данных государств играют политические партии, определяющие мейнстрим также и в сфере символической политики. Однако символическая политика как часть реальной политики, связанная с производством и «продвижением/навязыванием определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» (Малинова, 2010, с. 92), выходит далеко за пределы идеологической проблематики и указывает на важную роль коммуникации между участниками политического поля, во-

площающуюся в политическом дискурсе. В этой связи Е. И. Шейгал определяет политический дискурс как «знаковое образование, имеющее два измерения – реальное и виртуальное, при этом в реальном измерении он понимается как текст в конкретной ситуации политического общения, а его виртуальное измерение включает вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживающие сферы политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний, а также модели речевых действий и представление о типичных жанрах общения в данной сфере» (Шейгал, 2000, с. 30).

Целью данной статьи является сравнительный анализ критики России в дискурсе политических партий ФРГ и Польши в период 2014–2024 гг. В данном случае нас будут интересовать политические установки партий в отношении России, выраженные не только в их программных документах, но и в их политической риторике, транслируемой через СМИ и официальные медиаресурсы. Выбор хронологических рамок связан не только с «условным» десятилетием, всегда обозначающим определенную символическую веху во внешнеполитическом курсе, но и с событиями вокруг полуострова Крым в 2014 г., ставшими своеобразной переломной точкой в отношениях между Россией и Евросоюзом. При этом нас будет интересовать не только вопрос о том, какие критические образы России оказались востребованы в политическом дискурсе парламентских партий двух стран, но и сравнительный анализ данных дискурсов на примере ФРГ и Польши.

Источники и методология

Изучение образов России в официальных документах политических партий Центральной и Восточной Европы не является новой темой исследования. В последние годы данный вопрос неоднократно исследовался как в контексте немецкой политической жизни (Басов, 2014; Вишнякова, 2017; Морозов, Матвеева, 2022; Пичугин, 2022; Пичугин, 2024; Хорольская, 2019), так и на материалах польских партий (Балобаев, 2012; Женгота, 2019; Михалев, 2023). Отдельную группу исследований составляют работы, затрагивающие репрезентацию образов России в рамках актуальных практик исторической политики ведущих партий Польши и ФРГ (Миллер, Липман, 2012; Словински, 2020; Шмыт, 2022). Однако изучение образов России предпринималось прежде всего на основе программных документов политических партий как наиболее репрезентативного и релевантного источника. И действительно, политические программы партий могут рассматриваться как ключевой информационный ресурс, отражающий официальную для партии интерпретацию того или иного вопроса внешней и внутренней политики. Вместе с тем изучение политического дискурса партий может быть представлено и более широким кругом источников, которые связаны как с публичными выступлениями представителей партии, небольшими комментариями партии относительно актуальных событий, так и с официальными аналитическими отчетами, позволяющими увидеть менее формальные трактовки политических событий в быстроизменяющемся политическом контексте. К этому надо добавить, что ориентация исключительно на программы партий в большей мере характерна для исследований предвыборного дискурса (Корниенко, 2015),

в то время как обращение к более широкой группе источников позволяет проследить динамику партийного дискурса и течений в нем. В этой связи, обращаясь к десятилетнему периоду динамики критических образов России в политическом дискурсе парламентских партий ФРГ и Польши, мы анализировали три группы источников: а) программные документы партий и их парламентские доклады; б) комментарии деятелей партии на партийных сайтах; в) заявления лидеров и представителей партий в СМИ.

Однако было бы ошибкой рассматривать политические партии как отдельные единицы для анализа, поскольку в реальности логика их взаимодействия, равно как и логика символического использования образов России, во многом определяется логикой того политического поля, о котором писал П. Бурдьё: «...партии, как и течения внутри партий, имеют относительный характер, и напрасны старания определить, чем они являются, что они проповедают, без учета того, чем являются и что проповедают внутри одного и того же поля их конкуренты» (Бурдьё, 2017, с. 192). Используя методологические идеи французского социолога, можно сказать, что дискурс политических партий всегда создается в процессе их коммуникации с другими акторами политического поля в процессе борьбы за перераспределение символического капитала.

Обширная источниковая база, включающая в себя как официальные тексты партий, так и многочисленные комментарии представителей партий различного ранга, потребовали от нас обращения к соответствующей методологии. В данном случае наиболее перспективной является методология критического дискурс-анализа, которая, с одной стороны, позволяет анализировать корпус текстов как определенную структуру, а с другой стороны, выявлять смысловые линии, стоящие за всей совокупностью официальных текстов и комментариев. В этой связи достаточно интересной представляется методология критического дискурс-анализа Ж. Йегера, которая в отличие от других подходов делает акцент на специфику формирования легитимного знания в обществе и изучение его функций в процессе конструирования социальных сообществ, групп и институтов. Он определяет знание как «любые формы содержания сознания, а также значения, используемые субъектами для интерпретации окружающей реальности на данном историческом периоде времени» (Jäger, 2013, p. 33).

Давая дискурсу определение, немецкий исследователь следует линии своего соотечественника Юргена Линка, который интерпретировал дискурс как «институционально консолидированный язык, определяющий структуру социальных действий и, тем самым, влияющий на отношения власти в обществе» (Jäger, 2013, p. 34). Основной задачей данного метода является анализ типичных текстовых фрагментов (фрагментов дискурсов), репрезентированных в символическом пространстве и содержащих различные виды отсылок на одну общую тему, выступающую в качестве своеобразной дискурсивной нити (*discursive strand*), которую немецкий исследователь определяет как сумму текстовых фрагментов как фрагментов дискурса на одну тему (Jäger, 2013, p. 38). В нашем исследовании такой общей темой являются критические образы России как в аспекте государства в целом, так и в более узких аспектах российского народа, российской политики и культуры (русской / русской).

В соответствии с методологией З. Йегера нами был проведен структурный анализ (исследование «поверхности текста»), который позволил выявить основные темы, их заголовки и подзаголовки, элементы передаваемых структурных значений каждого телевизионного проекта, а также элементы значений, передаваемых в видеоматериалах не напрямую. Далее официальные документы и совокупности комментариев анализировались в рамках риторических средств (видов и форм аргументаций и аргументативных стратегий, логики и композиции, импликаций и инсинуаций, коллективного символизма и метафор в языке). Завершающей процедурой в нашем случае стало сравнение интерпретативных контекстов политических партий ФРГ и Польши, выявление идеологических влияний и выделение типичных фрагментов дискурса, составляющих дискурсивную нить.

Образы России как объект символической политики

Если использовать методологический подход П. Бурдьё в качестве общетеоретической рамки нашего исследования, то сравнительный анализ политического дискурса партий необходимо начинать с изучения логики того поля, в котором они находятся. На наш взгляд, данная логика задается самим характером эволюции партийных систем в современной Европе. Как показывает исследование В.И. Макаренко и И.И. Петрова (Макаренко, Петров, 2023), партийные системы Европы в масштабах последних 30 лет демонстрируют существенные изменения. С одной стороны, политические партии продолжают оставаться центральным институтом политического представительства, демонстрируя способность реагировать на вызовы времени и вызовы обществ. С другой стороны, как показывают российские исследователи, и по социально-экономической и по культурной (неэкономические ценности) оси наблюдается заметная трансформация: «...сдвиг всего партийного спектра влево по социально-экономической оси, возрастание значимости “неэкономической” оси, особенно для правых и популистских партий, утрата “жизненным центром” – правоцентристскими левоцентристскими мейнстримными партиями – доминирующей роли в партийной политике, подъем популистских партий разного толка, существенная специфика становления и развития партийных систем в посткоммунистических странах... Левоцентристы терпят электоральный урон в конкуренции с разными политическими силами – “новыми левыми”, “зелеными” и популистами разного толка. Правоцентристы находятся в поисках оптимальной стратегии конкуренции с правыми популистами» (Макаренко, Петров, 2023, с. 11).

Вследствие данной ситуации не могло не измениться и пространство символической конкуренции, где образы России являлись одним из аспектов символического *Другого*, по отношению к которому партии в изменяющихся условиях политического поля определяли свою собственную идентичность. Очевидным следствием подобной трансформации политического поля стала фрагментация образов России, где отдельные образы России (экономические, политические, культурные) могли в большей или меньшей мере оказываться востребованными в рамках актуальных трендов символической политики. В этой связи наиболее распространенными образами России являлись либо упо-

минания о ней в контексте внутри и внешнеполитических вопросов стран ЕС, либо критические высказывания о ней вследствие отдельных фактов нарушения прав человека, экономических или политических противоречий современной ситуации в России. В данном критическом отношении нет ничего удивительного. В исследованиях подчеркивается, что предвыборный партийный дискурс сродни конфликтному дискурсу: «Создаваемая данной разновидностью политического дискурса модель социальной реальности, а значит, и сама конструируемая им реальность, зиждется на предельно четком, интенсивном и разностороннем противопоставлении МЫ- и ОНИ-групп» (Корниенко, 2015, с. 314).

На этом фоне особенно выделяется 2014 г., который оказался принципиально новой вехой в символическом использовании образов России. Крымские события 2014 г. стали причиной введения против России ряда санкций Евросоюза и США. В данном случае к конструктивным и деструктивным формам критики в отношении России добавляется также и санкционная риторика, которая маркировала появление еще одного уровня дискурса. Однако и после 2014 г. образы России продолжали оставаться фрагментарными, а их символическое использование продолжало зависеть от логики того политического поля, на котором взаимодействовали политические партии в Европе.

Конфликт на Украине, начавшийся 24 февраля 2022 г., обозначил еще одну веху в символическом использовании образов России. Масштабы конфликта и консолидация западных стран вокруг помощи Украине не могли не оказать влияния на политический дискурс. В данном случае мы сталкиваемся не только с углублением и расширением санкционной риторики, но и с появлением в отдельных случаях элементов культуры отмены. Ярким примером этого является высказывание министра культуры Польши, сделанное им в 2022 г.: «Из общественного пространства культура российская должна исчезнуть. Мы ценим достижения этой культуры в музыке или литературе. Они на высшем уровне, но мы имеем дело со страной, которая сошла с ума»¹. Подобные высказывания обозначили появление элементов еще одного уровня дискурса, отражающего существенную смену акцентов в интерпретации России. Вместе с тем можно ли сказать, что точка зрения бывшего министра культуры Польши характерна для значительной части политических акторов Евросоюза? Этот вопрос мы задавали себе, обращаясь к нашим источникам для сравнительного анализа политического дискурса партий ФРГ и Польши. В данном случае наши ожидания учитывали противоречивость самой ситуации. С одной стороны, образы России по-прежнему будут отражать специфику нарративов отдельных акторов и их взаимной адаптации в условиях изменяющегося политического поля, что будет сохранять в силе тенденцию дальнейшей фрагментации образов и дифференцированного к ним отношения в контексте актуальных внутриполитических и внешнеполитических задач. С другой стороны, конфликт с Украиной в буквальном смысле отодвинул данную тенденцию на периферию, обозначив временное единство позиций политических партий в отношении, по крайней мере, российской внешней политики. Принимая во внимание данный факт, мы стремились в нашем анализе различать как минимум три уровня симво-

¹ Piasta, P. (2022). Minister Gliński walczy z Puszkinem. *Myśl Polska*. Pobrano Marca 20, 2025, z <https://myslpolska.info/2022/04/05/minister-kultury-walczy-z-puszkinem/>

лического использования критических образов России: критических высказываний и интерпретаций, санкционной риторики, элементов культуры отмены.

Критические образы России в политическом дискурсе партий ФРГ

Современная Германия является государством, где политические партии выполняют важную роль одного из столпов демократической политической системы (Тимошенко, 2020). Однако и здесь в последние годы мы наблюдаем заметную трансформацию политического поля, которое, как показывает исследование Ф. А. Басова, существенно изменяется под влиянием эволюции 2.5-партийной в 1.5-партийную систему. В 2021 г. традиционные двухпартийные варианты коалиций сменила коалиция *Свободной демократической партии Германии, Социал-демократической партии Германии* (далее – СДПГ) и *Союза 90/Зеленых* (Басов, 2021, с. 34). В 2024 г. данная коалиция потерпит крах, открывая возможность для нового политического соглашения. В современной Германии идет процесс поляризации политического спектра и плюрализации парламентского пространства. Наиболее ярко это проявилось в росте популярности популистских партий (*Альтернативы для Германии* (далее – АдГ) и партийного проекта Сары Вагенкнехт). При этом, несмотря на подобную трансформацию, отмечается устойчивость немецкой партийной системы и стабильность ее внешнеполитического курса (Хорольская, 2019, с.81). Учитывая направленность нашей статьи на изучение критической стороны дискурса в отношении России, наше основное внимание было акцентировано на таких немецких партиях, как СДПГ, Христианско-демократический союз Германии (далее – ХДС) / *Христианско-социальный союз Баварии* (далее – ХСС), *Союз 90/Зеленые*.

Одной из самых влиятельных партий ФРГ является *Социал-демократическая партия Германии*, положение которой на протяжении трех последних составов Бундестага изменялось: Бундестаг 18-го созыва (далее и по аналогии – Бундестаг-18) – 193 места, Бундестаг-19 – 152 места, Бундестаг-20 – 206 мест). До 2014 г. партию отличалась устойчивым интересом к широкому сотрудничеству с Россией при существенно меньшем интересе к специфике развития внутриполитической ситуации в России. События 2014 и 2022 гг. существенно повлияли как на структуру, так и на риторику дискурса СДПГ в отношении России.

Структурный анализ предвыборных программ и публичных выступлений представителей СДПГ показал заметную трансформацию основных тем, в рамках символического использования образов России. Если в программных документах 2013 г. мы видим две ключевые темы, связанные с «удержанием» России в Европе, «стратегическим партнерством» с Россией², а в 2014 г. к этим двум темам добав-

² Das wir entscheidet (2013). 120 S. *Sozialdemokratische Partei Deutschlands*. Offizielle Website. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Bundesparteitag/20130415_regierungsprogramm_2013_2017.pdf

³ Europa eine neue Richtung geben (2014). 14 S. *Abgeordnetenwatch.de*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.abgeordnetenwatch.de/sites/default/files/election-program-files/spd-europawahl-2014.pdf>

ляется стремление к сотрудничеству с Россией в решении актуальных международных проблем, то уже в программе 2017 г., опубликованной перед выборами в Бундестаг-19, мы, с одной стороны, видим стремление к сотрудничеству с Россией в борьбе с мировым терроризмом в обеспечении стабильности и свободы на континенте, а с другой – указание на «обремененность» в отношениях с Россией вследствие политического кризиса на востоке Украины и ситуации вокруг полуострова Крым⁴. Программа 2021 г. оказалась еще более критической по отношению к России, где единственной темой сотрудничества объявлялось взаимодействие на уровне институтов гражданского общества. Остальные три темы (отказ от концепции постепенного снятия санкций, регулярное нарушение прав человека и поддержка сепаратистов на востоке Украины, кибератаки) демонстрировали явно антироссийскую направленность⁵. Еще более острой выглядела критика России в официальном разъяснении партии, посвященном ее внешнеполитической стратегии, где сама Россия была обозначена как «угроза региональной безопасности»⁶.

На этом фоне более радикальными выглядят публичные выступления представителей партии, а также их высказывания в СМИ. Анализ риторических средств показал, что уже начиная с 2014 г. представители партии активно высказывались в СМИ не только в рамках критических замечаний, но и в рамках санкционной риторики. Критически оценивая события 2014 г. вокруг присоединения Россией Крымского полуострова, представители партии использовали повторяющийся набор понятий: «фактическая оккупация Крыма», «провал европейского мирного порядка», «поспешный референдум», «аннексия Крыма». Отдельным аспектом критического уровня дискурса явились обсуждения убийства Бориса Немцова и судебного процесса над Алексеем Навальным. Оба события рассматривались в контексте риторики угрозы для демократии и оценивались крайне негативно. Убийство Бориса Немцова было названо «хладнокровным и расчетливым», в то время как описание судебного процесса над Алексеем Навальным символически использовало образы репрессий 1930-х гг.: «...после того как Навальный был приговорен к тюремному заключению в ходе почти сталинского показательного процесса, теперь ему позволяют умереть на глазах всего мира и своего народа. Циничная демонстрация тоталитарной государственной власти над жизнью

⁴ Das Regierungsprogramm 2017 bis 2021 der SPD: Es ist Zeit für mehr Gerechtigkeit (2017). Berlin. 88 S. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.astrid-online.it/static/upload/spd_spd_regierungsprogramm2017.pdf

⁵ Aus Respekt vor deiner Zukunft. Das Zukunftsprogramm der SPD (2021, Mai 9). 66 S. Sozialdemokratische Partei Deutschlands. *Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Programm/SPD-Zukunftsprogramm.pdf>

⁶ Sozialdemokratische Antworten auf eine Welt im Umbruch (2023, Januar 20). Sozialdemokratische Partei Deutschlands. *Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.spd.de/fileadmin/internationalepolitik/20232001_KIP.pdf

⁷ Juratovic, J. (2021, April 22). Der Aufmarsch russischer Truppen an der ukrainischen Grenze lässt die Gefahr einer weiteren Eskalation in der Ostukraine zu. Sozialdemokratische Partei Deutschlands. *Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.spdfraktion.de/themen/reden/aktuelle-stunde-russische-truppenbewegungen-wachsenden-gefahr-eskalation-ostukraine>

и смертью»⁷. Следует заметить, что на уровне санкционной риторики количество комментариев представителей СДПГ было значительно меньшим, чем количество критических комментариев. Более того, анализируя высказывания представителей СДПГ, Бундестага-18 и Бундестага-19, нельзя сказать, что они являлись однозначно антироссийскими. Постоянно подчеркивалось, что необходимо дать «единый ответ на действия России», «не преклоняться перед Путиным», «не уклоняться от конфронтации». В тоже время в этих же комментариях на протяжении 2014–2021 гг. постоянно отмечалось, что «санкции против России – это неправильный путь», «нам нужен прочный мир с Россией», «между Германией и Россией существует бесконечное партнерство», «наша цель – не сохранение перманентных санкций против России, а окончательное разрешение украинского кризиса».

Ситуация поменялась после начала военного конфликта на Украине в феврале 2022 г. Показательно, что границы между критическими высказываниями и санкционной риторикой становятся все более размытыми, указывая на дальнейшую радикализацию политического дискурса. Среди критической риторики мы видим новые дискурсивные нити, связанные с интерпретацией выборов в России как «фальшивых», «псевдореферендумов ЛНР и ДНР», а также критику внутренней политики в России, связанной с «нападением Путина на свое общество» и «переходом к автократии»⁸. Новые дискурсивные нити также явно обозначились и на уровне санкционной риторики. В данном случае вслед за канцлером ФРГ Олафом Шольцом в риторику представителей партии вошел новый термин *Zeitenwende* («поворотный момент»), обозначивший принципиально новый поворот в отношениях с Россией⁹. Второй дискурсивной нитью, появившейся в политической риторике СДПГ, стала интерпретация военного конфликта России и Украины как «жестокой, ужасной и бесчеловечной агрессии», где борьба Украины была обозначена как «демократическое противостояние авторитарным государствам» и «поворотный момент в истории континента». В этой связи также можно наблюдать усилившуюся персонификацию ответственности за вооруженный конфликт, где слова «Россия» и «Путин» оказывались взаимозаменяемыми: «...без оружия Украина проиграла, а без оружия путинский империализм и колониализм восторжествуют. И никто из тех, кто отвержен демократии и свободе, не может всерьез этого желать»¹⁰. Еще одной дискурсивной нитью, зафиксированной в выступлениях политиков СДПГ, стала характеристика санкций как «беспрецедентных» и «всеобъемлющих»,

⁸ Heinrich, G. (2022, April 25). Eine sozialdemokratische Zeitenwende. *Sozialdemokratische Partei Deutschlands. Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.spdfraktion.de/themen/sozialdemokratische-zeitenwende>

⁹ Шольц, О. (2022, 27 февраля). *Заявление Федерального канцлера Федеративной Республики Германия*, Депутата Германского Бундестага Олафа Шольца, Берлин. Взято 20 марта 2025, с <https://www.bundesregierung.de/breg-en/news/заявление-федерального-канцлера-федеративной-республики-германия-депутата-германского-бундестага-олафа-шольца-берлин-27-февраля-2022-2008380>

¹⁰ Roth, M. (2023, März 1). “Unsere rote Linie ist das Völkerrecht”. *Sozialdemokratische Partei Deutschlands. Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.spdfraktion.de/presse/pressemitteilungen/rote-linie-voelkerrecht>

что предполагало заморозку экономических, политических, культурных и научных связей между странами, а также опасения в том, что на Европу «упадет новый железный занавес»¹¹.

Не менее значимой в партийном спектре ФРГ является партия *Христианско-демократический союз Германии* и близкая к ней *Христианско-социальный союз Баварии*. Если судить по трем последним Бундестагам, то заметным является снижение числа мест ХДС/ХСС в парламенте (Бундестаг-18 – 310 мест, Бундестаг-19 – 245 мест, Бундестаг-20 – 197 мест). При этом, как показывают исследования последних лет, на фоне постепенного падения рейтинга СДПГ и канцлера О. Шольца популярность оппозиционных партий (АдГ и блок ХДС/ХСС), активно критикующих правительство, растет (Хорольская, 2023, с. 80). Оставляя в стороне специфику общего отношения к России внутри блока ХДС/ХСС, подробно проанализированную в статьях (Басов, 2014; Белов, 2022; Пичугин, 2022; Пичугин, 2024), сконцентрируем внимание на результатах нашего дискурс-анализа.

Структурный анализ официальных документов партии ХДС/ХСС (предвыборных программ, документов, разъясняющих внешнеполитическую позицию), с учетом совокупности комментариев в СМИ и на официальном сайте партии также показывает заметную трансформацию тем и заголовков. Если в программе 2013 г. мы видим темы, связанные с пониманием России как одного из ключевых партнеров Германии¹², то уже программа 2014 г., сохраняя темы российско-немецкого сотрудничества и репатриации русских немцев, акцентировала внимание на нескольких темах, связанных с конфликтом на Востоке Украины и необходимостью возвращения Крыма¹³. Также в программе можно было встретить темы, связанные с обвинениями России в кибератаках и пророссийской пропаганде. В отдельном документе 2016 г. действия России на Украине обозначались как «неприемлемые», а ключевым являлось указание на нарушение международного права¹⁴. В 2017 г., несмотря на сохранение темы продолжения конструктивного диалога, речь шла об агрессии России на Востоке Украины и необходимости соблюдать Минские соглашения¹⁵.

¹¹ Mützenich, R., Heinrich, G. (2022, Februar 24). Der russische Präsident ist ein Kriegsverbrecher. *Sozialdemokratische Partei Deutschlands. Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.spdfraktion.de/themen/russische-praesident-kriegsverbrecher>

¹² Gemeinsam erfolgreich für Deutschland (2013). 127 S. *Naturschutzbund Deutschland*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.nabu.de/imperia/md/content/nabude/umweltpolitik/cdu-csu-wahlpogramm2013.pdf>

¹³ Gemeinsam erfolgreich in Europa (2014). 103 S. *Abgeordnetenwatch.de*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.abgeordnetenwatch.de/sites/default/files/election-program-files/cdu-europawahl-2014.pdf>

¹⁴ *Positionspapier Russland. Positionspapier der CDU/CSU-Fraktion im Deutschen Bundestag Beschluss vom 29. November 2016*. 10 S. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.cduscu.de/sites/default/files/positionspapier_russland_final_clean_4.pdf

¹⁵ Lücking, M.C. (2017, Juli 3). Für ein Deutschland, in dem wir gut und gerne leben. 78 S. *Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.luecking-michel.de/wp-content/uploads/2017/07/2017_CDUCSU_Regierungsprogramm.pdf

Программы 2019¹⁶ и 2021¹⁷ гг. сохранили основные критические по отношению к России темы, а также продемонстрировали сдвиг партийного блока в сторону ужесточения санкций. Радикально критической можно было бы назвать программу ХДС/ХСС, подготовленную к европейским выборам 2024 г., где конфликт на Украине характеризуется как «жесточкая наступательная война», а сама Россия интерпретируется как «реальная угроза» Европе. В программе также поднимаются темы военных преступлений и необходимости вести диалог с правительством России, которое бы уважительно относилось к международному праву¹⁸.

Столь существенная трансформация общих установок партии отражена в их программных документах, где в большинстве случаев дипломатический язык более предпочтителен, не может не способствовать и радикализации риторики, выражаемой представителями партии в СМИ и в публичных выступлениях. В этой связи анализ риторических приемов за период 2014–2022 гг. обнаружил целый спектр критических замечаний, сконцентрированных вокруг «аннексии Крыма» и «дестабилизации ситуации в Украине», а также характеристики России как «автократической системы» и «элитной клептократии». В первом случае критические замечания использовали историю российско-украинских отношений как символический ресурс, где в 2014 г. тон задавала канцлер Ангела Меркель, которая отметила, что Россия отстаивает свои интересы средствами XIX и XX вв. и ставит под угрозу международную стабильность: «... в период большой неопределенности в Украине Россия не доказала, что является партнером по обеспечению стабильности в соседней стране, которая тесно связана с ней исторически, культурно и экономически, а вместо этого пользуется ее существующей слабостью»¹⁹. Важной вехой критики, вне которой партийный блок не мог пройти мимо, стало убийство Бориса Немцова, ставшее символом «атмосферы ненависти в России» и «политики репрессий против инакомыслящих»²⁰.

¹⁶ Unser Europa macht stark. Für Sicherheit, Frieden und Wohlstand (2019). 26 S. *Christlich-Soziale Union. Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.csu.de/common/csu/content/csu/hauptnavigation/dialog/infomaterial/2019/CDU_20CSU_Europawahlprogramm_final_20mit_20deckblatt_BF.pdf

¹⁷ Das Programm für Stabilität und Erneuerung (2021, 21 Juni). 139 S. *Christlich-Soziale Union. Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.csu.de/common/download/Regierungsprogramm.pdf>

¹⁸ Mit Sicherheit Europa. Für ein Europa, das schützt und nützt. Wahlprogramm von CDU und CSU zur Europawahl 2024 (2024, März 11). *Christlich-Soziale Union in Bayern. Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.csu.de/common/download/Europawahl_2024/Wahlprogramm_Europawahl_2024_CDU_CSU_.pdf

¹⁹ Merkel, A. (2014, März 13). Kanzlerin Merkel droht Russland mit Sanktionen. *Deutscher Bundestag*. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.bundestag.de/webarchiv/textarchiv/2014/49865952_kw11_de_regierungserklaerung_ukraine-216288

²⁰ Beratung aus Anlass des Mords an Boris Nemzow (2015, März 04). *Deutscher Bundestag*. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.bundestag.de/webarchiv/textarchiv/2015/kw10_aktuelle_stunde_-nemzow-363644

Санкционная риторика блока ХДС/ХСС в период 2014–2022 гг. оказалась более радикальной чем у СДПГ. Ключевым положением, определявшим большинство публичных высказываний представителей партии, стала формула «аннексия Крыма должна быть наказана». Данная речевая конструкция несколько раз повторялась в виде метафоры «соленого украинского супа»: «Мы должны так сильно солить украинский суп, чтобы у Путина пропал аппетит»²¹.

Как и в случае с СДПГ, после 24 февраля 2022 г. граница между критическими замечаниями и санкционной риторикой в выступлениях представителей ХДС/ХСС практически стирается. И здесь мы также обнаруживаем несколько риторических стратегий.

Первая стратегия состоит в ярко выраженном стремлении персонифицировать конфликт путем выстраивания синонимических связей между словами «Россия» и «Путин», что нашло отражение в использовании целого ряда конструкторов: «война Путина», «репрессии Путина», «режим Путина», «цинизм Путина». Соответственно, планы России в отношении Украины характеризовались как «великодержавная фантазия»²². Показательно, что данная тенденция оказалась характерна именно для партий, настроенных наиболее критически в отношении России (Морозов, Матвеева, 2022).

Вторая стратегия, явно обозначившаяся в целом ряде выступлений в рамках дискуссий в Бундестаге еще до 2022 г., была связана со стремлением отделить «российский народ» от «политического режима в России». В очередной раз подчеркивалось, что «российский народ заслуживает лучшего президента». Данный мотив представляется понятным, принимая во внимание факт большого числа русскоязычных жителей ФРГ, все более ориентирующихся в последние годы на правопопулистские партии (Krawatzek, Matevosyan, 2024). Причем самые большие потери голосов русскоязычных граждан ФРГ понесли именно ХДС / ХСС. Если еще в начале 2000-х гг. поддержка ХДС / ХСС среди «поздних переселенцев» из СССР была на уровне 70 %, то на выборах 2017 г. число таковых сократилось до 28 %. На выборах 2021 года число сторонников сократилось уже до 20 %.

Третья стратегия, наиболее ярко проявившаяся в высказываниях, оказалась связана с описанием угроз самой Германии на фоне конфликта на Украине. В данном случае речь шла о российских ракетах в Калининграде, обеспечении общей безопасности от России, увеличении военного бюджета. При этом сам конфликт продолжал маркироваться как «военное преступление», а президент России – как «военный преступник».

Еще одной партией Германии, традиционно наиболее критически высказывающейся о России и российско-немецких отношениях, является партия

²¹ Krichbaum, G. (2014, April 17). Krichbaum: Der Schlüssel liegt in Putins Händen. *Deutscher Bundestag*. Abgerufen März 20, 2025, aus https://webarchiv.bundestag.de/archive/2016/1004/dokumente/textarchiv/2014/50626337_kw16_interview_krichbaum/217000.html

²² Dobrindt, A. (2022, Februar 21). *Diplomatie darf nie schweigen*. CSU im Bundestag. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.csu-landesgruppe.de/themen/auswaertiges-europa-verteidigung/diplomatie-darf-nie-schweigen>

Союз 90/Зеленые. Если в Бундестагах-18 и -19 партия практически не изменила своего положения (63 и 67 мест соответственно), то Бундестаг-20 стал временем усиления Зеленых, которые во второй половине 1990-х гг. постепенно эволюционировали с левого фланга в центр (Басов, 2021, с. 33). Показательно, что результаты в Бундестаг-20 могли бы быть еще лучше, если бы не ошибки кандидата от партии А. Бербок, стоившие партии почти 10% голосов и невозможности возглавить правящую коалицию (Хорольская, 2023, с. 79).

Структурный анализ программных документов партии показывает нам заметное увеличение тем и заголовков, отражающих общие особенности дискурса партии в отношении России.

Двигаясь от программы 2013 г.²³ к программам 2017²⁴ и 2018 гг.²⁵, мы видим, что от сбалансированной позиции, содержащей критику России за нарушение прав человека, а также положения о сотрудничестве с РФ, партия переходит к острой критике «агрессивной политики Путина», репрессий, российских хакерских атак. В последней программе 2021 г. ключевым темами относительно России стали остановка строительства Северного потока-2, а также националистическая и реакционная политика России²⁶.

Анализ риторических приемов, использовавшихся в высказываниях политиков партии, показал, что и до 2022 г. грань между критическими замечаниями и санкционной риторикой была очень неустойчивой. Это было связано с единой позицией партии относительно внутренней и внешней политики России как «испытания европейских ценностей». В данном случае подчеркивалось, что источником угроз является «репрессивная и антимодернизационная политика Путина», проявляющая себя как внутри России, так и за ее пределами. Соответственно, «в политике федерального правительства в отношении России не может быть “обычного бизнеса”»²⁷. Позиция России по Крыму и Восточной Украине была также охарактеризована как «дух великорусского национализма», с которым президент Путин продолжает «играть», претендуя на большее влияние в Восточной

²³ Zeit für den Grünen Wandel. Teilhaben. Einmischen. Zukunft schaffen (2013, April 28). 337 S. Bündnis 90 / Die Grünen. Offizielle Website. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://cms.gruene.de/uploads/documents/BUENDNIS-90-DIE-GRUENEN-Bundestagswahlprogramm-2013.pdf>

²⁴ Europa mitentscheiden, erneuern, zusammenhalten (2014, Februar 9). 145 S. Bündnis 90 / Die Grünen. Offizielle Website. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://cms.gruene.de/uploads/documents/Gruenes-Europawahlprogramm-2014.pdf>

²⁵ Zukunft wird aus Mut gemacht (2017, Juni 18). 248 S. Bündnis 90 / Die Grünen. Offizielle Website; Europas Versprechen erneuern (2018, November 18). 197 S. Bündnis 90 / Die Grünen. Offizielle Website. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.gruene.de/fileadmin/user_upload/Dokumente/BUENDNIS_90_DIE_GRUENEN_Bundestagswahlprogramm_2017.pdf

²⁶ Deutschland. Alles ist drin (2021, 13 Juni). 272 S. Bündnis 90 / Die Grünen. Offizielle Website. Abgerufen März 20, 2025, aus https://cms.gruene.de/uploads/documents/Wahlprogramm-DIE-GRUENENBundestagswahl-2021_barrierefrei.pdf

²⁷ Steinmeier, F. (2014, April 17). Steinmeier will aktive deutsche Außenpolitik. *Deutscher Bundestag*. Abgerufen März 20, 2025, aus https://www.bundestag.de/webarchiv/textarchiv/2014/48937162_kw05_de_aussenpolitik-215168

Европе. Представители партии многократно подчеркивали, что «Россия является стороной конфликта»²⁸, хотя и отмечали, что она остается частью европейского дома. Соответственно партия особо отмечала, что она полностью поддерживает введенные против России санкции США, которые после присоединения к России Крыма «оправданы». В данном случае следует заметить, что депутаты от партии в Бундестаге неоднократно поднимали вопросы о правомерности тех или иных поставок оборудования, на которое были наложены санкции, апеллируя к ответственности за это представителей немецких компаний и госслужащих. После февраля 2022 г. санкционная риторика партии стала более радикальной, что нашло выражение не только в характеристике событий на Украине как «жестокой наступательной войны», но и в требовании исключить Россию из Совета Европы, а также «изолировать В. Путина от всего мира»²⁹. Комментируя необходимость введения самых жестких санкций в отношении России, представители партии стремились всячески подчеркнуть предельную критичность своей санкционной риторики: «Кремлю придется горько пожалеть о такой атаке»³⁰.

Резкий переход к санкционной риторике после 24 февраля 2022 г. обозначила и партия Свободных демократов, всегда уделявшая мало места России в своих программных документах. С одной стороны, основные темы и основные понятия, которыми пользуются представители партии в отношении России, нельзя назвать новыми: партия открыто высказалась о конфликте как «наступательной войне», «нарушении международного права», осудила Россию как «агрессора». С другой стороны, именно в поле санкционной риторики представители партии сразу обозначили линии, к которым представители СДПГ и ХДС/ХСС подошли лишь после начала боевых действий на Украине, не только упомянув об эмбарго и международной изоляции, но и поставив вопрос об «уголовной ответственности» руководства России³¹. В данном случае можно согласиться с мнением В.С. Морозова и Е.А. Матвеевой, что наряду с другими партиями, использующими похожие понятия для критики России, партия Свободных демократов стремилась сохранить свою специфику (Морозов, Матвеева, 2022, с. 191).

Несмотря на то, что критика России появилась и в программах лояльных к ней АдГ и Левых, мы не будем подробно останавливаться на их критических замечаниях, поскольку после 2022 г. в их случае не обозначается специфика оригинальности дискурса самой партии в отношении России, а также потому,

²⁸ Baberowski und Beck uneins über den Russland-Ukraine-Konflikt (2016, April 17). *Deutscher Bundestag*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.bundestag.de/webarchiv/textarchiv/2016/kw42-w-forum-ukraine-russland-463040>

²⁹ Reintke, T. (2022, Oktober 16). *Wir müssen Wladimir Putin global isolieren, indem wir hier vor Ort unsere Häuser besser isolieren*. Abgerufen März 20, 2025, aus https://twitter.com/Die_Gruenen/status/1581613067670286336

³⁰ Verhältnis des Westens gegenüber Russland erörtert (2022, Februar 17). *Deutscher Bundestag*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2022/kw07-de-russlandpolitik-879568>

³¹ Europa. Einfach. Machen. Das Programm der FDP zur Europawahl 2024 (2024, Januar 28). *Freie Demokraten. Offizielle Website*. Abgerufen März 20, 2025, aus <https://www.fdp.de/europa-einfach-machen>

что уровень санкционной риторики в их программных документах и заявлениях так и не проявился в полной мере. Говоря другими словами, партии не могли не учитывать реалии 2022 г., однако расширение уровней критических замечаний и санкционной риторики противоречило специфике политической идентичности данных партий.

Критические образы России в политическом дискурсе польских партий

Ключевой особенностью польского случая в интересующем нас хронологическом периоде является время абсолютного доминирования правоконсервативной партии Право и справедливость (далее – ПиС), которая с 2015 по 2023 г., располагая большинством в сейме, была способна не только формировать однопартийное правительство, но и смогла выдвинуть на пост президента Польши близкого ей Анджея Дуду. Более того, даже утратив в результате выборов 2023 г. большинство в парламенте, она, по мнению О.Ю. Михалева, получила чуть более 35 % голосов избирателей, улучшив свои показатели 2015 г. и не добрав всего 37 депутатских мест до большинства (Михалев, 2023, с. 44). В этих условиях коалиция, состоящая из партий *Гражданская коалиция* (ранее *Гражданская платформа*), *Третий путь*, *Новые левые*, *Конфедерация свободы и независимости*, смогла сформировать правительство.

Специфика эволюции политической жизни Польши в 1990-е и 2000-е гг. проходила на фоне политики декоммунизации. Вместе с тем сама специфика данной декоммунизации вела к формированию в Польше особого варианта посткоммунистического общества, где пятьдесят лет модернизации в эпоху социализма однозначно характеризовались как «чуждое советское иго». Это наложило заметный отпечаток на особенности символического использования образов России, которые получали свою особую трактовку, исходя из двух конкурирующих парадигм политики памяти. «Первая, ориентированная на либеральный и примирительный патриотизм, направленный на интеграцию в ЕС, пытается учитывать исторические нарративы соседей и нацменьшинств. <...> Вторая парадигма – националистическая, критически относится к идеологическим тенденциям в ЕС, направлена на устранение внутренних и внешних врагов, а также поощрение национальной гордости» (Шмыт, 2022, с. 65). Показательным в данном случае является тот факт, что данные парадигмы оказались востребованы двумя крупнейшими политическими партиями страны. Первая парадигма с некоторыми оговорками стала позицией либеральной правоцентристской «Гражданской платформы», в то время как вторая парадигма стала позицией правоконсервативной «Право и Справедливость».

За восемь лет своего абсолютного доминирования в сейме ПиС смогла развернуть широкую историческую политику с новой топонимикой, словарем публичной памяти, расширением практик Института национальной памяти, мифологии «второй Катыни», коммеморациях Варшавской битвы 1920 г. Более того, как показывают исследования предыдущих лет, тема исторической памяти и критика России достаточно давно являются важным элементом позиционирования ПиС в польской политической жизни (Балобаев, 2012; Женгота, 2019).

Структурный анализ предвыборных программ 2015 и 2019 гг.³² и комментариев представителей ПиС показывает преобладание целого ряда тем, используемых ПиС в качестве дополнительного фактора предвыборной агитации в условиях сложностей реализации внутренней политики в стране. Показательно, что образы России для ПиС в ее программе представляют собой однозначно критический нарратив как в отношении внешнеполитических действий России, так и касательно российско-польских отношений. Этими темами являются обсуждение противоречий сотрудничества с Россией, нарушение российской властью актов международного права, развитие оборонного потенциала Польши в условиях присутствия «российской угрозы», энергетическая независимость от России, вопросы судоходства на Балтике, поддержка Украины в ее конфликте на Донбассе.

Как и в случае немецких партий, анализ риторических средств, используемых в публичных выступлениях выявил большую критичность в отношении России в период 2014–2022 гг. Общим местом всех выступлений стало своеобразное единство исторического и современного образа России как «агрессора», угрожающего Польше и в дальнейшем Европе. Показательно, что данная критическая стратегия оказалась характерна и для высших чиновников Польши, связанных с ПиС. Так, 15 сентября 2020 г. президент Польши Анджей Дуда заявил: «Большевистское наступление тогда сокрушило Польшу. Пожары, смерть, изнасилования, отчаяние, страх, ужас, падение морального духа общества и солдат. Потери казались неизбежными. Многие думали, что случившееся уже не исправить, что Польша падет под ударами Советской России, Красной Армии, что принесенный с Востока коммунизм охватит нашу страну и затопит Германию и всю Европу»³³. Годом позже, комментируя очередное предложение о встрече лидеров ЕС и России, премьер-министр Матеуш Моравецкий подчеркнул, что Польша и многие другие лидеры считают такую встречу далеко преждевременной, поскольку она будет восприниматься как награда российскому президенту за его «агрессивную политику». Вторая критическая стратегия, позволяющая ПиС символически использовать образы России, в указанный нами период была связана с интерпретацией российских внешнеполитических проектов прошлого как «мрачных времен». Так, в конце августа 2020 г. Анна Фотыга, экс-глава МИД Польши на встрече с белорусской оппозицией на Калиновском форуме заявила: «Калиновская конференция полна символов. Один из них – годовщина Пакта Риббентропа–Молотова, который напоминает нам о самом мрачном времени в истории нашего региона, которое, однако, было преодолено»³⁴. Показательно также, что критический нарратив в отношении России часто использовался ПиС для конфронтации со своими политическими оппонентами в ходе предвыборной борьбы (Неменский, 2021).

³² *Prawo i Sprawiedliwość. Dokumenty oraz pliki*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://pis.org.pl/dokumenty>

³³ Duda, A. (2020, Wrzesień 15). *The centenary of the 1920 Battle of Warsaw*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://www.president.pl/news/the-centenary-of-the-1920-battle-of-warsaw,37143>

³⁴ Fotyga, A. (2020, Sierpień 24). *Forum Kalinowskiego – konferencja poświęcona sytuacji na Białorusi*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://pis.org.pl/aktualnosci/forum-kalinowskiego-konferencja-poswiecona-sytuacji-na-bialorusi>

Выделяя наиболее заметные стратегии санкционной риторики, высказывавшиеся представителями ПиС начиная с 2014 г., можно указать на две. Первая стратегия была связана с присоединением Крыма и военными действиями на Востоке Украины в 2015–2021 гг. и представляла собой различные попытки обосновать санкции как ответ «на агрессию». Вторая стратегия уже традиционно была связана с трагическими событиями гибели польской делегации в Катыни 10 апреля 2010 г. В частности, комментируя расследование авиакатастрофы и причастность к этому России, лидер партии Ярослав Качиньский говорил: «Есть ли у нас сегодня какие-либо инструменты, которые могли бы заставить русских дать нам показания? Единственные варианты, которые необходимо рассмотреть,— это Трибунал в Гааге. Других возможностей я не вижу»³⁵.

24 февраля 2022 г. ПиС еще более радикализировало нарративы в отношении России. Причем, если ранее представители партии сознательно смешивали русское, советское, российское, указывая на единый образ врага, то после начала военного конфликта России и Украины к двум устоявшимся уровнями критического дискурса и санкционной риторики в отношении РФ добавился третий, содержащий элементы культуры отмены. Это говорит не только о расширении, но и углублении критического дискурса ПиС в отношении России. Важным маркером дальнейшего развития уровня критических высказываний высших политиков Польши стала персонификация действий России как действий российского президента: «Путин впитал в себя худшее из современной истории, то есть национализм, империализм и колониализм. Мы забыли, что колониализм может иметь жестокое лицо российской агрессии. С одной стороны, мы видим реализацию российского “Мира”, а с другой – безжалостную эксплуатацию украинской нации, которая является объектом нападения»³⁶. Тот же Матеуш Моравецкий в годовщину начала военного конфликта России и Украины обозначил расширение критики и на уровне санкционной риторики, акцентируя внимание на решительном ответе России: «Польша и Украина знают вкус российского плена. Мы знаем, что такое мир свободы, а Россия и Путин знают мир агрессии. На российскую агрессию необходимо ответить силой»³⁷.

Особым измерением критического дискурса ПиС в отношении РФ стало использование элементов культуры отмены, где объект отмены варьировался достаточно произвольно. Так, в уже упоминавшемся высказывании министра культуры и национального наследия Петра Глинского речь шла об исчезновении «российской культуры». В это же время Иохим Брудзинский, депутат Европарламента от ПиС делал акцент на канселллинге бизнес-сотрудничества с Россией: «Ваши лидеры призывают ваши компании не закрывать свой бизнес в России, потому что вам нужны грязные, окровавленные рубли,

³⁵ Kaczyński, J. (2016, Kwiecień 7). *Musimy zachować suwerenność i godność narodową*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://pis.org.pl/aktualnosci/musimy-zachowac-suwerennosc-i-godnosc-narodowa>

³⁶ Morawiecki, M. (2022, Czerwiec 10). *Polska wielkim projektem Europy*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://pis.org.pl/aktualnosci/polska-wielkim-projektem-europy>

³⁷ Morawiecki, M. (2023, Luty 24). *365 dni wojny na Ukrainie*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://pis.org.pl/aktualnosci/365-dni-wojny-na-ukrainie>

которые можно обменять на якобы чистые евро. Вам не удастся смыть это пятно со своей чести. История этого не забудет»³⁸. По его мнению, «Россия снова стала империей зла». Наконец, Матеуш Моравецкий пытался говорить о необходимости «стереть идеологию Русского мира»³⁹. Вместе с тем данные высказывания так и остались эпизодическими, будучи в большей мере ориентированными на электорат Польши.

Другая значимая политическая партия Польши *Гражданская платформа* до 2022 г. утверждала необходимость сближения с Россией⁴⁰. В программах данной партии России всегда уделялось менее значительное место, чем Европе с ее ценностями. Лидер партии Дональд Туск был председателем Европейского Совета в 2014–2019 гг. В этой связи попытка проведения структурного анализа не выявило какой-либо систематической информации о России. Это подтверждается также и незначительным количеством высказываний виднейших представителей партии в СМИ. Вместе с тем еще с начала 2010-х гг. исследователи неоднократно фиксировали в риторике партии наличие нарратива, указывающего на необходимость преодоления «страха перед Россией» в контексте развития польских оборонных инициатив (Балобаев, 2012, с. 70). Реагируя на позицию Евросоюза, партия разворачивала критику России в контексте освобождения Алексея Навального: «Польша должна потребовать немедленного освобождения Алексея Навального, а также привлечения к ответственности виновных в попытке его убийства»⁴¹.

После начала конфликта России и Украины партия, как и другие крупные европейские политические акторы, также начала позиционировать себя в рамках антироссийской риторики. Однако и здесь партия выделяла удобное для себя пространство с целью критики России, апеллируя к теме «защиты от авторитаризма»: «Сила сопротивления политике Кремля заключается в единстве – единстве, которого автократы особенно боятся и хотят разрушить <...> Наш оппонент – автократическая Россия... Риторика о “двух врагах Польши” – России и Западе, столь распространенная в высказываниях многих политиков и зависимых от них СМИ, на самом деле является поддержкой российской пропаганды, стремящейся отделить нашу страну от демократического сообщества»⁴².

³⁸ Brudziński, J. (2022, Maj 4). *Rosja ponownie stała się imperium zła*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://pis.org.pl/aktualnosci/rosja-ponownie-stala-sie-imperium-zla>

³⁹ Morawiecki, M. (2022, Maj 19). *Zło XX wieku nie jest odległym wspomnieniem*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://pis.org.pl/aktualnosci/zlo-xx-wieku-nie-jest-odleglym-wspomnieniem>

⁴⁰ См. подробнее: *Naprawimy polską politykę zagraniczną – Rada Krajowa* (2018, Luty 24). *Platforma Obywalska*. Pobrano (2024, Listopad 1). Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://platforma.org/aktualnosci/naprawimy-polska-polityke-zagraniczna-rada-krajowa-2402>; *Program polityki zagranicznej #silnapolska* (2019, Lipiec 4). *Platforma Obywalska*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://platforma.org/aktualnosci/program-polityki-zagranicznej-silnapolska>

⁴¹ *Stanowisko ws. Działania rosyjskich władz wobec aleksieja nawalnego*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://platforma.org/aktualnosci/stanowisko-ws-dzialania-rosyjskich-wladz-wobec-aleksieja-nawalnego#0>

⁴² Tusk, D. *W godzinie próby. List otwarty Donalda Tuska*. Pobrano Marzec 20, 2025, z <https://platforma.org/aktualnosci/list-pdt>

Заключение

Таким образом, эволюция партийных систем в современной Европе и трансформация пространства символической конкуренции между ними способствовали фрагментации образов России, где отдельные образы России (экономические, политические, культурные) могли в большей или меньшей мере оказываться востребованными в рамках актуальных трендов символической политики. Вместе с тем, несмотря на данную фрагментацию, образы России продолжали оставаться одним из аспектов символического Другого, по отношению к которому партии в изменяющихся условиях политического поля определяли свою собственную идентичность. После присоединения Крыма к России в 2014 г. образы России как символического Другого получают не только отчетливо критическую направленность, но и актуализируются в рамках более глубокого дискурсивного уровня санкционной риторики. Вместе с тем сравнительный анализ дискурса политических партий ФРГ и Польши в 2014–2022 гг. показывает, что и уровень критических высказываний, и уровень санкционной риторики демонстрировали специфику самой партии, отражая в первую очередь логику ее взаимодействия с внутриполитическими оппонентами и избирателями. Начало конфликта России с Украиной в 2022 г. способствовало смещению тенденции фрагментации образов России на периферию, обозначив временное единство позиций политических партий в отношении как внутренней, так и внешней политики России. В случае немецких партий это нашло отражение не только в фактическом сходстве критического нарратива у всех партий Бундестага-20, но и размывании границы между критическими высказываниями и санкционной риторикой. В случае наиболее критически настроенной в отношении России польской партии Право и Справедливость это нашло выражение в появлении элементов культуры отмены в антироссийском дискурсе. Значимой тенденцией, проявившей себя как в рамках немецкого, так и в рамках польского партийного дискурса, оказалась персонификация российской стороны военного конфликта и отождествлении российской политики с фигурой президента России. Еще одной общей тенденцией стало позиционирование конфликта на Украине как вехи в исторической борьбе с авторитаризмом и диктатурой в Европе. При этом масштабы российско-украинского конфликта и глубина взаимных российско-европейских санкций явно указывают на то, что сдвиг в критическом восприятии России в сторону устойчивой санкционной риторики еще долго продолжит оставаться важным маркером конструирования и позиционирования своей идентичности ведущими партиями и Польши, и Германии.

Список литературы

1. Балобаев, В. А. (2012). Россия в программах польских политических партий в избирательной кампании 2011 года. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, (1), 68–77.
2. Басов, Ф. А. (2014). Россия в установках политических партий ФРГ. *Мировая экономика и международные отношения*, (4), 56–61.

3. Басов, Ф.А. (2021). Трансформация партийной системы Германии. *Мировая экономика и международные отношения*, 65(2), 29–36. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-29-36>
4. Белов, В.Б. (2022). Новое правительство ФРГ и германо-российские отношения. Фактор Украины. Часть 2. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, (2), 100–116. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran2022100116>
5. Бурдые, П. (2017). *Социология социального пространства*. Санкт-Петербург: Алетейя.
6. Вишнякова, О.С. (2017). Подходы парламентских партий ФРГ к выстраиванию российско-германских отношений в контексте выборов в бундестаг 2017 года. *ГосРег: государственное регулирование общественных отношений*, (4), 295–300.
7. Женгота, К. (2019). Польско-российские отношения в программах выбранных правых политических партий в Польше. Количественный и качественный анализ. *Балтийский регион*, 11(3), 125–141. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-7>
8. Корниенко, А.В. (2015). Предвыборный партийный дискурс в лингво-социологической перспективе. В О.Ю. Малинова и др. (Ред.), *Символическая политика* (Вып. 3, с. 298–316.). Москва: ИНИОН РАН.
9. Макаренко, Б.И., Петров, И.И. (2023). Динамика политического спектра европейских партийных систем (1990–2021). *Полис. Политические исследования*, (1), 11–28. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.03>
10. Малинова, О.Ю. (2010). Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. *Полис. Политические исследования*, (2), 90–105.
11. Миллер, А. (2012). Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века. В А. Миллер, М. Липман (Ред.), *Историческая политика в XXI веке: сб. статей* (с. 7–32). Москва: Новое лит. обозрение.
12. Миллер, А., Липман, М. (Ред.). (2012). *Историческая политика в XXI веке: сб. статей*. Москва: Новое лит. обозрение.
13. Михалев, О.Ю. (2023). Результаты парламентских выборов 2023 г. в Польше. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, (6), 42–53. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620234253>
14. Морозов, Е.С., Матвеева, Е.А. (2022). Экстренное заседание бундестага ФРГ 27 февраля 2022 г.: количественный анализ выступлений депутатов. В Н.В. Амбросов и др. (Ред.), *Вестник Иркутского университета* (Вып. 25, с. 189–192). Иркутск: Иркут. гос. ун-т.
15. Неменский, О.Б. (2021). Внешнеполитическая тематика в предвыборных программах польских партий в 2019 г. *Проблемы национальной стратегии*, (1), 175–201. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2021_1_175
16. Пичугин, С.А. (2022). Эволюция образа России в программах партий немецкого Бундестага в 2013–2021 гг. *Власть*, 30(3), 185–190. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i3.9065>
17. Пичугин, С.А. (2024). Образ России в новых предвыборных программах партий немецкого Бундестага. *Власть*, 32(4), 242–247. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-4-242-248>

18. Словински, К. (2020). Историческая политика партии «Право и Справедливость». *Современная Европа*, (1), 102–112. <https://doi.org/10.15211/soveurope12020102112>
19. Тимошенкова, Е.П. (2020). *Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А. Меркель (2005–2017 гг.)*. Москва: ИЕ РАН.
20. Хорольская, М.В. (2019). Новое во внешнеполитических ориентирах ведущих партий ФРГ. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, (1), 70–85. <https://doi.org/10.20542/afij-2019-1-70-85>
21. Хорольская, М.В. (2023). Изменения в политическом ландшафте Германии после начала боевых действий на Украине: вызовы для России. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, (2), 73–83. <https://doi.org/10.20542/afij-2023-2-73-83>
22. Шейгал, Е.И. (2000). *Семиотика политического дискурса* [Дис. ... д-ра филолог. наук. Волгоградский государственный педагогический университет]. Российская государственная библиотека. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000288599/
23. Шмыт, З. (2022). Пересборка прошлого как инструмент политической борьбы: публичная история в постсоциалистической Польше. *Социология власти*, 34(1), 39–68. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-1-39-68>
24. Jäger, S. (2013). Discourse and Knowledge: Theoretical and Methodological Aspects of a Critical Discourse and Dispositive Analysis. In R. Wodak, & M. Meyer (Eds.), *Methods of Critical Discourse Analysis* (pp. 32–63). London: SAGE Publications.
25. Krawatzek, F., & Matevosyan, H. (2024). *Mit Russlandhintergrund in Deutschland: Ansichten zu Politik, Gesellschaft und Geschichte*. ZOIS Report 5 / 2024. Berlin: Zentrum für Osteuropa- und internationale Studien.

References

1. Balobaev, V.A. (2012). Rossiya v programmakh pol'skikh politicheskikh partiy v izbiratel'noy kampanii 2011 goda [Russia in the programs of the polish political parties in the election campaign in 2011]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, (1), 68–77.
2. Basov, F.A. (2014). Rossiya v ustanovkakh politicheskikh partiy FRG [Russia in arrangements of German political parties]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, (4), 56–61.
3. Basov, F.A. (2021). Transformatsiya partiynoy sistemy Germanii [The Transformation of the German party system]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 65(2), 29–36. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-29-36>
4. Belov, V.B. (2022). Novoe pravitel'stvo FRG i germano-rossiiskie otnosheniya. Faktor Ukrainy. Chast' 2 [[New German government and German-Russian relations. Ukraine factor. Pt. 2]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN*, (2), 100–116. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran2022100116>
5. Bourdieu, P. (2017). *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [The Sociology of social space]. St. Petersburg: Aleteyya.

6. Jäger, S. (2013). Discourse and Knowledge: Theoretical and Methodological Aspects of a Critical Discourse and Dispositive Analysis. In R. Wodak, & M. Meyer (Eds.), *Methods of Critical Discourse Analysis* (pp. 32–63). London: SAGE Publications.
7. Khorolskaya, M. V. (2019). Novoe vo vneshnepoliticheskikh orientirakh vedushchikh partiy FRG. Analiz i prognoz [New in foreign policy orientation of the leading parties in Germany]. *Zhurnal IMEMO RAN*, (1), 70–85. <https://doi.org/10.20542/afj-2019-1-70-85>
8. Khorolskaya, M. V. (2023). Izmeneniya v politicheskom landshafte Germanii posle nachala boevykh deystviy na Ukraine: vyzovy dlya Rossii. Analiz i prognoz [Changes in the German political landscape after the outbreak of the conflict in Ukraine: challenges for Russia]. *Zhurnal IMEMO RAN*, (2), 73–83. <https://doi.org/10.20542/afj-2023-2-73-83>
9. Kornienko, A. V. (2015). Predvybornyy partiynyy diskurs v lingvo-sotsiologicheskoy perspective [Pre-election party discourse in a linguo-sociological perspective]. In O. Yu. Malinova at al. (Eds.), *Simvolicheskaya politika* (Iss. 3, pp. 298–316.). Moscow: INION RAN.
10. Krawatzek, F., & Matevosyan, H. (2024). *Mit Russlandhintergrund in Deutschland: Ansichten zu Politik, Gesellschaft und Geschichte*. ZOis Report 5 / 2024. Berlin: Zentrum für Osteuropa- und internationale Studien.
11. Makarenko, B. I., & Petrov, I. I. (2023). Dinamika politicheskogo spektra evropeyskikh partiynykh sistem (1990–2021) [Dynamics of the spectrum of European political parties (1990–2021)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (1), 11–28. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.03>
12. Malinova, O. Yu. (2010). Simvolicheskaya politika i konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetskoj Rossii [Symbolic politics and the constructing of macro-political identity in post-soviet Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (2), 90–105.
13. Mikhalev, O. Yu. (2023). Rezul'taty parlamentskikh vyborov 2023 g. v Pol'she [Results of parliamentary elections 2023 in Poland]. *Nauchno-analiticheskiiy vestnik Instituta Evropy RAN*, (6), 42–53. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620234253>
14. Miller, A. (2012). Istoricheskaya politika v Vostochnoy Evrope nachala XXI veka [Historical politics in Eastern Europe at the beginning of the XII century]. In A. Miller, & M. Lipman (Eds.), *Istoricheskaya politika v XXI veke: sb. statey* (pp. 7–32). Moscow: Novoe lit. obozrenie.
15. Miller, A., & Lipman, M. (Eds.). (2012). *Istoricheskaya politika v XXI veke: sb. statey* [Historical politics in the 21st century: a collection of articles]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
16. Morozov, E. S., & Matveeva, E. A. (2022). Ekstrennoe zasedaniye bundestaga FRG 27 fevralya 2022 g.: kolichestvennyy analiz vystupleniy deputatov [Extraordinary session of the German Bundestag on February 27, 2022: quantitative analysis of the speeches of the deputies]. In N. V. Ambrosov et al. (Eds.), *Vestnik Irkutskogo universiteta* (Iss. 25, pp. 189–192). Irkutsk: Irkut. gos. un-t.
17. Nemensky, O. B. (2021). Vneshnepoliticheskaya tematika v predvybornykh programmakh pol'skikh partiy v 2019 g. [Foreign-policy topics in political programs

of Polish parties during the 2019 elections]. *Problemy natsional'noy strategii*, (1), 175–201. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2021_1_175

18. Pichugin, S.A. (2022). Evolyutsiya obraza Rossii v programmakh partiy nemetskogo Bundestaga v 2013–2021 gg. [Evolution of Russia's image in the programs of the German Bundestag parties in 2013–2021]. *Vlast'*, 30(3), 185–190. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i3.9065>

19. Pichugin, S.A. (2024). Obraz Rossii v novykh predvybornykh programmakh partiy nemetskogo Bundestaga [Russia's image in the new election programs of the German Bundestag parties]. *Vlast'*, 32(4), 242–247. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-4-242-248>

20. Sheygal, E.I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse] [Dissertation, Volgograd State University]. Russian State Library. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000288599/

21. Slovinski, K. (2020). Istoricheskaya politika partii “Pravo i Spravedlivost” [The historical policy of Poland's law and justice party]. *Sovremennaya Evropa*, (1), 102–112. <https://doi.org/10.15211/soveurope12020102112>

22. Szmyt, Z. (2022). Peresborka proshlogo kak instrument politicheskoy bor'by: publichnaya istoriya v postsotsialisticheskoy Pol'she [Reassembling the past as an instrument of political struggle: public history in post-socialist Poland]. *Sotsiologiya vlasti*, 34(1), 39–68. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-1-39-68>

23. Timoshenkova, E.P. (2020). *Partiyno-politicheskaya sistema Germanii v period kantslerstva A. Merkel' (2005–2017 gg.)* [The party-political system of Germany during the Chancellery of A. Merkel (2005–2017)]. Moscow: IE RAN.

24. Vishnyakova, O.S. (2017). Podkhody parlamentskikh partiy FRG k vystraivaniyu rossiysko-germanskikh otnosheniy v kontekste vyborov v bundestag 2017 goda [Approaches of the German parliamentary parties to building Russian-German relations in the context of the 2017 Bundestag elections]. *GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy*, (4), 295–300.

25. Żegota, K. (2019). Pol'sko-rossiyskie otnosheniya v programmakh vybrannykh pravyykh politicheskikh partiy v Pol'she. Kolichestvennyy i kachestvennyy analiz [Polish-Russian relations as reflected in the programmes of right-wing political parties in Poland: a quantitative and qualitative analysis]. *Baltiyskiy region*, 11(3), 125–141. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-7>

Информация об авторах

Андрей Александрович Линченко, кандидат философских наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ; Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6242-8844>, e-mail: linchenko1@mail.ru

Варвара Владимировна Антоновская, научный сотрудник, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6647-6034>, e-mail: var.antonovskaya@yandex.ru

Information about the authors

Andrey Aleksandrovich Linchenko, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6242-8844>, e-mail: linchenko1@mail.ru

Varvara Vladimirovna Antonovskaya, Researcher, RUDN University, Moscow; Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6647-6034>, e-mail: var.antonovskaya@yandex.ru

УДК 323

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_69

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ ДИСКУРСЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Александр Юрьевич Бубнов,

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Факультет политологии МГУ им. Ломоносова,
Москва, Россия,
alexandr-bubnov@mail.ru

Получена 12.12.2024.

Поступила после рецензирования 05.02.2025.

Принята к публикации 12.02.2025.

Для цитирования: Бубнов А.Ю. Постколониальные дискурсы в исторической политике на постсоветском пространстве // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 1. С. 69–84. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_69

Аннотация

Статья посвящена анализу постколониальных дискурсов в исторической политике стран постсоветского пространства, в том числе во внутренней политике России. Основным инструментом трансляции постколониальных дискурсов выступает учебная литература как «привилегированный нарратив», формируемый в рамках государственной исторической политики, а так же общественные дискуссии и коммеморативные практики. Акцент в исследовании сделан на тех исторических событиях, которые используются в интересах построения национальных идентичностей. Теоретической рамкой исследования является концепт постколониального национализма, подразумевающий конструирование нации через противостояние с империей как враждебным «другим». Национальные истории почти всех постсоветских стран акцентируют период колониального угнетения со стороны Российской империи, таким образом, имперский период выступает образцом для создания постколониальных дискурсов. В законченном виде постколониальный национа-

© Бубнов А.Ю., 2025

лизм связывает Российскую империю, Советский Союз и Российскую Федерацию в единую линию «колониального угнетения». В статье анализируются примеры Украины, стран Средней Азии (Казахстана, Узбекистана и Таджикистана) и российских регионов с национальной спецификой (Северного Кавказа и Поволжья). Украина рассматривается как пример пройденного до конца пути от доминирования в учебной литературе постколониальных исторических нарративов до построения антироссийской идентичности. В исторической политике государств Средней Азии в целом преобладает негативное восприятие Российской империи и СССР. Однако допускается позитивная оценка отдельных сторон «колониального периода», преимущественно советских практик модернизации, что зависит от взаимоотношений конкретной страны с Россией. В регионах Северного Кавказа и Поволжья постколониальные дискурсы вытеснены из публичной сферы и существуют в скрытом виде, проявляясь в конфликтах, связанных с мемориальными практиками и региональными версиями памяти.

Ключевые слова:

постколониализм, историческая политика, мемориальные практики, мемориальные конфликты, национализм, империя, привилегированный нарратив, постсоветское пространство

Источники финансирования:

статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2024-0007 «Постколониализм как инструмент культуры отмены: особенности дискурса и мемориальные практики»).

UDC 323

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_69

POSTCOLONIAL DISCOURSES IN HISTORICAL POLITICS OF THE POST-SOVIET SPACE

Aleksandr Yu. Bubnov,

State Academic University for the Humanities;
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
alexandr-bubnov@mail.ru

Received 12.12.2024.

Revised 05.02.2025.

Accepted 12.02.2025.

For citation: Bubnov, A. Yu. (2025). Postcolonial Discourses in Historical Politics of the Post-Soviet Space. *Discourse-P*, 22(1), 69–84. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_69

Abstract

The article examines postcolonial discourses within the historical policies of the post-Soviet countries, with a particular focus on the domestic policy of Russia. The primary vehicle for conveying these postcolonial discourses is educational literature, which serves as a “privileged narrative” shaped by state historical policy, alongside public discussions and commemorative practices. The study emphasizes historical events that are instrumental in constructing national identities. The theoretical framework is grounded in the concept of *postcolonial nationalism*, which posits that nations are constructed through a confrontation with the empire as a hostile “other”. In nearly all post-Soviet countries, national histories highlight the colonial oppression experienced under the Russian Empire, positioning this imperial period as a foundational model for the development of postcolonial discourses. In its completed form, *postcolonial nationalism* weaves together the Russian Empire, the Soviet Union, and the Russian Federation into a continuous narrative of “colonial oppression”. The article analyzes case studies from Ukraine, Central Asian countries (Kazakhstan, Uzbekistan, and Tajikistan) and Russian regions with distinct national specifics (the North Caucasus and the Volga region). Ukraine serves as a compelling case study that exemplifies a comprehensive trajectory, evolving from the dominance of postcolonial historical narratives in educational literature to the formation of an anti-Russian identity. In Central Asian states, a predominantly negative perception of the Russian Empire and the USSR prevails, although certain aspects of the “colonial period”, particularly Soviet modernization practices, may be viewed positively, depending on the relationship of a particular country with Russia. In the North Caucasus and Volga regions, postcolonial discourses are largely marginalized in the public sphere. They exist in a latent form instead, manifesting in conflicts related to memorial practices and regional interpretations of collective memory.

Keywords:

postcolonialism, historical politics, memorial practices, memorial conflicts, nationalism, empire, privileged narrative, post-Soviet space

Funding:

The article was developed at the State Academic University for the Humanities as a part of a state assignment from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, following the results of the competitive selection of Social Research Expert Institute (EISI) (topic No. FZNF-2024-0007 “Postcolonialism as a Tool of Cancel Culture: Features of Discourse and Memorial Practices”).

Постколониальные дискурсы в контексте исторической политики

Под постколониализмом, в широком смысле, понимается период в истории стран, являвшихся в прошлом колониями держав Запада, освободившихся впоследствии от экономической и политической зависимости, но находящихся в ситуации укрепления своих национальных идентичностей и борьбы с культурными остатками колониализма. Существует несколько вариантов постколониальных дискурсов, подчас довольно радикально отличающихся базовыми подходами и объектами критики. Наряду с либеральными подходами, ориентированными на мультикультурализм и глобализм, популярность приобрел и постколониалистский национализм, использующий постколониальную риторику для укрепления националистических нарративов. Д. Уффельманн в качестве основных признаков использования постколониальной теории в интересах национализма выделяет понимание своих как безусловной жертвы (при этом отрицаются и игнорируются любые преступления и ошибки с их стороны), а также придание конфликту с чужим экзистенциальный характер и, следовательно, отрицание релятивности и историчности любых конфликтов (Уффельманн, 2020).

На уровне государственной политики мы можем наблюдать активное использование методологии и риторических приемов постколониальных исследований в интересах построения новых национальных идентичностей, а в ряде случаев – и для разжигания национал-сепаратизма. Можно утверждать, что апелляции к идее защиты национальной идентичности от колониальной угрозы зачастую выступают в культурной сфере инструментом упрочения власти в руках националистических элит новых независимых государств. Одним из важнейших направлений борьбы с колониальным подчинением (мнимым и реальным) становится историческая память, а инструментом «освобождения» – историческая политика, в том числе учебная литература и мемориальные практики. Марк Ферро в своем классическом исследовании школьных учебников разных стран отмечал, что «все общества Юга деколонизируют свою историю, и часто теми же средствами, какими пользовались колонизаторы, т. е. конструируют историю, противоположную той, что им навязывалась прежде» (Ферро, 1992, с. 11).

Постколониальный национализм играет значительную роль в конструировании национальных мифов постсоветских стран. Как показывает В. А. Шнирельман, логика этноцентрических нарративов, начинаясь с защиты национальной памяти, оборачивается искусственной абсолютизацией национальных культур и преувеличением различий исторических путей соседних народов (Шнирельман, 2024, с. 18). Для большинства постсоветских стран традиция этноцентрических нарративов восходит к советской политике 1920-х гг., в которой воедино сплеталась «коренизация», поощрение национальных интеллигенций и политически обоснованная диффамация царской России как колониальной империи и «тюрьмы народов», на чем специализировался М. Н. Покровский и его школа. Таким образом, антиколониальная риторика в отношении России была вплетена в национальные мифы уже на раннем этапе становления советской власти, затем приглушена вместе с разворотом к «русско-советскому патриотизму» и снова актуализирована с распадом СССР. Структура многих этноцентрических мифов содержит вплетенные в них антиколониальные дискурсы, подразумевающие

противостояние с империей как враждебным *другим*. Представление России в качестве исторического врага стало способом сборки национальных идентичностей на постсоветском пространстве, объясняя вновь обретенную независимость восстановлением государственной традиции, прерванной колониальной политикой России (Багдасарян, 2018, с. 68).

Цель статьи, таким образом, состоит в изучении использования постколониальных дискурсов в исторической политике государств постсоветского пространства, в том числе во внутрirosсийской повестке, в контексте регионов с этно-религиозной спецификой.

Постколониальный национализм: украинский случай

Украина является эталонным примером воздействия дискурсов постколониального национализма на национальный нарратив. Являясь одним из самых радикальных вариантов постколониальной риторики на постсоветском пространстве, украинский нарратив выстроен вокруг извечной борьбы украинцев за независимость против имперского гнета Москвы. Украинский случай интересен еще и тем, что представляет пройденный до конца путь от постколониальных дискурсов в исторической политике к радикальной антироссийской идентичности.

Рост популярности антиимперской риторики в украинском обществе относится ко времени «поздней перестройки», когда в общественной дискуссии, подготавливавшей независимость, формировался негативный имидж Российской империи и ее преемника – Советского Союза. После обретения независимости началось исправление учебников и создание национального привилегированного нарратива, заимствованного практически полностью у зарубежной украинской диаспоры и дореволюционной народнической историографии. В учебниках 1990-х и начала 2000-х гг. (до событий 2004 года) сложились устойчивые шаблоны о колонизаторской сущности русской истории на всем ее протяжении. Г.В. Касьянов отмечает: «Советский период однозначно рассматривается как наихудший в истории доминирования России на украинских землях. При этом нередко “имперский синдром” как синоним экспансионизма представляется в качестве имманентной черты русского самосознания и политических элит чуть ли не со времен Ивана Грозного (разумеется, это наиболее радикальный вариант, заимствованный у Д. Донцова и радикальных националистов)» (Касьянов, 2004, с. 86). При этом именно школьные учебники оказали влияние на современную украинскую историографию, а не наоборот, радикализовав ее в националистическом ключе в противовес менее радикальным академическим альтернативам.

Для этноцентрического нарратива характерно изучение истории Украины как истории ведущей этнической группы. При этом доминирует ретроспективный подход, опрокидывающий современные представления в прошлое и оценивающий исторические события с позиции вневременного существования нации. Это вызывает колебания между подчеркиванием решающей роли украинцев в тех или иных событиях имперской истории и ее отторжением. Что, в частности, проявляется в ревизии нарратива о русско-турецких войнах XIX в., которые объявляются объективно чужими, несмотря на проявленный

украинцами героизм и ставшие их результатом территориальные приобретения для потенциальной украинской государственности (Багдасарян, 2018). Период формирования национального нарратива в учебной литературе до событий «майдана» 2004 г. особенно интересен, поскольку отражает первый этап трансляции постколониального дискурса, начавшийся задолго до острого геополитического противостояния и войн памяти.

Общая тенденция всего последующего периода, начиная с 2004 г. – нарастающий перевод потенциальных конфликтов, заложенных на уровне привилегированного нарратива в практики государственной исторической политики. Складывается набор исторических периодов, событий и персоналий, которые становятся объектами конфликта интерпретаций. 1) О присвоении наследия Древней Руси, украинская интерпретация которого ведет к отрицанию общности судьбы восточнославянских народов. 2) Период русско-польской войны и «Руины», связанный с идеей нарушения «перемысловских соглашений» и «похищения» Москвой независимости «казацкого государства». К этому периоду относится еще одна знаковая коммеморация В. Ющенко, посвященная победе украинских казаков над «московским войском» – битва под Конотопом. 3) Период становления Российской империи и полтавская кампания Петра I. При этом акценты переносятся на «Батуринскую резню» 1708 г. и на прославление Мазепы, что способствует актуализации комплекса нарративов, связанных с идеей продолжения борьбы украинцев за независимость в период Российской империи. 4) Период гражданской войны, закончившийся срывом национального проекта, уничтоженного Советской Россией (Касьянов, 2019). Характерно, что наиболее острой проблематикой, вызывавшей в тот период активное противодействие в России на уровне СМИ и государственных органов, были антисоветские дискурсы, в первую очередь Голодомор и глорификация коллаборационизма в годы Второй мировой войны. В то время как постколониальная риторика в отношении имперского периода не рассматривалась в качестве актуальной угрозы.

Влияние постколониальных националистических дискурсов на украинскую историческую политику в 1990-е и 2000-е гг. было радикальным вариантом центральной тенденции развития национальных историй на постсоветском пространстве. В государствах Прибалтики, Грузии и Молдове нахождение в общем с Россией политическом пространстве, будь то Российская империя или Советский Союз, трактовалось преимущественно в постколониальной перспективе, что стало предметом внимания историков уже в то время (Бомсдорф, Бордюгов, 2009; Данилов, Филиппов, 2009). Была и другая альтернатива: такие государства, как Армения и Беларусь, встраивали в национальный нарратив позитивную оценку общего с Россией имперского прошлого. Впрочем, как показали дальнейшие события, обе эти тенденции в значительной степени определялись геополитикой. Армения после 2018 года начинает постепенный отход от союза с Россией и переоценку общего прошлого, в первую очередь советского. После поражения во Второй карабахской войне реанимируется и постколониальный дискурс, появление которого интерпретируется как часть стратегии режима Пашиняна по «нормализации» отношений с Азербайджаном и Турцией. Так, внимание российских экспертов привлекло появление

в учебнике для 8 класса тезиса об «оккупации Восточной Армении» в результате русско-персидской войны 1826–1828 гг.¹

Постколониальный национализм в государствах Средней Азии

Отдельно стоит рассмотреть случай государств Средней (Центральной) Азии. Острого мемориального конфликта, в отличие от Украины или Прибалтики, здесь не было, некоторые из них являются партнерами России по интеграционным проектам на постсоветском пространстве и военными союзниками по ОДКБ, что не мешало постколониальным дискурсам антироссийской направленности изначально присутствовать в учебной литературе и коммеморативных практиках. Со временем это стало вызывать в российском экспертном сообществе все большую озабоченность, поскольку просматривались аналогии с траекторией движения украинского общества.

Так, в Казахстане после обретения независимости постколониальные нарративы были связаны с переоценкой периода пребывания в составе России и СССР. Российская империя, наряду с джунгарами, описывалась как основной враг. Продвигался тезис, что Российская империя, воспользовавшись трудным положением казахских государств, надолго лишила их независимости. Применительно к советскому периоду колониальный характер отношений усматривался в сырьевом характере экономики Казахстана и в продолжение имперской политики подавления национального самосознания казахов. В школьных учебниках, написанных в 2000-е гг., подчеркивалось, что для Казахстана характерно «длительное столетиями колониальное прошлое», а основное содержание истории составляет «национально-освободительная борьба казахского народа на пути к независимости» (Бомсдорф, Бордюгов, 2009, с. 274–278).

В некоторых случаях постколониальный дискурс разворачивался более полно. Так, в учебнике для 11-го класса подчеркивалось, что его основное содержание связано с характеристикой этапов национально-освободительной войны казахского народа за уничтожение колониальной системы и осуществление деколонизации. Причем эта борьба, возведенная в ранг столкновения двух цивилизаций, охватывает период со второй половины XVIII в. до распада СССР в конце XX в. и сопоставляется с «борьбой индийского народа против английских колонизаторов, борьбой алжирского народа против французского колониального господства, войной вьетнамского народа против американского колониализма» (Данилов, Филиппов, 2009, с. 89). В других учебниках присутствуют более сдержанные и объективные оценки, в частности подчеркивается, что процесс присоединения Казахстана к России, занявший 135 лет, носил сложный характер, сочетавший добровольное вхождение и завоевание, а использование слов «колониализм», «колониальная политика» избегается (Данилов, Филиппов, 2009, с. 88).

Схожие тенденции продолжают доминировать и в последующий период. Как показывает анализ учебников, выпущенных в 2018–2019 гг., для них характерны негативная оценка последствий присоединения к России,

¹ Мирзаян, Г. (2024, 9 августа). *Не по-детски. Зачем в армянские учебники добавили «российскую оккупацию»*. Взято 20 октября 2024, с <https://regnum.ru/article/3907543>

нарративы о нарушении Россией договоров и лишении казахов государственности. Политика России определяется как «военно-колониальная экспансия Российской империи», направленная на установление контроля над новыми территориями и эксплуатацию их ресурсов, а восстания казахов – как «народно-освободительные движения против колониальной политики царизма» (Аватков, 2024, с. 24–25).

В Таджикистане после обретения независимости в историографии присутствовали разные оценки периода нахождения в составе Российской империи: от добровольного присоединения до завоевания и колониального захвата (Бомсдорф, Бордюгов, 2009, с. 345). В учебной литературе можно выделить два постколониальных дискурса, условно обозначаемые как исламский и национальный. В рамках исламского дискурса (более ранний учебник 2000 г.) большевикам как преемникам Российской империи ставится в вину «отторжение таджиков от исламского мира» и приобщение к «западным техногенным ценностям». Характерна цитата: «...царская Россия покорила тело, а марксизм-ленинизм большевиков овладел умами таджиков, но сердце осталось непокоренным» (Аватков, 2024, с. 47).

В рамках национального дискурса, который прослеживается в новых учебниках (2017 г.), колониальный опыт Российской империи контрастирует с позитивными оценками некоторых последствий присоединения к СССР, ставших прологом к обретению национальной независимости. Так, в целом положительно оценивается национально-административное деление 1924 г., развитие экономики и культурно-просветительская политика в советский период (Аватков, 2024, с. 43).

Для Узбекистана характерен еще более выраженный постколониальный дискурс, связывающий в единую линию Российскую империю и Советский Союз. В учебных пособиях 2000-х гг. включение в состав Российской империи Средней Азии рассматривается в контексте противостояния двух колониальных империй – России и Великобритании, не различаемых по своим целям и характеру имперской политики. Набор примеров колониальной политики России в Туркестане включает русификацию и переселенческую политику. В некоторых случаях властям Российской империи ставятся в вину общие проблемы, характерные как для внутренних районов страны, так и для многих государств того времени, такие как несправедливая налоговая система, рост эпидемических заболеваний или «уродливый капиталистический строй». В других случаях умалчиваются или предвзято интерпретируются примеры сотрудничества с имперскими властями местных элит, в частности, отказ от поддержки восстания 1916 г. со стороны как представителей прогрессивной интеллигенции (джадидов), так и традиционалистов – кадимистов (Данилов, Филиппов, 2009, с. 92–94).

В учебнике 2001 г. колонизационная программа в отношении Средней Азии возводится к Петру I, а Хивинское ханство называется «неподчинившимся Алжиром Средней Азии», имея в виду неудачные походы 1717 и 1839 гг. Изучение Туркестана русскими учеными тоже рассматривается как элемент колониальных практик. Большое значение имеет постоянное подчеркивание преступлений и жестокостей русских войск, в частности при штурме Чимкента.

Важной особенностью постколониальных нарративов в Узбекистане является тюркоцентризм, акцент на том, что «русским колонизаторам» не удалось разорвать связь с Турцией (Багдасарян, 2018, с. 80–86). Восприятие Российской империи как враждебного другого проявляется и в критике дискурса о позитивных последствиях присоединения, который оценивается как пропагандистский миф о прогрессе и цивилизации, навязываемый колонизаторами (Аватков, 2024, с. 66). Важно, что политика советской власти так же рассматривается в значительной степени как колониальная и шовинистическая, а социалистические преобразования, разрушившие традиционный религиозный и социальный уклад, оцениваются как причина нового этапа национально-освободительной войны. В то же время в отношении современной России отмечается, что страны являются стратегическими партнерами (Аватков, 2024, с. 53–54).

Вот что отмечали в 2009 г. авторы экспертного доклада, посвященного анализу образа России в постсоветских странах: «Общей чертой школьных учебников новых национальных государств является стремление представить контакты с русскими и Россией как источник проблем и неприятностей для предков». «Присоединение тех или иных территорий к России и Российской империи, как правило, оценивается негативно. Выгоды, получаемые народами в рамках большого государства, замалчиваются, акцент делается на утрате самостоятельности». «Не менее важно, **о чем умалчивается**. Кратко можно сказать – обо всем хорошем, что получили народы бывшего СССР от проживания бок о бок с великим русским народом. Отношения между народами в националистической историографии понимаются только как игра с нулевой суммой» (Данилов, Филиппов, 2009, с. 245, 247, 11). Через 15 лет авторы реферативного сборника, посвященного учебникам истории, резюмируют: «На пространстве Постсоветского Востока учебники схожи в своем скорее негативном восприятии России. Развивается навязываемая идея о колониальной политике российского государства, во многом созданная на основе западных подходов и с учетом советского опыта борьбы с империализмом – направленной в том числе и против Российской империи. Проще говоря, советский антиколониальный дискурс перекладывается с имперского периода и на советский, а где-то и на современный российский» (Аватков, 2024, с. 6).

В последние годы можно наблюдать актуализацию темы исторических нарративов в контексте проблем миграционной политики. Вопрос о роли общей исторической памяти в адаптации мигрантов из Средней Азии поднимался российскими экспертами применительно к российско-таджикским школам с обучением на русском языке, чьи учебные программы, как оказалось, транслировали привычный постколониальный нарратив в отношении Российской империи². Не менее показательна ситуация с учебниками на русском в Узбекистане, относящими Советский Союз в период Второй мировой войны к агрессорам, наряду с Германией³.

² См. сообщение Телеграм-канала *Историк Дюков* от 27 марта 2024 г. Взято 20 октября 2024, с <https://t.me/historiographie/12011>

³ См. сообщение Телеграм-канала *Историк Дюков* от 9 сентября 2024 г. Взято 20 октября 2024, с <https://t.me/historiographie/15124>

Постколониальные дискурсы во внутрироссийской повестке

В России постколониальные дискурсы проецировались на взаимоотношения национальных регионов с федеральным центром. На идее колониального угнетения со стороны России (как в прошлом, так и в настоящем) основывались открытые сепаратистские проекты, связанные с проектами разделения России и создания независимых государств, в частности в Поволжье и на Северном Кавказе. Такого рода риторика в публичной сфере за последние 20 лет была маргинализирована, оставаясь, тем не менее, частью информационных войн. В латентном виде постколониальные дискурсы присутствуют в конфликтах связанных с мемориальными практиками и региональными версиями памяти.

Наиболее проблемной остается региональная память о Кавказской войне. Символическая «деколонизация» исторической памяти народов Северного Кавказа началась в момент кризиса российской государственности конца 1980-х – начала 1990-х гг. В период перестройки распространяется постколониальный нарратив связанный с «черкесской проблемой» и «геноцидом» адыгов. В дискурсах историков-адыговедов объединяются имперский и советский периоды как одинаково враждебные адыгам, конструируется нарратив о геноциде через увеличение длительности Кавказской войны до ста лет (начало относится к 1763 г.) и манипулирование проблемой мухаджирства (численность вынужденных переселенцев доводится до 5 млн). Законодательными органами власти и общественными организациями предпринимается ряд попыток добиться признания геноцида адыгов (черкесов) на внутрироссийском и международном уровне, в частности, в 1992 г. Верховным Советом Кабардино-Балкарской ССР принимается постановление с говорящим названием «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-кавказской войны». Постколониальные дискурсы присутствовали в учебной литературе, где борьба против Российской империи характеризовалась как «народно-освободительная» и «антиколониальная». Наиболее радикальным развитием «черкесской проблемы» являются проекты Черкесской республики и Великой Черкесии. Признание «геноцида» активно продвигалось на международный уровень в период подготовки к проведению зимней Олимпиады-2014 в Сочи (Урушадзе, 2020, с. 265–275). Недавний пример использования этой темы во внутрироссийских мемориальных конфликтах относится к 2020 г. и связан с демонтажем мэрией Адлера по требованию «черкесских» активистов памятного знака русским солдатам, участникам Кавказской войны⁴.

«Черкесская проблема» представляет собой крайний случай перевода постколониальных нарративов о Кавказской войне в общественно-политическую плоскость. В латентном варианте они характерны для учебной литературы многих национальных регионов Северного Кавказа. Проводником постколониальной повестки, как и во всех остальных случаях, выступают этноцентрические нарративы. Для регионов Северного Кавказа характерны разные доминирующие события, в частности, в Дагестане это история создания

⁴ Лучанинов, А. (2020, 24 июля). *Кого оскорбил памятник русским героям?* Взято 10 октября 2024, с https://aif.ru/society/opinion/kogo_oskorbil_pamyatnik_russkim_geroyam

теократического государства Шамиля, чье влияние и зона территориального контроля сильно преувеличивается. Однако, как отмечает С.Б. Манышев, основной формой искажения выступает игнорирование мирных форм интеграции и сведение взаимоотношений с Российской империей в XIX в. к перманентной войне, в ходе которой русская армия осуществляет «карательные» операции против героически сопротивляющихся горцев. При этом в ряде случаев учебники рассказывают и о противоположном явлении – участии в войне горцев на стороне Российской империи, как например было в Ингушетии в ходе Назрановского восстания 1858 г. (Манышев, 2020, с. 86–89). Наиболее важным местом мемориального конфликта выступает память о А.П. Ермолове, чей образ в «национальных» республиках связывается с репрессиями и порабощением Кавказа, в то время как для «казачьих» регионов он символизирует твердое и справедливое управление мятежной провинцией империи. Установка памятников Ермолову в Минеральных Водах (2008) и Пятигорске (2010) по инициативе Терского казачьего войска спровоцировала противостояние в разных формах – от информационных кампаний в прессе и социальных сетях до обращений активистов (наиболее острое отношение к коммеморации Ермолова было в Чечне). В 2016 г. ситуация повторилась, когда в московском метро появился поезд «Великие полководцы» с изображением Ермолова.

В Поволжье, в первую очередь в Татарстане и Башкирии, мемориальные конфликты являются наследием периода «парада суверенитетов» и конфронтации с федеральным центром, когда сохранялась возможность использования этноцентрических нарративов для стимулирования сепаратистских настроений. После укрепления вертикали власти и урегулирования спора о полномочиях центра и субъектов федерации острота конфликта спала, будучи вытесненной в повестку националистических организаций.

Для Татарстана это период противостояния Русского государства и Казанского ханства, завершившийся взятием Казани, и попытки ревизии «имперской» памяти об этом событии. С 1989 г. существует коммеморация в честь погибших защитников Казани «День памяти и скорби татарского народа» (Хэтер коне), так и оставшаяся неформальной, хотя попытки придать ей официальный статус неоднократно предпринимались. Символическое значение состояло в воссоздании памяти о потерянной государственности и конституировании победы русских как конфликта ислама и православия. Продвижением «Дня памяти и скорби» как ежегодной мемориальной акции (15 октября) занимался контролируемый националистами Всетатарский общественный центр (ВТОЦ), признанный в 2022 г. экстремистской организацией (Воронович, 2023, с. 286). В бэкграунде этих попыток пробудить конфликтную память о периоде присоединения Казани к Русскому государству находится сепаратистский проект «Идель-Урал», который восходит к периоду распада единой страны в 1917–1918 гг. Идея объединения исповедующих ислам тюркских народов в период гражданской войны позже трансформируется (при поддержке нацисткой Германии) в коллаборационистский легион «Идель-Урал» и проекты создания Идель-Уральской республики.

В явном виде дискурс отделения Урало-Поволжского региона распространяется в СМИ, ведущих информационную войну против России, в частности, через площадки, связанные с татарско-башкирским подразделением Радио

«Свобода» – «Idel.Реалии». Характерный пример подобного высказывания: «Татары, к которым я принадлежу, имеют историю государственности длиною в полторы тысячи лет, начиная с Тюркского каганата, Золотой Орды, татарских ханств и, наконец, нынешнего Татарстана. Даже по путинской конституции республики в составе РФ имеют юридический статус “государств”. Мы в состав империи добровольно не входили. И имеем право на выход оттуда, где мы насильно по факту удерживаемы в качестве заложников»⁵.

Еще одним примером продвижения постколониальных дискурсов в мемориальной политике Поволжья является использование башкирскими националистами памяти о Салавате Юлаеве. Созданный еще в рамках советской политики борьбы с наследием «царского режима» культ Салавата Юлаева как башкирского национального героя и руководителя восстания против Российской империи делает его удобной фигурой для «легального» протеста и сплочения радикалов. Другие, явно в спешке конструируемые символы деколонизации, как, например, «День памяти жертв геноцида башкирского народа» (24 января)⁶, связанный с событиями восстания 1740 г., менее подходят, поскольку не имеют устойчивой мемориальной традиции в национальной памяти башкир. Для протестной мобилизации памяти используется любой удобный повод, в частности, запланированная в 2023 г. реставрация памятника стала основанием для обвинений в попытке его демонтажа, что вынудило официальные СМИ оправдываться. Другой риторический прием – «защита» памяти – используется для противопоставления «правильных» и «неправильных» национальных героев: «В последние годы в республике происходит подмена памяти о Салавате Юлаеве. Его, например, все больше подменяют советским генералом Шаймуратовым. Некоторые публицисты и вовсе изображают Салавата бандитом и разбойником, мятежником»⁷. Одни исторические фигуры несут консолидирующий потенциал, другие могут быть встроены в деколонизационную повестку. Об этом откровенно пишет Руслан Габбасов, лидер признанной экстремистской башкирской националистической организации «Башкорт»: «Образ Салавата Юлаева, как и образ Заки Валиди вымывают из памяти башкир. Почему так делают, спросите вы? Потому что Салават Юлаев и Заки Валиди боролись за свободу башкирского народа против Москвы. А Шаймуратов боролся за Москву. Вот и весь ответ»⁸.

⁵ Idel.Реалии. *Народы удерживались в имперских клещах силой*. Руслан Айсин – о критике Навальной деколонизальной повестки (2024, 8 сентября). Взято 10 октября 2024, с <https://t.me/idelrealii/37412> (СМИ, выполняющее функции иноагента).

⁶ История башкир. *History of the Bashkirs* (2024, 26 января). 24 января – *День памяти жертв геноцида башкирского народа*. Взято 10 октября 2024, с <https://dzen.ru/a/ZbLV4KTwtSEEyXl5?sid=107378190869245543>

⁷ Idel.Реалии. *В Уфе сегодня почтили память руководителя башкирского восстания против Российской империи Салавата Юлаева* (2023, 17 июня). Взято 10 октября 2024, с <https://t.me/idelrealii/28172> (СМИ, выполняющее функции иноагента).

⁸ *Тот самый из Башкорт* (2024, 4 июня). Взято 10 октября 2024, с https://t.me/grs_bashqort/2205 (Материал распространен лицом, выполняющим функции иноагента).

Постколониальный национализм в России и на постсоветском пространстве: предварительные замечания

Историческая политика является основной формой существования постколониальных дискурсов на постсоветском пространстве, поскольку культура, доставшаяся в наследство от имперского периода, в том числе история, рассматривается как форма угнетения. Основной технологией является конструирование культурных травм, когда из репертуара национальной истории выбираются связанные с войнами события, имеющие потенциал для наращивания исторических претензий и обвинений в колонизаторской политике. Причем во многих случаях «атиколониальные» нарративы в отношении России сочетаются с позитивной оценкой «своей» империи, как, например, в случае с глорификацией Золотой Орды в ряде тюркоцентричных национализмов.

Максимальным выражением постколониального национализма является характеристика всех трех периодов российской истории как колониальных. Единой логикой имперского угнетения подвластных народов связываются Российская империя (в широком смысле, включая московский период), Советский Союз и Российская Федерация. При анализе исторической политики на постсоветском пространстве часто делается акцент на мемориальных конфликтах, касающихся переоценки советского периода общей истории, что справедливо рассматривается как инструмент манипулирования идентичностями и обоснования антироссийской внешней политики (Русаков, Русакова, 2020). Однако постколониальные дискурсы, составляющие важную часть национализма и этноцентризма на постсоветском пространстве, в значительной степени сосредоточены на пересмотре истории Российской империи, выступающей имперской матрицей для всех последующих государственных образований. Как показывает анализ примеров, полный процесс формирования этого дискурса проходит на Украине. В государствах Средней (Центральной) Азии ситуация отличается, маркеры «колониальной империи» и «национально-освободительной борьбы» применяются преимущественно к Российской империи, на современную Россию не распространяясь. Советский период оценивается хоть и критически, но с оговорками, признающими его позитивное значение в национальной истории, как в Казахстане и Узбекистане. В Таджикистане советский период оценивается преимущественно положительно, как положивший начало возрождению национальной государственности, в том числе отмечаются и отдельные «развивающие» аспекты имперского периода.

Внутри России значительное число мемориальных конфликтов, связанных с вхождением национальных регионов в состав России, в скрытом виде тоже содержат постколониальную проблематику. Хотя логика «трех периодов угнетения» характеризует только открытые сепаратистские проекты. Можно согласиться с мнением, что проблема конфликта между официальной памятью и региональными «контрмифами» не может быть однозначно решена путем их вытеснения на уровень неформальных практик, поскольку способствует сохранению напряженности в российском обществе (Летняков, 2021, 72). Напротив, решение проблемы видится в работе с памятью национальных сообществ с целью ее освобождения от рамок постколониализма и этноцентризма.

Список литературы

1. Аватков, В.А. (Ред.). (2024). *Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая: реферативный сборник*. Москва: ИНИОН РАН. <https://doi.org/10.31249/rvui/2024>
2. Багдасарян, В.Э. (2018). Становление образа исторического врага в школьных учебниках истории на постсоветском пространстве. В К.А. Пахалюк (Ред.), *Преподавание военной истории в России и за рубежом: сб. статей* (с. 67–86). Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История.
3. Бомсдорф, Ф., Бордюгов, Г. (Ред.). (2009). *Национальные истории на постсоветском пространстве – II*. Москва: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI.
4. Воронович, А.А. (2023). Память на Волге: актуализация прошлого и политика памяти в Поволжье. В А.И. Миллер, О.Ю. Малинова, Д.В. Ефременко (Ред.), *Политика памяти в России – региональное измерение* (с. 267–297). Москва: ИНИОН РАН.
5. Данилов, А.А., Филиппов, А.В. (Ред.). (2009). *Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств*. Москва.
6. Касьянов, Г.В. (2004). «Пикник на обочине»: осмысление имперского прошлого в современной украинской историографии. В И.В. Герасимов, С.В. Глебов, А.П. Каплуновский, М.Б. Могильнер, А.М. Семенов (Ред., сост.), *Новая имперская история постсоветского пространства: сб. статей* (с. 81–108). Казань: Центр Исследований Национализма и Империи. (Б-ка журн. «Ab Imperio»).
7. Касьянов, Г.В. (2019). *Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018*. (Б-ка журн. «Неприкосновенный запас»).
8. Летняков, Д.Э. (2021). Оспариваемое прошлое: к обоснованию плюралистического подхода к исторической памяти. *Дискурс-Пи*, 18(2), 61–76. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_61
9. Манышев, С.Б. (2020). Кавказская война сквозь призму региональных учебников. В К.А. Пахалюк (Ред.), *Преподавание военной истории в России и за рубежом: сб. статей* (Вып. 3, с. 78–89). Москва; Санкт-Петербург: Издат. дом «Рос. военно-ист. о-во»: Нестор-История.
10. Русаков, В.М., Русакова, О.Ф. (2020). Инфраструктура новой политики национальной памяти на постсоветском пространстве. К постановке проблемы. *Дискурс-Пи*, 17(2), 27–47. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10202>
11. Урушадзе, А.Т. (2020). Память полураспада: Кавказская война в этнических коммеморациях и большом нарративе. В А.И. Миллер, Д.В. Ефременко (Ред.), *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография* (с. 250–278). Санкт-Петербург: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге.
12. Уффельманн, Д. (2020). Постколониальная теория как постколониальный национализм. *Новое литературное обозрение*, (1), 85–103.
13. Ферро, М. (1992). *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*. Москва: Высш. шк.

14. Шнирельман, В.А. (2024). *В погоне за предками: Этногенез и политика*. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История.

References

1. Avatkov, V.A. (Ed.). (2024). *Rossiya v uchebnikakh istorii stran Blizhnego i Postsovetskogo Vostoka, Kitaya: referativnyy sbornik* [Russia in history textbooks of the countries of the Middle and Post-Soviet East, China: a collection of abstracts]. Moscow: INION RAN. <https://doi.org/10.31249/rvui/2024>
2. Bagdasaryan, V.E. (2018). Stanovlenie obraza istoricheskogo vruga v shkol'nykh uchebnikakh istorii na postsovetskom prostranstve [Formation of the image of the historical enemy in school history textbooks in the post-Soviet space]. In K.A. Pakhalyuk (Ed.), *Prepodavanie voennoy istorii v Rossii i za rubezhom: sb. statey* (pp. 67–86). Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
3. Bomsdorf, F., & Bordyugov, G. (Eds.). (2009). *Natsional'nye istorii na postsovetskom prostranstve – II* [National histories in the post-Soviet space – II]. Moscow: Fond Fridrikha Naumanna, AIRO-XXI.
4. Danilov, A.A., & Filippov, A.V. (Eds.). (2009). *Osveshchenie obshchey istorii Rossii i narodov postsovetskikh stran v shkol'nykh uchebnikakh istorii novykh nezavisimyykh gosudarstv* [Coverage of the general history of Russia and the peoples of the post-Soviet countries in school textbooks on the history of the new independent states]. Moscow.
5. Ferro, M. (1992). *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* [The use and abuse of history: or how the past is taught]. Moscow: Vyssh. shk.
6. Kasyanov, G.V. (2004). "Piknik na obochine": osmyslenie imperskogo proshlogo v sovremennoy ukrainskoy istoriografii ["Roadside Picnic": Understanding the Imperial Past in Contemporary Ukrainian Historiography]. In I.V. Gerasimov, S.V. Glebov, A.P. Kaplunovskiy, M.B. Mogil'ner, & A.M. Semenov (Eds., comp.), *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: sb. statey* (pp. 81–108). Kazan: Tsentr Issledovaniy Natsionalizma i Imperii.
7. Kasyanov, G.V. (2019). *Ukraina i sosed: istoricheskaya politika. 1987–2018* [Ukraine and its Neighbors: Historical Politics. 1987–2018]. "NLO". (Biblioteka zhurnala "Neprikosnovennyj zapas").
8. Letnyakov, D.E. (2021). Osparivaemoe proshloe: k obosnovaniyu plyuralisticheskogo podkhoda k istoricheskoy pamyati [Contested past: on substantiation of a pluralistic approach to historical memory]. *Diskurs-Pi*, 18(2), 61–76. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_61
9. Manyshchev, S.B. (2020). Kavkazskaya voyna skvoz' prizmu regional'nykh uchebnikov [The Caucasian War through the prism of regional textbooks]. In K.A. Pakhalyuk (Ed.), *Prepodavanie voennoy istorii v Rossii i za rubezhom: sb. statey* (Iss. 3, pp. 78–89). Moscow; St. Petersburg: Izdat. dom "Ros. voenno-ist. o-vo": Nestor-Istoriya.
10. Rusakov, V.M., & Rusakova, O.F. (2020). Infrastruktura novoy politiki natsional'noy pamyati na postsovetskom prostranstve. K postanovke problem [Infrastructure of the new national memory politics in the post-soviet space. To the

statement of a problem]. *Diskurs-Pi*, 17(2), 27–47. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10202>

11. Shnirelman, V.A. (2024). *V pogone za predkami: Etnogenez i politika* [In Pursuit of Ancestors: Ethnogenesis and Politics]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

12. Uffelmann, D. (2020). Postkolonial'naya teoriya kak postkolonial'nyy natsionalizm [Postcolonial theory as post-colonial nationalism]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (1), 85–103.

13. Urushadze, A.T. (2020). Pamyat' poluraspada: Kavkazskaya voyna v etnicheskikh kommemoratsiyakh i bol'shom narrative [Half-Life Memory: The Caucasian War in Ethnic Commemorations and the Grand Narrative]. In A.I. Miller, & D.V. Efremenko (Eds.), *Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Evropy. Aktory, instituty, narrativy: kollektivnaya monografiya* (pp. 250–278). St. Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge.

14. Voronovich, A.A. (2023). Pamyat' na Volge: aktualizatsiya proshlogo i politika pamyati v Povolzh'e [Memory on the Volga: Actualization of the Past and the Politics of Memory in the Volga Region]. In A.I. Miller, O. Yu. Malinova, & D.V. Efremenko (Eds.), *Politika pamyati v Rossii – regional'noe izmerenie* (pp. 267–297). Moscow: INION RAN.

Информация об авторе

Александр Юрьевич Бубнов, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук; доцент факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6594-8407>, e-mail: alexandr-bubnov@mail.ru

Information about the author

Aleksandr Yuryevich Bubnov, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of State Academic University for the Humanities; Associate professor, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6594-8407>, e-mail: alexandr-bubnov@mail.ru

УДК 32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_85

АНТИКОЛОНИАЛЬНЫЙ НАРРАТИВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Владимир Олегович Беклямишев,

Государственный академический университет
гуманитарных наук,
Москва, Россия,
bekliamishov@yandex.ru

*Получена 04.12.2024.**Поступила после рецензирования 05.02.2025.**Принята к публикации 12.02.2025.*

Для цитирования: Беклямишев В.О. Антиколониальный нарратив в современном российском президентском дискурсе: концептуальные основания и прагматические аспекты // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 1. С. 85–103. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_85

Аннотация

Статья посвящена функциональной роли антиколониальной риторики в современном российском президентском дискурсе. На основе выборки текстов с официального сайта Президента Российской Федерации (kremlin.ru), изученных с применением метода качественного контент-анализа, рассматриваются концептуальные основания антиколониального нарратива и устанавливаются логические связи между его ключевыми концептами. Хронологические рамки исследования охватывают период от начала СВО (24 февраля 2022 г.) по настоящее время (1 ноября 2024 г.). Выявленная структура антиколониального нарратива описывается через четыре бинарные оппозиции: «прошлое – будущее», «вестернизация – суверенитет», «меньшинство – большинство» и «иерархичность – равенство». Отмечается, что данный нарратив сочетает заимствования из советского антиколониального дискурса с постсоветскими концептами

© Беклямишев В.О., 2024

«суверенитет», «многополярность» и «цивилизационная идентичность». В отличие от дискурсов «политического постколониализма», распространившихся во многих постсоветских республиках, в российском случае отрицается, что страна когда-либо являлась объектом колониальной политики. Основной посыл заключен в несогласии России с двойными стандартами, практикуемыми бенефициарами текущего мирового порядка, и ее нынешним положением в империалистической иерархической международной системе. Будучи культуроцентричным, российский антиколониальный нарратив адресует оппонентам преимущественно моральную критику, не претендуя на пересмотр международно-правовых основ текущего миропорядка. В свою очередь, функции, выполняемые антиколониальной риторикой в российском президентском дискурсе, могут быть сведены к трем: 1) выстраивание привлекательного образа России в глазах элит ряда стран глобального Юга; 2) обусловленное конфронтацией с Западом стремление скорректировать макрополитическую идентичность собственной страны; 3) нейтрализация угроз со стороны оппонентов, в истории государств которых имели место эпизоды колониального господства и связанные с ними неразрешенные конфликты.

Ключевые слова:

неоколониализм, колониализм, символическая политика, официальный дискурс, антиколониальный нарратив

Источники финансирования:

статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2024-0016, «Нарративы о колониализме и деколонизации в русскоязычном политическом дискурсе: стратегии конструирования и специфика восприятия»).

UDC 32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_85

EXPLORING ANTI-COLONIAL NARRATIVES IN CURRENT DISCOURSE OF THE RUSSIAN PRESIDENT: BETWEEN CONCEPTUALISM AND PRAGMATISM

Vladimir O. Beklyamishev,

The State Academic University for the Humanities,
Moscow, Russia,
bekliamishev@yandex.ru

Received 04.12.2024.

Revised 05.02.2025.

Accepted 12.02.2025.

For citation: Beklyamishev, V.O. (2025). Exploring Anti-Colonial Narratives in Current Discourse of the Russian President: Between Conceptualism and Pragmatism. *Discourse-P*, 22(1), 85–103. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_85

Abstract

The article examines the functions of anti-colonial rhetoric in contemporary discourse of the Russian President. It explores the conceptual foundations of the anti-colonial narrative and establishes logical connections between its key concepts based on the qualitative content analysis of texts sourced from the official website of the President of the Russian Federation (kremlin.ru). The study covers the chronological period from the onset of the Special Military Operation (February 24, 2022) to the date of November 1, 2024. The analysis reveals the structure of the anti-colonial narrative through four binary oppositions, such as “past vs future”, “westernization vs sovereignty”, “minority vs majority”, and “hierarchy vs equality”. The narrative integrates various elements from Soviet anti-colonial discourse with post-Soviet concepts such as “sovereignty”, “multipolarity”, and “civilizational identity”. Unlike “political postcolonialism” discourses prevalent in many post-Soviet countries, the Russian narrative asserts that the country has never been subjected to colonial policies. The central message emphasizes that Russia is not a victim; rather it highlights Russia’s dissatisfaction with the double standards employed by the beneficiaries of the contemporary world order and her position within the hierarchical international system they have established. Centered on cultural themes, the Russian anti-colonial narrative primarily addresses opponents through moral criticism, without claiming to revise the international legal foundations of the existing world order. The functions of anti-colonial rhetoric in the Russian presidential discourse can be categorized into three main areas: first, this rhetoric aims to cultivate an appealing image of Russia among elites in various countries of the Global South; second, it seeks to reshape Russia’s macropolitical identity in response to its confrontation with the West; and third, it aims to undermine opponents, who have experienced colonial domination in their history and continue to struggle with unresolved conflicts related to this legacy.

Keywords:

neocolonialism, colonialism, symbolic politics, official discourse, anticolonial narrative

Funding:

The article was prepared at the State Academic University for the Humanities within the state assignment from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, following the results of the competitive selection of Social Research Expert Institute (EISI) (topic No. FZNF-2024-0016, “Narratives of Colonialism and Decolonization in Russian-Language Political Discourse: Construction Strategies and Specifics of Perception”).

Введение

В последние годы во всем мире наблюдается возрождение интереса к антиколониальной повестке. По замечанию политолога Д.А. Дегтярева, намечается «битва за антиколониальный дискурс, стремление включить в свою универсальную систему путем ассимиляции объективные проблемы и переживания отдельных социальных групп» (Дегтярев, 2024, с. 15). В первую очередь предметом оспаривания становится право отдельных политических акторов применять колониальную оптику для утверждения собственных интерпретаций международно-политической реальности, в то время как академические штудии играют вспомогательную роль, подкрепляя эти притязания или дискредитируя их (Миллер, 2024, с. 70–71).

После распада Советского Союза антиколониальные нарративы оказались вытеснены на периферию российского официального дискурса, однако этот период продлился сравнительно недолго. Упоминания о неоколониализме появились в публичной риторике президента В.В. Путина уже в 2003 г. (в контексте ситуации в Ираке)¹, а после вторжения западной коалиции в Ливию и начала поэтапного возвращения России в Африку стали частью формирования образа страны на данном внешнеполитическом направлении (Япи, 2021). Начало Специальной военной операции ВС РФ на Украине послужило поводом к очередному витку этого символического противостояния, побудив Россию включиться в борьбу за антиколониальный дискурс, в том числе на международных площадках (Labuda, 2024).

С одной стороны, против Москвы, как и прежде, применяется «антиколониальная риторика, которая позволяет проецировать образ России в... постколониальный контекст, обеспечив ей статус периферийного всемирноисторического Иного» (Ионов, 2008, с. 128). С другой стороны, осуществляя выборочное присвоение советских символических ресурсов (Цельковский, 2023), российская политическая элита не может обойти вниманием ни достижения СССР на поприще антиколониальной борьбы, ни ностальгию по ним в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки.

За двухлетний период, с 24 февраля 2022 г. по 1 ноября 2024 г., слово «колониальный» использовалось в текстах на официальном сайте Президента Российской Федерации (kremlin.ru) столько же раз, сколько за предыдущие 20 лет. Одновременно с этим антиколониальный нарратив институционализировался, будучи закрепленным в новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации². По инициативе Минкультуры России «нео-колониальная политика стран англо-саксонского мира» вошла в перечень приоритетных

¹ Выдержки из пресс-конференции по итогам переговоров с Федеральным канцлером ФРГ Герхардом Шредером и Президентом Франции Жаком Шираком (2003, 11 апреля). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21964>

² Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>

тем кинопроизводства на 2023 г.³, а научная проработка тематики «об истории зарождения, развития и о последствиях колониальной политики европейских государств» была поручена Минобрнауки России, Российской академии наук и Российскому историческому обществу⁴.

Впрочем, несмотря на широкую представленность антиколониального нарратива в современном российском официальном дискурсе, предметом глубокой целенаправленной рефлексии он до сих пор не стал. Российские эксперты рассматривают его преимущественно в контексте российско-африканских отношений, констатируя, что применение антиколониальной риторики перспективно ввиду отсутствия «наработанных... дискурсивных моделей по конкретным сферам взаимодействия» (Шишкина и др., 2024, с. 115). В то же время западные авторы, не скрывающие своей ангажированности, выражают обеспокоенность «апроприацией языка» постколониальных исследований «в своих собственных колониальных целях» (Durdiyeva, 2023). Очевидно, что ни тот, ни другой подходы не дают развернутого ответа на вопросы, каковы идейные истоки современного российского антиколониального нарратива, как он соотносится с другими пост-и антиколониальными дискурсами и какие прагматические функции выполняет.

В данном исследовании предпринята попытка восполнить этот пробел. Для этого нами была сформирована выборка из 53 текстов с официального сайта Президента Российской Федерации (kremlin.ru), содержащих упоминания понятий «колониализм» и «неоколониализм». Хронологические рамки охватили период от начала СВО (24 февраля 2022 г.) по настоящее время (1 ноября 2024 г.). На втором этапе был осуществлен контент-анализ неструктурированного текстового материала, позволивший определить ключевые концепты антиколониального нарратива и установить логические связи между ними. Затем все вошедшие в выборку тексты были повторно кодированы с точки зрения их темпоральной направленности и географической привязки. Процедура заключалась в локализации во времени и пространстве социальных явлений, описываемых посредством терминов «(нео) колониализм». Наконец, на третьем этапе была уточнена прагматика антиколониального нарратива, что потребовало привлечения дополнительных материалов с официальных сайтов Совета безопасности Российской Федерации и МИД России.

Структура антиколониального нарратива

Для выявления концептуальных оснований антиколониального нарратива, фрагментарно представленного в публичных выступлениях президента В.В. Путина, была предпринята попытка вычленить и описать структурирующие его бинарные оппозиции. В результате были зафиксированы четыре ключевых

³ Минкультуры России определило приоритетные темы господдержки кинопроизводства в 2023 году (2022, 30 ноября). *Официальный сайт Минкультуры России*. Взято 15 ноября 2024, с https://culture.gov.ru/press/news/minкультуры_rossii_opredelilo_prioritetnye_temy_gospodderzhki_kinoproizvodstva_v_2023_godu/

⁴ Перечень поручений по итогам встречи с историками и представителями традиционных религий России (2022, 11 декабря). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70073>

противопоставления: «прошлое – будущее», «вестернизация – суверенитет», «меньшинство – большинство» и «иерархичность – равенство».

Оппозиция **«прошлое – будущее»** противопоставляет продолжительный период колониального угнетения со стороны стран Запада, перетекающий в современные формы неоколониализма, новому, многополярному миропорядку, который приходит им на смену. Эти желательные изменения осуществляются через конфликт: *«усилия участников БРИКС и других развивающихся стран наталкиваются на ожесточенное сопротивление правящих элит государств так называемого золотого миллиарда»*⁵. При этом эпоха гегемонии Запада уже объявляется завершенной: *«Уродливая, по своей сути неоколониальная международная система прекратила существование»*⁶. Указание на детерминированность отмирания неоколониальных практик, заимствованное из символического арсенала исторического материализма, позволяет приписать элитам стран Запада *«догматизм, груз прошлого, нежелание смотреть правде в глаза»*⁷, а применение когнитивной метафоры «путь» – интерпретировать их политику как *«барьер на пути развития всего человечества»*⁸.

Вторая оппозиция **«вестернизация – суверенитет»** играет важную роль в российском президентском дискурсе на протяжении полутора десятилетий. Теперь же модель либерального глобализма, опирающаяся на унификацию, финансовый и технологический монополизм, интерпретируется еще и как *«неоколониальная по своей сути»*⁹. В свою очередь, политика деколонизации, которую Россия проводит в отношении внешнего мира, описывается как последовательное развитие идеи национального суверенитета: *«Ведь совсем недавно еще мы сами с тревогой думали о том, что мы превращаемся в какую-то полуколонию, мы ничего не можем сделать без наших западных партнеров... стоит им только щелкнуть, и у нас все разваливается. Ан нет, ничего не развалилось, и фундаментальные основы существования российской экономики и самой Российской Федерации оказались гораздо более сильными, чем кто-то об этом думал – даже, может быть, мы сами»*¹⁰. Именно продемонстрирован-

⁵ X Парламентский форум БРИКС (2024, 11 июля). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74528>

⁶ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума (2023, 16 июня). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71445>

⁷ Владимир Путин поздравил сотрудников и ветеранов СВР со столетием нелегальной разведки (2022, 30 июня). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68790>

⁸ Участникам учредительного заседания форума сторонников борьбы с современными практиками неоколониализма «За свободу наций!» (2024, 16 февраля). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/73469>

⁹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» (2023, 5 октября). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695>

¹⁰ Там же.

ная на практике способность противостоять Западу легитимирует право России претендовать на статус полюса альтернативной глобализации: *«чем сплоченнее будет наше общество, тем эффективнее мы сможем отстаивать как наши собственные национальные интересы, так и интересы тех народов, которые стали жертвой западной неоколониальной политики»*¹¹.

Третьей выявленной оппозицией стало противопоставление **«меньшинство – большинство»**. Если противостоят навязываемой извне неоколониальной идеологии *«многие государства Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки», которые «составляют мировое большинство»*¹², то бенефициарами неоколониальной политики, как и в марксистской парадигме, выступают западные элиты, которые *«так же пренебрежительно, по-господски... относятся и к народам своих собственных стран»*¹³. И поскольку они действуют *«во вред долгосрочным интересам собственных народов»*¹⁴, целесообразно разделять *«агрессивный, космополитический»* Запад, выступающий как *«орудие неолиберальных элит»*, и Запад *«традиционных, прежде всего христианских, ценностей, свободы, патриотизма, богатейшей культуры»*, который тоже может стать полюсом многополярного мира¹⁵.

Четвертой, стержневой оппозицией в антиколониальном нарративе служит противопоставление **«иерархия – равенство»**, раскрывающееся на нескольких уровнях. В ряде случаев речь идет о неэквивалентном экономическом обмене между странами «ядра» и «периферии» (в терминологии мир-системного подхода), на что указывают когнитивные метафоры «паук»¹⁶, «вампир»¹⁷ или «пирамида»¹⁸. Так, под определения неоколониальной попадают и денежно-кредитная

¹¹ Совещание с членами Совета Безопасности, Правительства и руководством силовых ведомств (2023, 30 октября). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72618>

¹² Международная парламентская конференция «Россия – Африка в многополярном мире» (2023, 20 марта). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70745>

¹³ Послание Президента Федеральному Собранию (2023, 21 февраля). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565>

¹⁴ X Парламентский форум БРИКС (2024, 11 июля). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74528>

¹⁵ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» (2023, 5 октября). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695>

¹⁶ Совещание с членами Совета Безопасности, Правительства и руководством силовых ведомств (2023, 30 октября). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72618>

¹⁷ Интервью Дмитрию Киселеву (2024, 13 марта). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73648>

¹⁸ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» (2023, 5 октября). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444>

политика США¹⁹, и попытка нерыночного регулирования цен на российские энергоносители²⁰, и насильственное продвижение климатической повестки, продиктованное стремлением вынудить развивающиеся страны попасть в зависимость от западных кредитов²¹.

Помимо этого, выделяются технологическая асимметрия, служащая как объяснением возникновения системы колониализма, так и причиной современной гегемонии Запада²², а также свойственное западным элитам иерархическое восприятие мира: *«За несколько столетий в западнцентричном мире выработались некие клише, стереотипы, своего рода иерархия. Есть развитый мир, прогрессивное человечество и некая универсальная цивилизация, к которой все должны стремиться, а есть отсталые, нецивилизованные народы, варвары... Понятно, что такая оболочка – для грубого колониального подхода, для эксплуатации мирового большинства»*²³.

Противоположный полюс, коллективное «Мы», описывается через понятие «многополярность». В антиколониальном контексте идея многополярности состоит в том, что *«в современном мире не должно быть деления на так называемые цивилизованные страны и все остальные, что необходимо честное партнерство, в принципе отрицающее любую исключительность, тем более агрессивную»*²⁴. Характеризуя страны Запада, президент В.В. Путин обвиняет их в попытке *«подменить систему международного права собственным так называемым порядком, основанным на правилах, которых никто не видел... По сути, это тоже колониализм, только в новой упаковке»*²⁵. Альтернативой же является уважение национального права и совместная выработка международно-правовых норм: *«мы все единодушно выступаем в пользу формирования*

¹⁹ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума (2024, 7 июня). Официальный сайт Президента РФ. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234>

²⁰ Владимир Путин ответил на вопросы журналистов (2022, 22 декабря). Официальный сайт Президента РФ. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70170>

²¹ Пленарное заседание Международного форума «Российская энергетическая неделя» (2024, 26 сентября). Официальный сайт Президента РФ. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75185>

²² Пленарное заседание Форума объединенных культур (2023, 17 ноября). Официальный сайт Президента РФ. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72757>

²³ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» (2024, 7 ноября). Официальный сайт Президента РФ. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521>

²⁴ Послание Президента Федеральному Собранию (2023, 21 февраля). Официальный сайт Президента РФ. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565>

²⁵ Заседание в формате «БРИКС плюс/аутрич» (2023, 24 августа). Официальный сайт Президента РФ. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72096>

многополярного миропорядка, по-настоящему справедливого и основанного на международном праве при соблюдении ключевых принципов Устава ООН»²⁶.

Специфической особенностью российского антиколониального нарратива является наличие цивилизационного измерения, восходящего к более раннему этапу идеологических поисков (Tsugankov, 2016). Многополярный мир, идущий на смену неоколониальной гегемонии, описывается президентом В. В. Путиным, в первую очередь, как «синергия государств-цивилизаций»²⁷. Иными словами, в отличие от советского антиколониального нарратива, стоящего на экономоцентричной марксистской основе, российскому нарративу свойственен культуроцентризм, включая повышенное внимание к попыткам коллективного Запада навязать другим странам «чуждые ценности и культурные традиции»²⁸.

В этой связи возникает серьезное структурное противоречие между тезисом о формальном равенстве государств и концепцией «Русского мира». Как отмечал президент В. В. Путин, некоторым культурам, включая российскую, свойственно «выходить за естественные национальные границы и, преодолевая этническую замкнутость, самим становиться источником для развития других народов и оказывать влияние на их общественное устройство и духовную жизнь»²⁹. Таким образом, обосновывается право России как крупной региональной державы на определенную сферу влияния, отстаивание которой может быть интерпретировано оппонентами как проявление неоколониальной политики. Тем более, что попытка выйти из одной зоны влияния и перейти в другую по понятным причинам обозначается в президентском дискурсе как недобросовестное поведение: «свою цивилизацию, конечно, никому нельзя предавать»³⁰.

Заметим, что на указанную рассогласованность смыслов уже обратили внимание, в том числе, последовательные критики официального российского дискурса. Как отмечают, например, И. А. Калинин и К. О. Смола, «обращение к цивилизационным паттернам и идее Русского мира явно не годится для того, чтобы претендовать на лидерство в глобальном антиколониальном движении» (Калинин, Смола, 2022, с. 259). При этом стоит иметь в виду, что восприятие

²⁶ Заседание лидеров БРИКС в расширенном составе (2023, 23 августа). Официальный сайт Президента РФ. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72089>

²⁷ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» (2023, 5 октября). Официальный сайт Президента РФ. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444>

²⁸ Участникам учредительного заседания форума сторонников борьбы с современными практиками неоколониализма «За свободу наций!» (2024, 16 февраля). Официальный сайт Президента РФ. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/73469>

²⁹ Пленарное заседание Всемирного русского народного собора (2023, 28 ноября). Официальный сайт Президента РФ. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863>

³⁰ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» (2023, 5 октября). Официальный сайт Президента РФ. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444>

российского антиколониального нарратива будет во многом зависеть от историко-географических предпосылок – его продвижение будет успешным по преимуществу «в отдаленных регионах, которые никогда не находились под прямым или косвенным контролем Российской империи или Советского Союза» (Бышок, 2024, с. 24–25).

Таким образом, основным свойством российского антиколониального нарратива является синкретичность, подразумевающая совмещение точечных заимствований из советского антиколониального нарратива с адаптацией более поздних идеологических концептов «суверенитет», «многополярность» и «цивилизационная идентичность». В отличие от дискурсов «политического постколониализма», распространившихся во многих постсоветских республиках (Kudaibergerova, 2016), в российском случае отрицается, что страна когда-либо являлась объектом колониальной политики. Претензия заключена не столько в том, что России был некогда нанесен или в настоящее время наносится ущерб, сколько в несправедливости положения страны в выстроенной коллективным Западом иерархической международной системе.

Добавим, что российский антиколониальный нарратив адресует оппонентам по преимуществу моральную критику, обвиняя их в недобродетельном поведении, но не претендует на пересмотр правового фундамента текущего мирового порядка. «При всей риторике деглобализации речь идет о перестановке внутри существующего мирового порядка, но не об его изменении на принципиально иной основе», – справедливо указывает Л.Г. Фишман (Фишман, 2023, с. 62). Об этом же свидетельствует и структурный конфликт между интернационалистскими интенциями, подспудно присутствующими в антиколониальном нарративе, и характерным для реалистического дискурса крупной региональной державы стремлением закрепить за собой сферу влияния.

Прагматические аспекты антиколониального нарратива

Начало СВО и конфликт с рядом стран Запада во главе с США стали серьезным вызовом для российских элит, потребовавшим ответа в том числе в плоскости символической политики. Одной из возникших в этой связи задач стала мобилизация международной поддержки, а способом ее решения – инструментализация ностальгии в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Как отмечал в этой связи сам президент В.В. Путин, «историческая память у тех народов, с которыми мы дружили, с которыми мы общались, которым часто помогали в их развитии, она у людей сохранилась»³¹.

В период интенсивной «саммитовой дипломатии» в преддверье и в период II Саммита «Россия–Африка» значительное место в президентском дискурсе заняли нарративы об экономической («Советский Союз, Россия никогда не исходили из того, что нужно покупать в Африке только сырье. Сколько Советский Союз построил предприятий, электростанций, сталелитейных

³¹ Пленарное заседание восьмого Восточного экономического форума (2023, 12 сентября). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72259>

заводов в Африке!»)³², политической («Советский Союз оказал народам Африки поддержку в борьбе против колониализма, расизма и апартеида, в становлении государственности, укреплении и защите независимости»)³³ и кадровой («Сотни тысяч африканцев окончили наши вузы, полученные ими знания и профессии – инженеров, экономистов, врачей, юристов и многие другие – принесли и приносят до сих пор практическую пользу африканским государствам»)³⁴ поддержке, оказанной СССР государствам «третьего мира» во второй половине XX в. Подобные отсылки к историческим эпизодам, формирующим представление о России как надежном партнере, сотрудничество с которым приносит выгоду, обеспечивали требуемую атмосферу доверия для обсуждения текущей двухсторонней повестки.

Заметим, что продвижение антиколониального нарратива повлекло за собой изменения и в репертуаре политики памяти. Например, вновь возродилась практика коммеморации интернациональных героев – лидеров антиколониальной борьбы в Африке и Латинской Америке. Здесь можно вспомнить и возвращение Российскому университету дружбы народов имени конголезского политика П. Лумумбы³⁵, и установку в Москве созданного при участии Российского военно-исторического общества памятника кубинскому лидеру Ф. Кастро. Подчеркнем, что память последнего увековечивалась не как лидера дружественной страны, а именно как символа «эпохи национально-освободительных движений, краха колониальной системы и создания новых самостоятельных, независимых государств Латинской Америки и Африки»³⁶.

Учитывая заинтересованность глобального Юга в скорейшем разрешении российско-украинского конфликта, одной из задач российской дипломатии стала интерпретация событий СВО через наиболее доступную третьим странам оптику. Особого внимания в этой связи заслуживает поиск пересечений антиколониального нарратива с другим важным для российского дискурса нарративом, говорящим о борьбе с нацизмом. Как отмечал президент В.В. Путин, борьба с нацизмом велась «для освобождения человечества», также и «борьба Африки против апартеида... направлена на улучшение ситуации в мире в целом»³⁷. Нетривиальными, но при этом соответствующими логике данного дискурса

³² Саммит Россия – Африка (2023, 28 июля). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71826>

³³ Торжественный прием в честь участников второго саммита Россия – Африка (2023, 27 июля). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71824>

³⁴ Там же.

³⁵ МИД РФ: возвращение РУДН имени Патриса Лумумбы послужит укреплению связей России и Африки (2023, 24 марта). *ТАСС*. Взято 15 ноября 2024, с <https://tass.ru/politika/17365097?ysclid=m3x2s5sius159181364>

³⁶ В Москве открыт памятник Фиделю Кастро (2022, 22 ноября). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69914>

³⁷ Саммит Россия – Африка (2023, 28 июля). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71826>

выглядят и планы по установке памятника победе в Великой Отечественной войне на территории Музея африканского освобождения в Зимбабве³⁸.

Смежной дискурсивной стратегией стало переосмысление Второй мировой войны в определенном смысле как антиколониальной. *«Гитлер и его сторонники применили давно известные колониальные практики в центре самой Европы. Нацистская доктрина “жизненного пространства”, лагеря смерти и расовая сегрегация воплотили в себе квинтэссенцию колониализма»*, – подчеркивал директор СВР России С.Е. Нарышкин, выступая на круглом столе, организованном совместно с Китайской академией общественных наук³⁹. Как справедливо отмечал историк А.И. Миллер, «идеи о связи нацистских практик с колониальным опытом были сформулированы давно, но оставались вытеснены на обочину европейского мемориального пространства» (Миллер, 2024, с. 74). В то же время именно они были взяты на вооружение официальным российским дискурсом и превращены в аргументы, в том числе в пользу секьюритизации дискурсивной сферы (*«Сегодня мы видим, как правду о Второй мировой войне пытаются исказить. Она мешает тем, кто привык строить свою, по сути, колониальную политику на лицемерии и лжи»*)⁴⁰.

Еще одной причиной для включения антиколониального нарратива в официальный дискурс стала потребность в выработке новой макрополитической идентичности, прежде всего объясняющей разрыв с Западом. Именно антиколониальная оптика позволяла создавать наиболее удобные объяснительные модели для многих явлений новой геополитической реальности. *«Нам же необходимо доводить до населения факты, подтверждающие антироссийские замыслы Лондона, Вашингтона и их союзников, рассказывать о попытках коллективного Запада разрушить традиционные духовно-нравственные ценности, говорить об истинных причинах санкционного давления. При этом показывать историческую созидательную роль России в мире»*, – пояснял помощник Секретаря Совета безопасности Российской Федерации Н.М. Мухитов⁴¹.

Комбинируя элементы советского политического дискурса, прогрессистского в своей основе, антиколониальный нарратив позволил сравнительно эффективно оппонировать либерально-глобалистскому дискурсу в части оспаривания права на «современность». На протяжении нескольких лет «консервативный поворот» в России интерпретировался как отказ от достижений «современности»,

³⁸ Первый в Африке памятник победе СССР в Великой Отечественной войне откроется в Зимбабве (2024, 1 мая). ТАСС. Взято 15 ноября 2024, с <https://tass.ru/obschestvo/20693081?ysclid=m3ehzcax8c882036099>

³⁹ С. Нарышкин: все больше стран и народов делают выбор в пользу суверенного развития (2023, 13 февраля). *Российское историческое общество*. Взято 15 ноября 2024, с <https://historyrussia.org/sergey-naryshkin/vystupleniya-s-e-naryshkina/s-naryshkin-vs-jobolshe-stran-i-narodov-delayut-vybor-v-polzu-suverennogo-razvitiya.html>

⁴⁰ Парад Победы на Красной площади (2024, 9 мая). *Официальный сайт Президента РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73995>

⁴¹ Совбез: Запад перед выборами будет пытаться раскатать ситуацию в России (2024, 31 января). ТАСС. Взято 15 ноября 2024, с <https://tass.ru/interviews/19853509?ysclid=m3ukjbnw3z945578031>

а его критика осуществлялась либо через осуждение «несовременных» социальных институтов (Иноземцев, 2018), либо с позиций межпоколенческого конфликта (Клещенко, 2021), либо через обвинения в ресентименте (Фишман, 2022). Очевидно, что эта проблема осмыслялась: «Запад пытается дискредитировать процессы суверенизации как архаику и ревизионизм», – констатировал директор Департамента внешнеполитического планирования МИД России А.Ю. Дробинин⁴². Антиколониальный нарратив отчасти снял эту преграду, переводя фокус внимания с декларируемых либеральных ценностей на архаические в своей основе механизмы господства стран «ядра» над странами «периферии», одновременно актуализируя идею «множественной модерности», состоящую в том, что «модерность и вестернизация не идентичны» (Eisenstadt, 2000, p. 2–3).

Не менее важно, что концепция неоколониализма позволяла объяснить текущую международную турбулентность, помещая отдельные конфликты, включая российско-украинский, в более широкую когнитивную рамку. Даже не связанные напрямую действия оппонировавших России сил в разных частях света интерпретировались как попытка сохранения неоколониальной гегемонии: «и за трагедией палестинцев, и за бойней на Ближнем Востоке в целом, за конфликтом на Украине, за многими другими конфликтами в мире – в Афганистане, Ираке, Сирии и так далее – стоят правящие элиты США и их сателлиты»⁴³.

Кроме того, в условиях применения западных антиколониальных нарративов в целях нанесения России невоенного ущерба (Демешко и др., 2024), логично предположить, что российский антиколониальный нарратив был призван выполнять схожую функцию в отношении самих западных государств, в первую очередь США, Франции и Великобритании. Соответствующее давление на них оказывается на различных международных площадках. В частности, 17 октября 2024 г. Четвертый комитет Генассамблеи ООН принял резолюцию «Искоренение колониализма во всех его формах и проявлениях», проект которой был подготовлен странами – членами Группы друзей в защиту Устава ООН. Текст указанного документа предписывает рассмотреть ряд мер, которые будут способствовать «повышению всесторонней осведомленности об истории и последствиях колониализма»⁴⁴. Кроме того, среди тем, периодически поднимаемых российскими дипломатами, есть и проблема статуса самоуправляющихся территорий⁴⁵, и вопрос о потенциальных юридических исках в адрес бывших метрополий,

⁴² Дробинин, А.Ю. (2024, 26 января). Суверенитет для всех. Неоколониализм и наша борьба с ним. МИЦ «Известия». Взято 15 ноября 2024, с https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/borba_s_kolonializmom_i_neokolonializmom/1927777/

⁴³ Совещание с членами Совета Безопасности, Правительства и руководством силовых ведомств (2023, 30 октября). Официальный сайт Президента РФ. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72618>

⁴⁴ О принятии Четвертым комитетом Генассамблеи ООН резолюции «Искоренение колониализма во всех его формах и проявлениях» (2024, 18 октября). Официальный сайт МИД России. Взято 15 ноября 2024, с https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1976698/

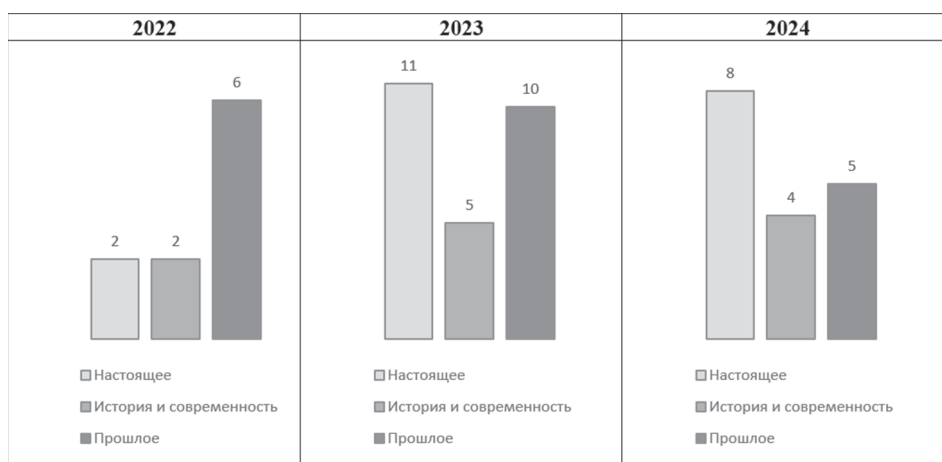
⁴⁵ Захарова, М.В. (2023, 4 августа). Колониальный нажим. МИЦ «Известия». Взято 15 ноября 2024, с https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/borba_s_kolonializmom_i_neokolonializmom/1899642/

для чего даже предлагалось опереться на опыт комиссий правды и справедливости, действовавших в ЮАР, Индонезии и Восточном Тиморе⁴⁶. Другими словами, антиколониальный нарратив позволяет не только мобилизовать поддержку, но и провоцировать напряженность в значимых для России регионах, распыляя тем самым внимание и ресурсы западных дипломатий.

Следует отметить, что прагматика использования антиколониального нарратива в выступлениях президента В.В. Путина со временем менялась. В частности, оценивая динамику упоминаний понятия «(нео) колониализм» можно увидеть, что начиная с 2023 г. фокусировка смещается, во-первых, от исторических примеров к описанию современных неоколониальных практик (Таблица 1), а во-вторых, – от упоминаний отдельных стран, испытывающих колониальный гнет, к глобальным, лишенным географической привязки, обобщениям (Таблица 2). Таким образом, можно предположить, что задача по мобилизации ностальгии для формирования внешнеполитического образа России в глазах стран глобального Юга к этому моменту стала менее приоритетной, чем формирование новой макрополитической идентичности страны, поэтому антиколониальный нарратив начал применяться для символического означивания более широкого спектра международно-политических явлений.

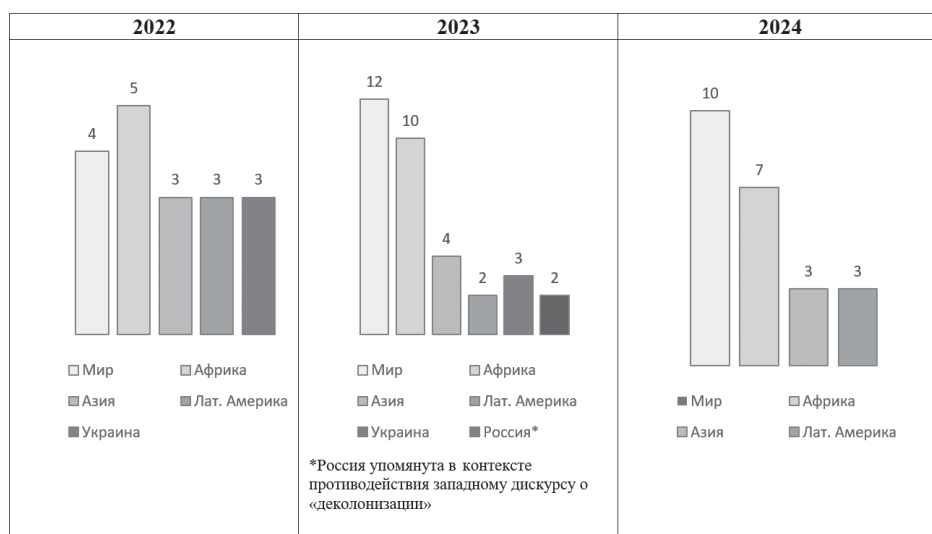
Таблица 1 – Темпоральная направленность текстов о (нео) колониализме

Table 1 – Temporal Perspectives in (Neo) Colonialism

⁴⁶ Выступление Заместителя Председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д.А. Медведева на пленарном заседании XII Петербургского международного юридического форума (2024, 27 июня). *Официальный сайт Совета Безопасности РФ*. Взято 15 ноября 2024, с <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3731/>

Таблица 2 – Упомянутые объекты политики (нео) колониализма
Table 2 – Objects of Focus in (Neo) Colonialism Politics

Заклучение

Проведенное исследование позволило реконструировать структуру анти-колониального нарратива в современном российском президентском дискурсе, которая может быть описана через четыре бинарных оппозиции: «прошлое – будущее», «вестернизация – суверенитет», «меньшинство – большинство» и «иерархичность – равенство». При этом данный нарратив сочетает точечные заимствования из советского антиколониального дискурса и постсоветские идеологические наработки о суверенитете, многополярности и цивилизационной идентичности. В отличие от дискурсов «политического постколониализма», распространившихся на постсоветском пространстве, в российском случае отрицается, что страна когда-либо являлась объектом колониальной политики. Его суть состоит в том, что Россию не устраивают двойные стандарты, практикуемые бенефициарами нынешнего мирового порядка. Будучи культуроцентричным, российский антиколониальный нарратив адресует западным оппонентам по преимуществу моральную критику, но не претендует на пересмотр правовых основ текущего миропорядка. На это также указывает структурный конфликт между интернационалистскими интенциями, подспудно присутствующими в антиколониальном нарративе, и стремлением России закрепить за собой определенную сферу влияния.

В свою очередь функции, выполняемые антиколониальным нарративом в российском президентском дискурсе, могут быть, с той или иной долей условности, сведены к трем. Во-первых, это формирование привлекательного образа России в глазах элит стран глобального Юга, обладающих историческим

опытом сотрудничества с Советским Союзом. Во-вторых, это обусловленная масштабной конфронтацией с Западом попытка скорректировать собственную макрополитическую идентичность, в том числе для мобилизации внутриполитической поддержки. В-третьих, это инструмент предотвращения очередных попыток нанесения ущерба России со стороны ее оппонентов, в государственной истории которых были эпизоды колониального господства и связанные с ними сохраняющиеся вплоть до настоящего времени неразрешенные конфликты.

Список литературы

1. Бышок, С. О. (2024). Международное сообщество спектакля. *Россия в глобальной политике*, 22(3), 19–29. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-3-19-29>
2. Демешко, Н. Э., Мурадов, Г. Л., Ирхин, А. А., Москаленко, О. А. (2024). «Деколонизация» и «деимпериализация»: современная политика Запада в отношении фрагментации России. *Регионоведение*, 32(1), 10–30. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.010-030>
3. Дяттерев, Д. А. (2024). Антиколониализм: эволюция и страновые особенности академического дискурса. В С. Н. Волков и др. (Ред.), *Африка – восходящий центр формирующегося многополярного мира: сб. статей*. Москва: Ин-т Африки РАН.
4. Иноземцев, В. Л. (2018). *Несовременная страна. Россия в мире XXI века*. Москва: Альпина Паблишер.
5. Ионов, И. Н. (2008). Имперский и постколониальный дискурсы в формировании образа России на Западе. *История и современность*, (2), 128–153.
6. Калинин, И., Смола, К. (2022). Империя постколониальных ситуаций: логики (холодной) войны. *Новое литературное обозрение*, (6), 251–272. <https://doi.org/10.53953/08696365-2022-178-6-251>
7. Клещенко, Л. Л. (2021). «Поколенческий разрыв» в дискурсе современных российских либеральных медиа. *Комплексные исследования детства*, 3(1), 23–37. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-23-37>
8. Миллер, А. И. (2024). Устои «глобальной» мемориальной культуры под вопросом. *Россия в глобальной политике*, 22(3), 68–81. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-3-68-81>
9. Фишман, Л. Г. (2022). Речи ни к кому: об эффективности критики российского ресентимента. *Дискурс-Пи*, 19(2), 24–34. <https://doi.org/10.17506/18179568-2022-19-2-24>
10. Фишман, Л. Г. (2023). Обойдемся без миссии. Почему постсоветская номенклатура не может выработать национальную идеологию? *Дискурс-Пи*, 20(2), 52–67. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_52
11. Цельковский, А. А. (2023). Ностальгия по СССР: образы советской эпохи в медийной и политической практике современной России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 23(1), 35–39. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-35-39>

12. Шишкина, А. Р., Файн, Е. Д., Исаев, Л. М. (2024). Дискурс о неоколониализме как элемент внешнеполитической идентичности России в Африке. *Международная аналитика*, 15(1), 103–117. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-103-117>
13. Япи, Ж.Р. (2021). Президент РФ В.В. Путин глазами африканцев: символ антиколониализма и независимости. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*, (3), 54–63.
14. Durdieva, S. (2023, May 29). Not in Our Name: Why Russia Is Not a Decolonial Ally or the Dark Side of Civilizational Communism and Imperialism. *The SAIS Review of International Affairs*. Retrieved October 30, 2024, from: <https://saisreview.sais.jhu.edu/not-in-our-name-why-russia-is-not-a-decolonial-ally-or-the-dark-side-of-civilizational-communism-and-imperialism/>
15. Eisenstadt, S.N. (2000). Multiple Modernities. *Daedalus*, 129(1), 1–29.
16. Kudaibergenova, D.T. (2016). The Use and Abuse of Postcolonial Discourses in Post-Independent Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 68(5), 917–935. <https://doi.org/10.1080/09668136.2016.1194967>
17. Labuda, P. (2024, September 18). *From Genocide to Colonialism: Memory Wars at the United Nations after the 2022 Russian Invasion of Ukraine*. 30 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4929244>. Retrieved October 30, 2024, from: <https://ssrn.com/abstract=4929244>
18. Tsygankov, A.P. (2016). Crafting the State-Civilization: Vladimir Putin's Turn to Distinct Values. *Problems of Post-Communism*, 63(3), 146–158. <https://doi.org/10.1080/10758216.2015.1113884>

References

1. Byshok, S.O. (2024). Mezhdunarodnoe soobshchestvo spektaklya [International “society of the spectacle”]. *Rossiya v global'noy politike*, 22(3), 19–29. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-3-19-29>
2. Demeshko, N.E., Muradov, G.L., Irkhin, A.A., & Moskalenko, O.A. (2024). “Dekolonizatsiya” i “deimperializatsiya”: sovremennaya politika Zapada v otnoshenii fragmentatsii Rossii [“Decolonization” and “Deimperialization”: modern western policy towards fragmentation of Russia]. *Regionologiya*, 32(1), 10–30. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.126.032.202401.010-030>
3. Durdieva, S. (2023, May 29). Not in Our Name: Why Russia Is Not a Decolonial Ally or the Dark Side of Civilizational Communism and Imperialism. *The SAIS Review of International Affairs*. Retrieved October 30, 2024, from: <https://saisreview.sais.jhu.edu/not-in-our-name-why-russia-is-not-a-decolonial-ally-or-the-dark-side-of-civilizational-communism-and-imperialism/>
4. Dyagterev, D.A. (2024). Antikolonializm: evolyutsiya i stranovye osobennosti akademicheskogo diskursa [Anti-colonialism: evolution and country-specific features of academic discourse]. In S.N. Volkov et al. (Eds.), *Afrika – voskhodyashchiy tsentr formiruyushchegosya mnogopolyarnogo mira: sb. statey*. Moscow: In-t Afriki RAN.
5. Eisenstadt, S.N. (2000). Multiple Modernities. *Daedalus*, 129(1), 1–29.

6. Fishman, L.G. (2022). Rechi ni k komu: ob effektivnosti kritiki rossiyskogo resentimenta [Speeches to no one: on the effectiveness of Russian resentment criticism]. *Diskurs-Pi*, 19(2), 24–34. <https://doi.org/10.17506/18179568-2022-19-2-24>
7. Fishman, L.G. (2023). Oboydemsya bez missii. Pochemu postsovetskaya nomenklatura ne mozhet vyrabotat' natsional'nuyu ideologiyu? [We will do without a mission. Why is the post-Soviet nomenclature unable to develop a national ideology?]. *Diskurs-Pi*, 20(2), 52–67. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_2_0_2_52
8. Inozemtsev, V.L. (2018). *Nesovremennaya strana. Rossiya v mire XXI veka* [A non-modern country. Russia in the world of the XXI century]. Moscow: Al'pina Publisher.
9. Ionov, I.N. (2008). Imperskiy i postkolonial'nyy diskursy v formirovanii obraza Rossii na Zapade [Imperial and postcolonial discourses in shaping the image of Russia in the West]. *Istoriya i sovremennost'*, (2), 128–153.
10. Kalinin, I., & Smola, K. (2022). Imperiya postkolonial'nykh situatsiy: logiki (kholodnoy) voyny [The empire of the postcolonial situations: the logic of the (cold) war]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (6), 251–272. <https://doi.org/10.53953/08696365-2022-178-6-251>
11. Kleshchenko, L.L. (2021). “Pokolencheskiy razryv” v diskurse sovremennykh rossiyskikh liberal'nykh media [“Generation gap” in the discourse of liberal media in contemporary Russia]. *Kompleksnye issledovaniya detstva*, 3(1), 23–37. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-23-37>
12. Kudaibergenova, D.T. (2016). The Use and Abuse of Postcolonial Discourses in Post-Independent Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 68(5), 917–935. <https://doi.org/10.1080/09668136.2016.1194967>
13. Labuda, P. (2024, September 18). *From Genocide to Colonialism: Memory Wars at the United Nations after the 2022 Russian Invasion of Ukraine*. 30 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4929244>. Retrieved October 30, 2024, from: <https://ssrn.com/abstract=4929244>
14. Miller, A.I. (2024). Ustoi “global'noy” memorial'noy kul'tury pod voprosom [The foundations of the “global” memorial culture in question]. *Rossiya v global'noy politike*, 22(3), 68–81. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-3-68-81>
15. Shishkina, A.R., Fain, E.D., & Issaev, L.M. (2024). Diskurs o neokolonializme kak element vneshnepoliticheskoy identichnosti Rossii v Afrike [Discourse on neocolonialism as an element of Russia's foreign policy identity in Africa]. *Mezhdunarodnaya analitika*, 15(1), 103–117. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-103-117>
16. Tselykovsky, A.A. (2023). Nostal'giya po SSSR: obrazy sovetskoy epokhi v mediynoy i politicheskoy praktike sovremennoy Rossii [Nostalgia for the USSR: images of the soviet era in the media and political practice of modern Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 23(1), 35–39. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-35-39>
17. Tsygankov, A.P. (2016). Crafting the State-Civilization: Vladimir Putin's Turn to Distinct Values. *Problems of Post-Communism*, 63(3), 146–158. <https://doi.org/10.1080/10758216.2015.1113884>

18. Yapi, J.R. (2021). Prezident RF V.V. Putin glazami afrikantsev: simbol antikolonializma i nezavisimosti [Russian president V.V. Putin through the eyes of Africans: a symbol of anti-colonialism and independence]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3), 54–63.

Информация об авторе

Владимир Олегович Беклямишев, кандидат политических наук, научный сотрудник Научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0528-8704>, e-mail: bekliamishev@yandex.ru

Information about the author

Vladimir Olegovich Bekliamishev, Candidate of Political Sciences, Researcher at the Scientific and Project Department of Scientific and Innovative Directorate, State Academic University of Humanities, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0528-8704>, e-mail: bekliamishev@yandex.ru

УДК 327

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_104

СТРУКТУРНЫЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ ВПЕЧАТЛЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ЦЕРЕМОНИИ ОТКРЫТИЯ ОЛИМПИАДЫ-2024

Ольга Фредовна Русакова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
rusakova_mail@mail.ru

*Получена 26.11.2024.**Поступила после рецензирования 05.02.2025.**Принята к публикации 20.03.2025.*

Для цитирования: Русакова О.Ф. Структурный дискурс-анализ политики впечатлений на примере церемонии открытия Олимпиады-2024 // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 1. С. 104–119. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_104

Аннотация

Под дискурсом политики впечатлений автор статьи подразумевает систему манипулятивных технологий, нацеленную на управление общественным мнением посредством производства и распространения образов искусственной реальности (постреальности), оказывающих сильное эмоциональное воздействие на сознание публики, заставляя ее уверовать в правдивость данных образов. Автор отмечает, что неотъемлемой частью стратегии политики впечатлений, направленной на управление создаваемой ею постреальностью, выступает дискурс постправды, для которого характерна опора на чувственную область массового сознания, а также широкое использование технологий эмоционального воздействия. В статье также рассматривается взаимосвязь дискурса политики впечатлений с дискурсами постжурналистики и постистории. Выделяются основные структурные компоненты и коммуникативные функции дискурса политики впечатлений, связанные с организацией и проведением

© Русакова О.Ф., 2025

массовых политических шоу (спектаклей). Главной целью исследования является рассмотрение основных структурных компонентов дискурса политики впечатлений на примере дискурс-анализа церемонии открытия Олимпиады-2024. Его предметной областью выступили наиболее впечатляющие эпизоды данной церемонии, вызвавшие неоднозначную реакцию публики на их образные планы и ценностный контекст. Автор отмечает, что курс на развитие ценностей гендерного разнообразия, разделяемый организаторами Олимпиады, в итоге спровоцировал публичные скандалы в ходе проведения женских боксерских поединков. В основу исследования положен метод структурного дискурс-анализа, позволяющий выделить основные компоненты дискурса политики впечатлений и их ключевые коммуникативные функции. В выводах высказывается надежда на глобальные ценностные трансформации, которые могут произойти в современной политике, когда доминирующим международным дискурсом станет дискурс многополярного мира.

Ключевые слова:

политика впечатлений, структурный дискурс-анализ, постреальность, постправда, постжурналистика, постистория, церемония открытия Олимпиады-2024, сценарный замысел, ценностная ориентация, квир-культура, гендерное разнообразие, скандалы в женском боксе

Источники финансирования:

исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 24-28-01095, <https://rscf.ru/project/24-28-01095/>

UDC 327

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_104

STRUCTURAL DISCOURSE ANALYSIS OF IMPRESSION MANAGEMENT: A CASE STUDY OF THE 2024 OLYMPIC OPENING CEREMONY

Olga F. Rusakova,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
rusakova_mail@mail.ru

Received 26.11.2024.

Revised 05.02.2025.

Accepted 20.03.2025.

For citation: Rusakova, O.F. (2025). Structural Discourse Analysis of Impression Management: A Case Study of the 2024 Olympic Opening Ceremony. *Discourse-P*, 22(1), 104–119. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_104

Abstract

This article explores the concept of *impression management*, defined as a system of manipulative technologies which aims at shaping public opinion through creation and dissemination of images that represent an artificial reality or post-reality. These images exert a powerful emotional influence on the public consciousness, compelling individuals to accept their authenticity. The author emphasizes that an integral element of impression management is the discourse of *post-truth*, which relies on the sensory experiences of mass consciousness, and employs various emotional impact technologies. The article further investigates the connections between the discourse of *impression management* and the discourses of *post-journalism* and *post-history*. It highlights the primary socio-communicative functions associated with organizing and conducting mass political performances, which facilitates identifying a number of structural components within this discourse. The main objective of this study is to examine these structural components through a discourse analysis of the opening ceremony of the 2024 Olympic Games. The focus is on particularly striking episodes of this event that elicited mixed public reactions regarding their imaginative concepts and underlying values. The author notes that the organizers promotion of gender diversity values led to public controversies during women's boxing matches. Utilizing structural discourse analysis, this article identifies key components of *impression management* and their key communicative functions. In conclusion, the author expresses hope for transformative global values in contemporary politics, anticipating discourses surrounding the multipolar world will emerge as a dominant international discourse.

Keywords:

impression management, structural discourse analysis, post-reality, post-truth, post-journalism, post-history, 2024 Olympic Games Opening Ceremony, scenario design, value orientation, queer-culture, gender diversity, Olympic boxing gender scandal

Funding:

The research was funded by the Russian Science Foundation (RSF) under grant No. 24-28-01095. For more information, please visit <https://rscf.ru/project/24-28-01095/>

Взаимосвязь понятий «политика впечатлений», «постреальность», «постправда», «постжурналистика» и «постистория»

Понятие «политика впечатлений» вошло в научный оборот сравнительно недавно, однако быстро оказалось в центре внимания специалистов в области информационно-коммуникативных технологий, которые поставили его в один смысловой ряд с такими категориями, как «постреальность», «постправда», «постжурналистика» и «постпамять». Если говорить кратко, то под политикой впечатлений подразумевается система медиатехнологий, призванная управлять общественным мнением посредством сконструированных образов искусственной реальности (постреальности), оказывающих сильное эмоциональное воздействие на сознание публики, заставляя ее уверовать в их правдивость (Дмитриев, Евстафьев, 2024)¹. Иначе говоря, политика впечатлений направлена на закрепление и продолжительную поддержку в сознании публики эмоциональных образов постреальности, достигаемых посредством технологий конструирования постправды.

Понятие постправды получило свое концептуальное освещение в целом ряде работ отечественных и зарубежных авторов (Чугров, 2017; Лукьянова, 2017; Баранов, 2018; Рустамова, Барабаш, 2018; Кошкарова, Руженцева, 2019; Грачев, Евстифеев, 2020; Фулер, 2021; Чумиков, 2024 и др.)². Ряд авторов трактуют постправду как разрушение правды (Грачев, Евстифеев, 2020), иные – как правду желаемого, в которой эмоциональное отношение к факту, событию или процессу превалирует над рациональным отношением (Дмитриев, Евстафьев, 2024, с. 120).

Как политический феномен постправда опирается не на эмпирически доказанный материал, а на желаемую, наиболее благоприятную и регулярно подтверждаемую оценку реальности. В итоге в конкуренции политических акторов, ответственных за формирование той или иной картины мира, побеждает вовсе не тот, кто ближе других оказался к истинному знанию, а тот, кто имеет больше медиаресурсов, чем остальные, чтобы навязать публике собственную интерпретацию фактов и событий.

Происходящий в последнее десятилетие на Западе процесс масштабирования постправды и постреальности приводит к росту настроений враждебности и конфронтационности по отношению к России как у рядовых граждан, так и у представителей политической элиты. Все это обуславливает использование западными институтами дискриминационных практик в отношении когда-то признанных во всем мире достижений русской культуры, советско-российского спорта, к отрицанию мировой значимости военного искусства России и ее боевых побед. Именно широким распространением атмосферы политической постреальности в странах Запада можно в значительной степени объяснить

¹ См. также: Лукьянов, Ф. (2024, 24 августа). Политика впечатлений. Колонка редактора. *Россия в глобальной политике*. 24.08.2024. Взято 11 сентября 2024, с <https://globalaffairs.ru/articles/politika-vpechatlenij/?ysclid=m19etp6mry702940521>

² См. также: Красовская, Н. (2020, 12 февраля). Жизнь в эпоху постправды. *Pravda.ru*. Взято 11 сентября 2024, с https://www.pravda.ru/science/1473851-feik_seti/

происхождение многочисленных обвинений России во вмешательстве в систему выборов в разных государствах, в организации разного рода провокаций и террористических актов. Благодаря созданию ситуации политической постреальности в странах Запада широкое хождение получили следующие мемы: «во всем виновата Россия», «цивилизованный мир против агрессивной России».

В этой связи считаем необходимым дать собственное определение политической постреальности как определенного социокультурного и технологического продукта политики впечатлений. С нашей точки зрения, политическая постреальность – это *искусственно сформированное представление о действительности, сконструированное посредством применения медиатехнологий постправды, рассматриваемых в качестве развернутой системы политических установок и практик, поведенческих и ценностных ориентиров, чувственных и смысловых образов, активно внедряемых в сознание массового потребителя в целях управления его политическими впечатлениями и предпочтениями.*

Следует также отметить, что технологии постправды и постреальности объединяет их общая опора на доминирующую в массовом политическом сознании эмоциональную компоненту, отличную от рационального начала, основанного на логике доказательств и аргументации. Целенаправленное воздействие при помощи применения технологий постправды и постреальности на эмоциональную сферу мировосприятия позволяет сформировать востребованные определенными властными институтами и социальными группами образы «добра» и «зла», создавать искусственные модели национальной, этнической, гендерной и иных форм идентичностей, отличающихся гораздо более высокой степенью убедительности и смысловой значимостью для массовой публики, чем правдивые образы и факты реальной жизни.

Технологии постправды и постреальности оказывают сильное эмоциональное воздействие на ожидания определенных социальных, культурных и политических групп, представляя собой «конкуренцию неполных знаний», оценок, формулировок, функционирующих в медиаполе.

Близкими к понятиям «постправда» и «постреальность» по своей концептуально-смысловой и медиатехнологической оснащенности относятся такие категории, как «постжурналистика» и «постистория». Авторы работ по постжурналистике (Короченский, 2019; Дзялошинский, 2023 и др.) выделяют следующие ее характерные черты: 1) апелляцию к эмоциям аудитории, в результате чего формируются медийные образы и мифы, имеющие мало общего с реальностью, образуется ситуация постправды, поскольку обращение к эмоциям способно оказывать более сильное воздействие, чем ссылка на объективные факты; 2) нацеленность преимущественно на потребление визуальной информации, что усиливает клиповость мышления публики; 3) гедонизацию медиа-контента через гипертрофированное увлечение доли развлекательности в содержании; 4) геймификацию массмедиа, связанную с приоритетом игрового начала над функцией информирования и т. п. В настоящее время постжурналистика активно обслуживает деятельность политических элит по управлению общественным мнением, занимаясь распространением выдуманных образов, мифологизированных идей и фейковых новостей.

В современном мире существует множество фабрик по продвижению продуктов постжурналистики, связанных с распространением фейковых (ложных) новостей, занимающих важное место в организации и проведении информационно-психологической войны. К примеру, созданный на Украине в начале проведения Специальной военной операции (СВО) благотворительный фонд *SafeUA*, занимается проведением информационной войны против России путем создания специального медиа-контента, нацеленного на распространение в странах Евросоюза новостных фейков с целью вызывать у населения Европы устойчивое чувство ненависти к россиянам, оправдывать применение санкций против России, а в отношении россиян – демонстрировать так называемую правду, которую, якобы, скрывает от них российская пропаганда³. Заметим, что до недавнего времени для либерально настроенных групп россиян в роли авторитетных рупоров правды выступали такие известные медиа-каналы, как «Радио Свободная Европа/Радио Свободы» (медиакорпорация РСЕ/РС) и «Голос Америки»⁴, ставшие главными проводниками борьбы Запада с коммунистической идеологией в эпоху «холодной войны», а после ее окончания выступившие в качестве пропагандистов антироссийских взглядов. Другими словами, данные медиа-источники можно считать подлинным воплощением постжурналистского дискурса. Недавно по указу Президента США Д. Трампа было прекращено их федеральное финансирование в связи с обвинениями в распространении «радикальной пропаганды», в нарушении журналистских стандартов, в коррупции, в контенте, направленном против Республиканской партии и Трампа⁵. В частности, указывалось, что радиостанция «Голос Америки» занималась распространением фейков о вмешательстве России в избирательную кампанию Трампа, а также разжигала скандал вокруг ноутбука Хантера Байдена, чтобы обвинить в обнародовании его контента все ту же Россию⁶.

Введенное в научный оборот несколько лет тому назад понятия «постпамять» (Hirsh, 2012; Русакова, Русаков, 2019) во многом связано с современными трансформациями, происходящими в исторической памяти в ряде стран Европы, которые привели к интенсификации процесса замены прежних авторитетных исторических дискурсов, характерных для биполярной эпохи, на новые, часто противоположные по смыслу и значению. Результатом этих перемен стало появление в современной исследовательской практике концепта и дискурса постпамяти, включающего в свою внутреннюю структуру базовые черты дискурса постправды.

В настоящее время под категорией «постпамять» понимаются сложные процессы запечатления и воспроизводства в общественной памяти и в массовом

³ *SafeUA – главная информация* (2022, 26 февраля). Взято 19 марта 2025, с <https://telegra.ph/SafeUa---glavnaya-informaciya-02-26?ysclid=m8df42jgro747401036>

⁴ Признаны Минюстом РФ иноагентами.

⁵ Левин, В. (2025, 16 марта). *Их закрыли – нам не жалко: почему «Голос Америки»* и «Радио Свобода»* вывели из эфира*. Взято 19 марта 2025, с <https://dzen.ru/a/Z9bLT4QnBwBkyFKj?ysclid=m8d98z7u32251420417>

⁶ Дональд Трамп заглушил «Голос Америки». Комментарий Георгия Бовта (2025, 17 марта). Взято 19 марта 2025, с <https://dzen.ru/a/Z9fFtoIHBg7W8ABu?ysclid=m8e31evtiq872629429>

историческом сознании эмоционально-напряженных и травмирующих психику страшных событий прошлого, связанных с непереносимыми страданиями их участников. При этом ситуация переживания саспенса (от англ. *suspense* – неизвестность, неопределенность) достигается посредством использования медийных форм (документального кинематографа, исторических видеофильмов и т. п.), музейных мемориальных экспозиций, посещений культовых мест памяти, участия в коммеморативных практиках и др.

В рамках учения о постпамяти сложилось такое исследовательское направление как *trauma studies* (исследования травмы), где под травмой понимается психологический и физический ущерб, нанесенный оккупационными войсками гражданам разных государств Европы в годы Второй мировой войны. Первоначально речь велась главным образом о травмах Холокоста как следствия политики геноцида, проводимой нацистской Германией в отношении евреев. Однако впоследствии под психологическими и физическими травмами западные исследователи и действующие политики стали понимать ущерб, нанесенный населению Европы в годы так называемой советской оккупации. Другими словами, жители Европы объявлялись жертвами двойной оккупации, а следовательно, и дважды травмированными нацистским и советским политическими режимами.

Закрепление в европейском политическом сознании данной стратегической установки привело к созданию на территории ряда европейских государств *музеев советской оккупации, к войнам с памятниками*, поставленных в честь советских воинов и полководцев, участвовавших в освобождении Европы от германского нацизма. Эти процессы стали следствием *дискурсивной революции*, произошедшей в современной Европе после распада советского социалистического блока. В итоге данного переворота памятники освободителям Европы превратились в памятники ее оккупантам, а гитлеровский и советский политические режимы в новой системе ценностей объявлялись в одинаковой степени преступными и стали называться общим термином – «тоталитарные режимы».

Если кратко сформулировать суть дискурса постпамяти, то ее можно обозначить как способ конструирования альтернативной истории посредством применения технологии разделения участников исторических событий на две категории: нацию-преступника и нацию-жертвы.

В итоге в странах ЕС за последние 30 лет сложился новый политический уклад, где доминирующим дискурсом стал дискурс постреальности, содержащий в качестве своего важного компонента дискурс постпамяти. Легитимным закреплением общеевропейского дискурса постреальности и постпамяти стала Резолюция Европейского Парламента «О важности европейской памяти для будущего Европы» от 19 сентября 2019 г., в которой осуждались преступления как нацистского, так и советского тоталитарных режимов, якобы одинаково виновных в развязывании Второй мировой войны, в нанесении непоправимого ущерба народам Европы⁷. В данной Резолюции, в частности, говорилось,

⁷ *European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe* (2019/2819 (RSP) (2019, September 19). Retrieved 19 November, 2024, from https://en.wikipedia.org/wiki/European_Parliament_resolution_of_19_September_2019_on_the_importance_of_European_remembrance_for_the_future_of_Europe

что Европарламент «глубоко обеспокоен попытками нынешнего российского руководства исказить исторические факты и обелить преступления, совершенные советским тоталитарным режимом, и считает их опасным компонентом информационной войны, развязанной против демократической Европы, которая направлена на раскол Европы, и поэтому призывает комиссию решительно противодействовать этим усилиям»⁸.

В отмеченном фрагменте выделяются следующие компоненты дискурса постпамяти, сконструированного официальными институтами Европейского Союза, а именно: положение о якобы бесспорном тоталитарном характере советского оккупационного режима, установленного в странах Европы после окончания Второй мировой войны; обвинение современного российского руководства в сознательном искажении исторических фактов в целях оправдания преступлений советского политического режима; обвинение России в развязывании против европейских демократий информационной войны, направленной на раскол Европы.

С критикой данной резолюции выступали многие российские историки, политологи и государственные деятели, включая президента страны В.В. Путина. Вот что он писал относительно смыслового значения вступления Красной Армии на территорию Европы в 1944–1945 гг.: «К середине 1944 года враг был изгнан практически со всей советской территории. Но его нужно было добить до конца в своем логове. И Красная Армия начала освободительную миссию в Европе. Спасла от уничтожения и порабощения, от ужаса Холокоста целые народы. Спасла ценой сотен тысяч жизней советских солдат⁹. Другими словами, главная историческая миссия советских вооруженных сил заключалась не в оккупации Европы, а в ее освобождении и спасении от гитлеровского режима. Цена победы советского народа оказалась несравнимо выше, чем у всех союзниках СССР в этой войне, вместе взятых. СССР потерял каждого седьмого из граждан своей страны, в то время как Великобритания – одного из 127, а США – одного из 320 человек. При этом во время освобождения стран Европы Советский Союз потерял более 1 млн 49 тыс. военнослужащих¹⁰. Такова огромная цена, которую пришлось заплатить Советской Армии за освобождение стран Европы от гитлеровского нацизма.

Структурные компоненты дискурса политики впечатлений

Следует отметить, что дискурс политики впечатлений хотя и строится с учетом доминанты у массовой аудитории чувственных образов над рационально-выводным знанием, тем не менее не обязательно ориентирован исключи-

⁸ Ibid.

⁹ «Российская газета» публикует статью президента РФ Владимира Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» (2020, 19 июня). Взято 19 ноября 2024, с https://www.itv.ru/news/2020-06-19/387989-rossiyskaya_gazeta_publicuet_statyu_vladimira_putina_75_let_velikoy_pobedy_obschaya_otvetstvennost_pered_istoriei_i_buduschim?ysclid=m8oqacehon415785035

¹⁰ Сколько советских солдат погибло за освобождение Европы от фашизма (2024). Пикабу. Взято 25 декабря 2024, с https://pikabu.ru/story/skolko_sovetskikh_soldat_pogiblo_za_osvobozhdenie_evropy_ot_fashizma_10759080?ysclid=m8puy45dv1301638066

тельно на создание деструктивных иллюзорных образов реальности. Дискурсы политики впечатлений могут преследовать вполне безобидные цели, к примеру: создание благоприятного имиджа тому или иному объекту, персонажу, событию; формирование репутационного капитала для государственного или гражданского института; популяризация и продвижение бизнес-проекта, театрализованного представления или шоу (спектакля).

Важно подчеркнуть, что в структурном плане дискурс политики впечатлений полностью совпадает с дискурсом шоу-политики (Русакова, 2009). Но если основным девизом дискурса шоу-политики выступает тезис «Развлекай и властвуй!», то девизом дискурса впечатлений может стать фраза «Впечатляй и властвуй!». Это в первую очередь означает установление власти агентов коммуникации над общественным мнением потребителей политического спектакля или шоу (Дебор, 2000).

В сфере политики можно встретить самые разнообразные форматы политических шоу или спектаклей, впечатляющих своими визуальными и звуковыми эффектами, символической костюмированностью и слаженностью действий их участников. Таковыми, к примеру, являются съезды и иные публичные акции политических партий в ряде западных стран. К политическим шоу можно отнести разнообразные государственные праздники с их обязательными ритуалами. Отдельным жанром политических шоу выступают организованные массовые гражданские протесты, марши солидарности и т. п.

Структуру дискурса впечатлений, связанную с организацией и проведением массовых политических спектаклей, можно представить в виде ряда параметров или планов, выполняющих определенные функции. К таковым мы относим: 1) интенциональный план; 2) перформативный план; 3) ценностный план; 4) контекстуальный план; 5) психологический план; 5) «осадочный» план (Русакова, 2018, с. 237–240; Русакова, Русаков, 2011, с. 113–169).

Под *интенциональным планом* дискурса политики впечатлений, представленного в форме шоу, нами подразумеваются: 1) сценарные замыслы и стратегии политического шоу, предполагающие разбивку их на конкретные действия и мизансцены; 2) разработка плана ресурсного обеспечения шоу в целом и его отдельных мизансцен; 3) моделирование адресной аудитории и возможных конфликтных ситуаций (Русакова, Русаков, 2011, с. 113–118). Реализация интенционального плана предполагает выполнение следующих социо-коммуникативных функций дискурса политики впечатлений: а) выработка концепции, сценарного плана и продвигаемых спектаклем базовых ценностных ориентиров; б) разработка способов и технологий разворачивания разыгрываемого шоу (event-making); в) разработка способов вовлечения публики в игровое пространство шоу; г) привлечение к участию в событийном спектакле знаменитостей и шоу-звезд; д) разработка технологий и ярких акций, способных очаровать, удивить и даже шокировать публику, вызвать у нее острую ответную реакцию.

Перформативный план дискурса политики впечатлений включает следующие его структурные компоненты, сопровождающие практическое выполнение властно-коммуникативных функций шоу: 1) презентация необычного зачина, содержащего интригу (функция привлечения внимания аудитории); 2) использование ярких, разнообразных и необычных образов, парадоксально соединенных друг с другом

(функция вызывания у публики интереса к театрализованному представлению); 3) использование элементов юмора, сатиры и пародии (функция, направленная на вызов коммуникативной интеракции); 4) выходящее за рамки традиционности исполнительское искусство участников шоу (функция вызова в сознании публики эффекта когнитивного диссонанса и коммуникативного шока).

Ценностный план дискурса политики впечатлений предполагает включение организаторами шоу механизмов внушения публике идеи об огромной значимости для развития современной культуры определенной системы ценностных ориентаций. При этом в качестве основных коммуникаторов и носителей предлагаемой системы ценностей выступают запоминающиеся образы его героев и действующих лиц, взятые в единстве со всем комплексом постановочных средств.

Контекстуальный план дискурса политики впечатлений содержит в качестве своих структурных компонентов контексты следующего характера: пространственно-временной контекст (время и выбранные локации для осуществления сценарных замыслов шоу); природный контекст, связанный с особенностями природной среды, в рамках которой осуществляется реализация сценарного замысла.

Психологический план дискурса политики впечатлений связан с трансляцией эмоционально заряженных сцен и образов разыгрываемого спектакля, что предполагает производство определенного эмоционально-чувственного эффекта в сознании публики.

«*Осадочный*» план дискурса политики впечатлений включает всю систему откликов по поводу транслируемого шоу, получивших отражение в традиционных и цифровых медиа (Русакова, 2018, с. 239).

В целом, реализация структурно-функциональных компонентов дискурса политики впечатлений предполагает выделение некой суммы черт, характерной для дискурса указанного плана. К ним мы относим: 1) *перформативность* (исполнение под запланированные стратегические компоненты и сценарные планы шоу его основных постановочных элементов); 2) *медиативность* (использование мультимедийных технологий в целях популяризации конкретных форм дискурса впечатлений); 3) *репрезентативность* (демонстрация инновационных и креативных моментов в постановке шоу-спектакля); 4) *интерактивность* (вовлечение публики в театрализованное шоу с выработкой у нее ответной реакции); 5) *манипулятивность* (включение механизмов ненавязчивого управления мнением публики с целью выработки у нее заранее заданных ценностных ориентаций); 6) *развлекательность* (применение развлекающих публику приемов и технологий); 7) *зрелищность* (использование визуально-чувственных манипулятивных приемов); 8) *карнавальность* (участие в шоу костюмированных актеров и одетого в театральные одежды технического персонала); 9) *гедонистичность* (установка на получение публикой удовольствий разного свойства – визуально-акустического, кинетического, когнитивного, потребительского и др.); 10) *звездность* (активное привлечение к участию в мизансценах представителей селебритиз, знаменитостей из разных культурных кругов).

Выделенные нами структурные компоненты и базовые черты дискурса политики впечатлений относятся к любым политическим шоу, в том числе – к спортивным праздникам и представлениям (Bryant et al., 1982; Сергеев и др., 2023).

Рассмотрим далее в контексте проведенного структурного анализа дискурса политики впечатлений церемонию открытия Парижской Олимпиады-2024. Сразу заметим, что все структурные компоненты (планы) дискурса политики впечатлений получили свое достаточно полное отражение в процессе проведения указанной церемонии открытия Парижской Олимпиады: интенциональный план – в ее оригинальных сценарных замыслах; перформативный план – в постановке и презентации разнообразных мизансцен; ценностный план – в пропагандируемой организаторами церемонии системе ценностных ориентаций; контекстуальный – в погружении театрализованных действий в конкретные темпоральные рамки и пространственные локации, а также – в характеристиках природного ландшафта Парижа (достаточно вспомнить об уровне загрязнения Сены, в которой предполагалось проводить заплывы участников спортивных соревнований); психологический план связан с производимыми на публику эмоциональными эффектами; «осадочный» план – с многочисленными откликами и скандалами по поводу увиденного во время данной церемонии.

Дискурс-анализ церемонии открытия Олимпиады-2024

Дискурс-анализ церемонии открытия Олимпиады-2024 предполагает фиксацию внимания прежде всего на ее концептуальных и коммуникативных элементах, а также на конкретных перформансах, связанных с реализацией данного замысла.

Отметим, что общая концепция церемонии открытия была разработана французскими деятелями культуры – режиссером Томасом Джолли (Thomas Jolly) и креативным директором шоу-программ Тьерри Ребулем (Thierry Rebout). Следует также сказать, что над реализацией данной концепции и сценарного плана трудился большой творческий коллектив, состоящий из многочисленных продюсеров, режиссеров, медиа-редакторов, создателей цифровых визуальных эффектов, хореографов, модельеров, музыкантов, художников, актеров, вспомогательного персонала (визажистов, парикмахеров, музейных работников, дизайнеров, рестораторов, инженеров, транспортников и др.).

Согласно концептуальному замыслу, церемония открытия должна была репрезентировать преимущественно инновационную молодежную культуру Франции и выражать собой общий креативный дух представляемых в ходе церемонии тематических блоков и мизансцен. Разработчики церемонии решили отказаться от создания классической и романтизированной версии исторических образов страны, ее главных военно-политических, культурных и спортивных побед и достижений. Своей центральной задачей они сделали процесс конструирования в духе постмодернистской эклектики целой серии образов и мизансцен, говорящих публике о новейших мировоззренческих трендах и современных способах мировосприятия. Руководствуясь указанными установками, создатели сценарного плана церемонии открытия включили в его концептуальную ткань идеи квир-культуры, новой гендерной идентичности, феминистские и транс-сексуальные мотивы, идеи постхристианства и оккультных верований. В итоге в церемонии презентации возобладали знаково-символические образы квир-культуры, что особенно ярко проявилось в ряде эпизодов, вызвавших у публики

неоднозначную реакцию (стоит заметить, что сам Томас Джолли открыто разделяет ценности квир-культуры и совместно проживает со своим партнером, тоже Томом). Речь идет о нашумевшей мизансцене, представляющей квир-пародию на известное полотно Леонардо да Винчи под названием «Тайная вечеря». Дадим ей краткое описание: перед зрителями предстала группа лиц, изображающая учеников Христа, но состоящая в основном из переодетых в женские одежды мужчин в стиле драг-квин. Среди «учеников Христа» также были бородатая женщина и маленькая девочка, а в роли самого Христа выступала крупная дама, одетая в синее платье с глубоким декольте. На ее голове сиял нимб с лучами, на ушах были большие наушники. На переднем плане в образе греческого бога Диониса выступал почти полностью обнаженный и окрашенный в голубой цвет мужчина (роль Диониса сыграл французский актер и певец Филипп Катерин). Под его пение «ученики Христа» начали двигаться в такт, а в конце шоу изображали позы, напоминающие поцелуи. Сразу отметим, что представленный микс из постхристианских идей и символики квир-культуры вызвал негативные отклики у ряда известных политических и культурных деятелей в разных странах¹¹.

Другим скандальным эпизодом на церемонии открытия Олимпиады стал зловещий образ одного из всадников, представшего перед публикой одетым в металлические доспехи, который на протяжении 15 минут скачет на железном коне по Сене с Олимпийским флагом на спине. Этот образ напомнил некоторым зрителям одного из всадников Апокалипсиса, восседавшего на «бледном коне», имя которому – Смерть¹². Кроме того, данный эпизод у определенной части современной молодежи ассоциируется с пропагандой культа смерти и тьмы, поскольку отсылает аудиторию к многосерийному японскому аниме «Потомки тьмы». Кстати, один из тематических разделов церемонии открытия так и назывался – «Тьма».

Символом Смерти, но уже выстроенном в контексте революционной истории Франции, стало музыкальное шоу, представленное в форме соединения тяжелого рока с эпатажным образом обезглавленной королевы Франции Марии Антуанетты. В данном эпизоде французская королева под аккомпанемент популярной металл-группы *Gojira* исполняет гимн страны, начиная его словами «Все будет хорошо!». Это фраза была призвана подчеркнуть общий иронический стиль разыгрываемого шоу, цель которого – снижение трагического пафоса всей сцены¹³.

В целом, можно считать, что церемония открытия Олимпиады-2024, рассматриваемая с позиций дискурс-анализа политики впечатлений, вполне достигла своих стратегических целей, а также стала примером полномасштабного

¹¹ Фомина, А., Мясумова, А. (2024, 27 июля). Бородатая женщина, голый мужчина, ребенок: «Тайная вечеря» на открытии Олимпиады вызвала скандал. *Газета.Ru*. Взято 12 августа 2024, с <https://www.gazeta.ru/sport/2024/07/27/19465507.shtml?ysclid=m8syk4vaub512367890>

¹² Маршал, С. (2024, 27 июля). *Олимпиада 2024: Всадник на бледном коне пробежал!* Взято 11 сентября 2024, с <https://author.today/post/529970?ysclid=m1dk47hbl0769363449>

¹³ *Обезглавленная Мария-Антуанетта – еще один символ открытия Парижа-2024. Это номер под метал!* (2024, 27 июля). Взято 11 сентября 2024, с <https://dzen.ru/a/ZqUScyMaR2FxxxA5>

воплощения задаваемого концептуального замысла. По данному поводу президент Франции Эмманюэль Макрон с гордостью сказал: «Об этом будут говорить и через 100 лет! Мы сделали это!»¹⁴.

Отметим, что дискурс церемонии открытия Парижской Олимпиады наглядно продемонстрировал истинные политические, культурные и спортивные приоритеты современного руководства Франции, ее элитных кругов, заставив общественность бурно обсуждать предъявленную миру систему ценностей гендерного разнообразия и постхристианства.

К сказанному добавим, что продемонстрированный во время церемонии открытия Олимпиады курс на поощрение гендерного разнообразия вылился в итоге в ряд скандалов, связанных с участием мужчин, идентифицирующих себя в качестве женщин, в боксерских женских поединках. В частности, негативный общественный резонанс вызвала победа «представительницы» Алжира Иман Хелиф в бою с итальянкой Анджелой Карини. Поединок завершился на 46-й секунде после сильнейшего удара, нанесенного итальянке от Иман Хелиф, в результате чего та отказалась продолжать бой¹⁵.

Смеем надеяться, что в скором времени может произойти смена ценностных приоритетов в общемировом спортивном дискурсе. Данную надежду отчасти питают недавно сделанные Президентом США Дональдом Трампом публичные заявления во время его обращения к Конгрессу страны: «...Я подписал указ, по которому официальная политика правительства США заключается в следующем: есть лишь два пола – мужской и женский. А еще я подписал запрет мужчинам соревноваться в женских видах спорта. <...> ...взгляните, что произошло в женском боксе, тяжелой атлетике, легкой атлетике, плавании или велоспорте – где мужчина недавно закончил гонку на длинную дистанцию на пять часов и 14 минут раньше женщин и установил новый рекорд, побив прежний на целых пять часов. Это унижительно для женщин, и это очень плохо для нашей страны. Мы не намерены с этим мириться»¹⁶.

Еще одним лучиком надежды на возможную смену ценностных ориентиров в международной спортивной политике можно считать произошедшую недавно смену руководства МОК (Международного Олимпийского Комитета). Данные перемены трактуются нами как символические знаки грядущих ценностных трансформаций, благодаря которым в недалеком будущем в качестве доминантного мирового дискурса сможет предстать дискурс многополярного мира, опирающийся на принципы суверенитета, равноправия, диалога, свободы, недискриминационности, на традиционные ценности.

¹⁴ Президент Франции Макрон выступил с заявлением после открытия Олимпиады (2024, 27 июля). Взято 12 августа 2024, с <https://www.liveresult.ru/news/Olimpiyskie-igry/232264-Prezident-Frantsii-Makron-vystupil-s-zayavleniem-posle-otkrytiya-Olimpiady>

¹⁵ Боксер-трансгендер победила на Олимпиаде за 46 секунд. Соперница прервала бой и ушла с ринга. Взято 12 августа 2024, с <https://sport.rambler.ru/mma/53191327-bokser-transgender-pobedila-na-olimpiade-za-46-sekund-sopernitsa-prervala-boy-i-ushla-s-ringa/?ysclid=m8syudz935967428455>

¹⁶ Полная стенограмма речи президента Трампа в Конгрессе. Взято 18 марта 2025, с <https://inosmi.ru/20250305/tramp-272082349.html?ysclid=m7x5eewpyg78201859>

Список литературы

1. Баранов, Н. А. (2018). Мягкая сила в условиях постправды. *Социально-политические исследования*, (1), 20–30.
2. Грачев, М. Н., Евстифеев, Р. В. (2020). «Постправда» как проявление «разрушения» правды: новый вектор политико-коммуникационных исследований. В А. Д. Кривоносов (Ред.), *Современные СМИ и медиарынок* (Вып. 2, с. 28–36). Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ.
3. Дебор, Г. (2000). *Общество спектакля*. Москва: Логос.
4. Дзялошинский, И. М. (2023). Журналистика, постжурналистика, паражурналистика: кто формирует контент массмедиа. *International Journal of Media and Communications in Central Asia*, (3), 72–100. <https://doi.org/10.62499/ijmcc.vi3.39>
5. Дмитриев, О. А., Евстафьев, Д. Г. (2024). От постправды к постреальности. *Россия в глобальной политике*, 22(4), 110–121. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-110-121>
6. Короченский, А. П. (2019). Постжурналистика: сущность, признаки, социальные эффекты. *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика*, (1), 6–12.
7. Кошкарова, Н. Н., Руженцева, Н. Б. (2019). На пути к правде, ведущем ко лжи: феномен постправды в современной политической коммуникации. *Политическая лингвистика*, (1), 50–56. <https://doi.org/10.26170/pl19-01-05>
8. Лукьянова, Г. В. (2017). Медиа технологии конструирования постправды. В О. В. Попова (Ред.), *Политика постправды и популизм в современном мире: сб. материалов по итогам Всерос. науч. – практ. конф., 22–23 сент. 2017 г.* (с. 132–133). Санкт-Петербург: Скифия-принт.
9. Русакова, О. Ф. (2009). Шоу-политика: особенности дискурса. *Социум и власть*, (4), 36–39.
10. Русакова, О. Ф. (2018). Политический медиадискурс: опыт структурного анализа. В О. А. Трубина (Ред.), *Взаимодействие языков и культур: материалы Междунар. науч. конф., 28–30 мая 2018 г. (Т. 1, с. 238–240)*. Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ.
11. Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. (2011). *PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ*. (2-е изд., испр. и доп.) Екатеринбург: УрО РАН: Издат. дом «Дискурс-Пи».
12. Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. (2019). Дискурс постправды как медиатехнология политики постпамяти. *Дискурс-Пи*, (2), 10–27. <https://doi.org/10.17506/dipi.2019.35.2.1027>
13. Рустамова, Л. Р., Барабаш, Б. А. (2018). Информационное воздействие в эпоху «постправды» и «фейк-ньюс». *Вопросы политологии*, 8(5), 23–30.
14. Сергеев, С. А., Бондарева, Е. П., Чистякова, Г. В. (2023). Виды и жанры зрелищных представлений спортивного дискурса. *Политическая лингвистика*, (4), 172–183.
15. Фулер, С. (2021). *Постправда. Знание как борьба за власть*. Москва: Издат. дом Высш. шк. экономики.
16. Чугров, С. В. (2017). Post-truth: трансформация политической реальности

или саморазрушение либеральной демократии? *Полис. Политические исследования*, (2), 42–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>

17. Чумиков, А.Н. (2024). Иррациональная взаимосвязь фактов и смыслов в современных медиа. *Коммуникология*, 12(2), 13–24. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-2-13-24>

18. Bryant, J., Brown, D., Comisky, P.W., & Zillmann, D. (1982). Sports and Spectators: Commentary and Appreciation. *Journal of Communication*, 32(1), 109–119. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1982.tb00482.x>

19. Hirsch, M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. New York: Columbia Univ. Press.

References

1. Baranov, N.A. (2018). Myagkaya sila v usloviyakh postpravdy [Soft power in the conditions of post-truth]. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya*, (1), 20–30.

2. Bryant, J., Brown, D., Comisky, P.W., & Zillmann, D. (1982). Sports and Spectators: Commentary and Appreciation. *Journal of Communication*, 32(1), 109–119. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1982.tb00482.x>

3. Chugrov, S.V. (2017). Post-truth: transformatsiya politicheskoy real'nosti ili samorazrushenie liberal'noy demokratii? [Post-truth: transformation of political reality or self-destruction of liberal democracy?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (2), 42–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>

4. Chumikov, A.N. (2024). Irratsional'naya vzaimosvyaz' faktov i smyslov v sovremennykh media [The irrational relationship between facts and meanings in modern media]. *Kommunikologiya*, 12(2), 13–24. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-2-13-24>

5. Debord, G. (2000). *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle]. Moscow: Logos.

6. Dmitriev, O.A., & Yevstafiev, D.G. (2024). Ot postpravdy k postreal'nosti [From post-truth to post-reality]. *Rossiya v global'noy politike*, 22(4), 110–121. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-4-110-121>

7. Dzialoshinskii, I.M. (2023). Zhurnalistska, postzhurnalistska, parazhurnalistska: kto formiruet kontent massmedia [Journalism, post-journalism, para-journalism: who forms mass media content]. *International Journal of Media and Communications in Central Asia*, (3), 72–100. <https://doi.org/10.62499/ijmcc.vi3.39>

8. Fuler, S. (2021). *Postpravda. Znanie kak bor'ba za vlast'* [The post-truth. Knowledge as a struggle for power]. Moscow: Izdat. dom Vyssh. shk. ekonomiki.

9. Grachev, M.N., & Evstifeev, R.V. (2020). “Postpravda” kak proyavlenie “razrusheniya” pravdy: novyy vektor politiko-kommunikatsionnykh issledovaniy [“Post-truth” as a manifestation of the “destruction” of truth: a new vector of political and communication research]. In A.D. Krivonosov (Ed.), *Sovremennye SMI i mediarynok* (Iss. 2, pp. 28–36). St. Petersburg: Izd-vo SPbGEU.

10. Hirsch, M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. New York: Columbia Univ. Press.

11. Korochensky, A.P. (2019). Postzhurnalistska: sushchnost', priznaki,

sotsial'nye efekty [Postjournalism: essence, signs, social effects]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Zhurnalistika. Pedagogika*, (1), 6–12.

12. Koshkarova, N.N., & Ruzhentseva, N.B. (2019). Na puti k pravde, vedushchem ko lzhi: fenomen postpravdy v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Forth to truth and back to hoax: post-truth in modern political communication]. *Politicheskaya lingvistika*, (1), 50–56. <https://doi.org/10.26170/pl19-01-05>

13. Lukyanova, G.V. (2017). Mediatekhnologii konstruirovaniya postpravdy [Media technologies for constructing post-truth]. In O.V. Popova (Ed.), *Politika postpravdy i populizm v sovremennom mire: sb. materialov po itogam Vseros. nauch. – prakt. konf.*, 22–23 sent. 2017 g. (pp. 132–133). St. Petersburg: Skifiya-print.

14. Rusakova, O.F. (2009). Shou-politika: osobennosti diskursa [Show-politics: features of the discourse]. *Sotsium i vlast'*, (4), 36–39.

15. Rusakova, O.F. (2018). Politicheskii mediadiskurs: opyt strukturnogo analiza [Political media discourse: the experience of structural analysis]. In O.A. Trubina (Ed.), *Vzaimodeystvie yazykov i kul'tur: materialy Mezhdunar. nauch. konf.*, 28–30 maya 2018 g. (Vol. 1, pp. 238–240). Chelyabinsk: Izdat. tsentr YuUrGU.

16. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2011). *PR-Diskurs: Teoretiko-metodologicheskii analiz*. [PR-Discourse: Theoretical and methodological analysis (2nd ed., rev., augm.)]. Ekaterinburg: UrO RAN: Izdat. dom “Diskurs-Pi”.

17. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2019). Diskurs postpravdy kak mediatekhnologiya politiki postpamyati [Post-truth discourse as a media technology of the politics of postmemory]. *Diskurs-Pi*, (2), 10–27. <https://doi.org/10.17506/dipi.2019.35.2.1027>

18. Rustamova, L.R., & Barabash, B.A. (2018). Informatsionnoe vozdeystvie v epokhu “postpravdy” i “feyk-n'yus” [Information impact in the era of “post-truth” and “fake news”]. *Voprosy politologii*, 8(5), 23–30.

19. Sergeev, S.A., Bondareva, E.P., & Chistyakova, G.V. (2023). Vidy i zhanry zrelishchnykh predstavleniy sportivnogo diskursa [Types and genres of spectacular performances of sports discourse]. *Politicheskaya lingvistika*, (4), 172–183.

Информация об авторе

Ольга Фредовна Русакова, Заслуженный деятель науки РФ, доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Information about the author

Olga Fredovna Rusakova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

КАТЕГОРИЯ «МНОГОПОЛЯРНОСТЬ» В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ РОССИИ, КИТАЯ И ИНДИИ

Станислав Александрович Мальченков,

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева,
Саранск, Россия,
stamal@yandex.ru

Получена 20.09.2024.

Поступила после рецензирования 22.11.2024.

Принята к публикации 03.02.2025.

Для цитирования: Мальченков С.А. Категория «многополярность» в концептуальных документах России, Китая и Индии // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 1. С. 120–137. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_120

Аннотация

Цель исследования состоит в выявлении сходства и различия семантического содержания понятия «многополярность» в концептуальных документах, определяющих основные направления внешней политики Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Республики Индия. В работе были использованы контент-анализ, сравнительный анализ, а также проблемно-хронологический метод. Эмпирической базой исследования выступили различные редакции Концепции внешней политики РФ, Стратегии национальной безопасности РФ, Белой книги национальной обороны Китая, а также Ежегодные отчеты Министерства иностранных дел Индии. По итогам исследования выявлены этапы становления и развития категории «многополярность» в официальном политическом дискурсе крупнейших стран мира. Проведенный анализ показал, что акцентированное обращение к идее многополярного мира связано со стремлением России, Индии и Китая преодолеть сложные условия кризиса системы международных отношений первых десятилетий XXI в. Выявлено, что, хотя три страны во многих аспектах понимают значимость

© Мальченков С.А., 2025

построения многополярного мира одинаково, тем не менее, имеется ряд различий в определении отдельных параметров этой категории. Наиболее заметные из этих различий связаны со сравнительной оценкой важности геополитического и экономического содержания многополярности, а также с пониманием роли стран Запада в ее становлении и развитии. В статье сделан вывод о том, что в каждом из рассматриваемых государств был накоплен существенный вклад в раскрытие смысла многополярности, однако наиболее полно ее содержательные элементы выявлены в концептуальных документах Российской Федерации. Полученные в рамках данного исследования результаты призваны преодолеть расхождения в трактовке важнейшего понятия современных международных отношений и тем самым создать условия для сближения позиций России и ее ключевых партнеров.

Ключевые слова:

многополярность, внешняя политика, национальная безопасность, оборона, международные отношения, Россия, Китай, Индия, БРИКС

UDC 327.33

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_120

THE CONCEPT OF MULTIPOLARITY IN THE STRATEGIC DOCUMENTS OF RUSSIA, CHINA, AND INDIA

Stanislav A. Malchenkov,

National Research Ogarev
Mordovia State University,
Saransk, Russia,
stamal@yandex.ru

Received 20.09.2024.

Revised 22.11.2024.

Accepted 03.02.2025.

For citation: Malchenkov, S.A. (2025). The Concept of Multipolarity in the Strategic Documents of Russia, China, and India. *Discourse-P*, 22(1), 120–137. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_120

Abstract

The study aims to identify similarities and differences in the semantic content of the *multipolarity* concept as presented in the strategic documents that outline the foreign policy directions of the Russian Federation, the People's Republic of China, and the

Republic of India. The research employs content analysis, comparative analysis, and a chronological approach. The empirical basis consists of various editions of the Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation, the National Security Strategy of the Russian Federation, China's Defense White Paper, and the Annual Reports from India's Ministry of External Affairs. The study identifies the stages in the formation and development of the *multipolarity* concept within the official political discourse of these major global powers. The analysis reveals that the heightened emphasis on a multipolar world is linked to Russia, India and China's efforts to navigate the challenging conditions arising from crisis in international relations during the early 21st century. While these three countries largely agree on the significance of establishing a multipolar world, notable differences exist in their definitions of its specific parameters. The most significant discrepancies pertain to their comparative assessments of geopolitical and economic aspects of *multipolarity*, along with their perceptions regarding the role of Western countries in its formation and evolution. The article concludes that each state has contributed to elucidating the meaning of *multipolarity*; however, its substantive elements are most comprehensively articulated in Russia's strategic and conceptual documents. The findings aim to bridge differences in interpreting this crucial concept within modern international relations, thereby, fostering alignment between Russia and her key partners.

Keywords:

Multipolarity, foreign policy, national security, defense, international relations, Russia, China, India, BRICS

Введение

Актуальность исследования многополярности в третьем десятилетии XXI в. напрямую связана с масштабными тектоническими сдвигами в системе международных отношений, которые происходят в настоящее время. Постепенное, но неуклонное сокращение тенденций доминирования западных государств в глобальном экономическом и военно-политическом пространстве сопровождается одновременным усилением позиций России, Китая, Индии и ряда других стран. Подобные процессы существенным образом меняют само восприятие категории «многополярность», которая на первых порах оценивалась рядом авторов как маргинальный конструкт, инструмент внешнеполитического влияния государств, осуществляющих догоняющую модернизацию. Однако в международных реалиях 2020-х гг. многополярный мир воспринимается уже не как утопичный проект, а как наиболее вероятный контур дальнейшего развития системы международных отношений.

В то же время представляется, что констатировать завершение процесса построения многополярного мира в текущем периоде преждевременно. Несмотря на значительное число разнообразных международных встреч, саммитов, конгрессов и научных конференций под брендом многополярного мира, все еще сохраняются ощутимые разночтения в понимании самой сущности этого явления,

которые характерны в том числе и для государств, находящихся в авангарде продвижения идеи многополярности.

Цель данной статьи состоит в выявлении сходства и различия семантического содержания понятия «многополярность» в концептуальных документах, определяющих основные направления внешней политики Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Республики Индия.

Методологическую базу исследования составили подходы и концепции значительного числа отечественных и зарубежных ученых. Еще до появления термина «многополярность» идея мировой системы с числом центров силы, большим, чем два, было затронуто рядом классиков теории международных отношений (в частности, Г. Моргентау). Подлинный расцвет концепции многополярности как в общественно-политическом, так и в научном дискурсе парадоксальным образом наступил в период 1990-х гг., когда доминирование США и стран Запада в международных отношениях казалось абсолютным и долговременным. Отдельные черты многополярного видения можно найти в статье С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (опубликована в 1993 г. и через три года расширена до одноименной книги). Однако заслуга непосредственного использования выражения *concept of multipolarity* принадлежит Г. Киссинджеру в своем известнейшем труде «Дипломатия» (Kissinger, 1994). Впрочем, по его мнению, появление после окончания «холодной войны» новых глобальных держав не помешает США сохранить положение *primus inter pares*.

В тот же период параллельными курсами в китайском политическом дискурсе начинает развиваться понятие «доцзихуа», которое тогдашний лидер КНР Цзян Цзэминь возводил к концептуальным принципам внешней политики Мао Цзэдуна. В отечественной же науке и политической практике несомненное право первопроходца принадлежит Е. М. Примакову, который еще в 1996 г. опубликовал во многом пророческую работу «На горизонте – многополюсный мир» (Примаков, 1996).

В современной научной литературе на русском, английском, китайском и других языках число публикаций, посвященных проблемам становления многополярного мира, весьма велико. Ряд исследователей (Подоль, 2003; De Keersmaeker, 2017; Агаркова, 2022; Крадин, 2023) сосредотачиваются в своих работах на выявлении дискурсивного содержания термина «многополярность» в социально-философском и историческом контекстах. Значительная часть работ обращается к экономическим факторам и тенденциям многополярности: А. Н. Елецкий (Елецкий, 2015), Э. Кобылко (Kobylo, 2021), Р. Гуттман (Guttman, 2022) ставят на первое место именно геоэкономические аспекты падения Pax Americana и становления многополярного капитализма. В то же время научный подход, согласно которому развитие многополярности в первую очередь связано с геополитическими факторами, развивается не менее активно: заметные работы в данной методологической парадигме были созданы Сунь Цзянь и Сюэ Нянвэнь (Jian, Nianwen, 2017), К. Е. Атмали (Атмали, 2021), а также группой авторов из Германского института глобальных и региональных исследований (Chu et al., 2024).

Применительно к тематике данной статьи важное значение имеют те публикации, которые напрямую обращаются к проблеме трактовки понятия

«многополярность» в зарубежных странах. Китайское видение многополярности и механизмы реализации этой концепции во внешней политике КНР рассмотрены в исследованиях В.Я. Портякова (Портяков, 2013), Р. Сильвиуса (Silvius, 2019), Д.А. Дегтерева и Г.В. Тимашева (Degterev, Timashev, 2020), Т.Л. Дейча (Дейч, 2023). Существенно менее изученными остаются на данный момент подходы к многополярности, свойственные руководству Индии. Отдельные аспекты данной темы отражены в публикациях Н. Капура (Kapur, 2023) и Ш. Ядав (Yadav, 2024). В целом, наблюдается нехватка исследований, которые были бы ориентированы на сопоставление подходов к многополярности в разных странах. Частично закрыть эту лауну призвана данная статья.

Наиболее значимым методологическим инструментом, позволяющим сопоставить понимание многополярности в России, Индии и Китае, несомненно, является компаративистский подход. При этом сама идея восприятия своего государства как одного из центров мира напрямую связана с категорией «локальная цивилизация», поэтому применение цивилизационного подхода в данной работе позволило расширить понимание сущности многополярности как явления. Обращение к проблемно-хронологическому методу дало возможность выявить этапы и тенденции становления взглядов на сущность многополярного мира в разных странах.

Ключевым прикладным методом данного исследования является направленный контент-анализ (в форме как количественной, так и качественной его разновидностей). Применение сервиса Istio позволило выявить упоминание категории «многополярность» и ее производных в обширном корпусе концептуальных документов, а также проследить колебания частотности этих упоминаний в разные периоды времени. Основу эмпирической базы исследования составили выходившие в период 2000–2023 гг. различные версии таких документов, как Концепция внешней политики Российской Федерации, Концепция (позднее – Стратегия) национальной безопасности Российской Федерации, Белая книга национальной обороны Китая, Ежегодные отчеты Министерства иностранных дел Индии. В качестве дополнительных источников привлекались отдельные интервью В.В. Путина, Цзян Цзэминя, Си Цзиньпина, М. Сингха и Н. Модии, которые можно оценивать как примеры политико-идеологических документов.

Результаты исследования

Анализ представленности категории «многополярность» в концептуальных документах Российской Федерации. Обращаясь к изучению внешнеполитических принципов России в первые годы после распада СССР, отметим, что в весьма подробных и развернутых Основных положениях концепции внешней политики Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. понятие «многополярность» ни разу не упоминается. Впрочем, это неудивительно, поскольку в тот период данный термин только внедрялся в научный и политический дискурс. В документе осторожно прописаны тенденции полицентризма в международных отношениях. Однако гораздо чаще в тексте встречаются позиции о том, что интересы «ведущей группы промышленно раз-

витых государств Запада», которая «быстро наращивает свою экономическую и финансовую мощь, политическое влияние в мире», в некоторых аспектах совпадают с целями демократической России.

В 1996 г. министерство иностранных дел возглавил Е.М. Примаков, который, как отмечалось выше, является одним из пионеров использования категории «многополярность» не только в России, но и в мире в целом. Не случайно в Концепции национальной безопасности Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. термин «многополярность» и его производные упоминаются четырежды. В документе отмечается, что «в настоящее время положение на международной арене характеризуется прежде всего усилением тенденций к формированию многополярного мира», хотя подчеркивается, что становление такого мира будет продолжительным. При этом за два года до знаменитого разворота самолета на Атлантикой прозорливо указывается, что угрозой безопасности для нашей страны являются «попытки других государств противодействовать укреплению России как одного из влиятельных центров формирующегося многополярного мира»¹.

Концептуальные документы 2000 г. принимались уже в период руководства страной В.В. Путиным. При этом Е.М. Примаков больше не занимал ведущих постов во главе страны, однако внешнеполитическое ведомство в тот момент возглавлял его ученик И.С. Иванов, поэтому категория «многополярность» сохранилась в новых документах. В Концепции национальной безопасности Российской Федерации от 10 января 2000 г. о ней говорится трижды. В частности, подчеркивается, что «Россия будет способствовать формированию идеологии становления многополярного мира». Положения относительно национальных интересов в этом тексте во многом повторяют положения 1997 г., поэтому вновь провозглашена позиция России как «одного из центров влияния в многополярном мире»².

Схожие положения содержатся в принятой 28 июня того же года Концепции внешней политики Российской Федерации. В документе указано, что «Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов»³.

Следующий этап формирования концептуальных документов внешней политики России связан с периодом 2008–2010 гг., когда во главе нашего государства находился Д.А. Медведев, а Министерство иностранных дел уже продолжительное время возглавлял С.В. Лавров. Этот период, известный как «эпоха перезагрузки», характеризуется кратковременным улучшением отношений с США и странами Запада на фоне совместного преодоления последствий мирового экономического кризиса. В Концепции национальной безопасности

¹ Концепция национальной безопасности Российской Федерации (1997, 17 декабря). Взято 26 апреля 2024, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782>

² Концепция национальной безопасности Российской Федерации (2000, 10 января). Взято 26 апреля 2024, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14927>

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (2000, 28 июня). Взято 26 апреля 2024, с <https://docs.cntd.ru/document/901764263>

Российской Федерации от 12 июля 2008 г. «нарождающаяся многополярность» упоминается лишь вскользь как одна из фундаментальных тенденций современного развития⁴.

Более подробно эта тема затронута в принятой 12 мая 2009 г. «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», где о многополярности сказано в трех фрагментах текста. В документе подчеркнута необходимость «отстаивания национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений». Также в перечне национальных интересов на долгосрочную перспективу указано «превращение Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира»⁵.

Казалось, что без упоминания многополярности мироустройства уже невозможно представить себе текст концептуальных документов нашей страны. Тем более удивительным представляется тот факт, что после этого на протяжении 13 лет рассматриваемая в данной работе категория ни разу не появлялась в новых версиях документов: без нее обошлись Концепции внешней политики 2013 и 2016 гг., а также Стратегии национальной безопасности 2015 и 2021 гг. Вероятно, такое положение дел объяснялось в большей степени прикладным, а не стратегическим характером данных документов, большинство из которых принимались как реакция на начавшееся в 2014 г. открытое противостояние со странами Запада.

В тоже время в 2018–2020 гг. риторика руководства страны меняется в сторону усиления восприятия России как особой цивилизации (Мальченков, 2022, с. 63). Возрастает внимание к идее формирования и расширения контуров «Русского мира» как уникальной трансграничной общности людей. Органическим продолжением этой темы, на наш взгляд, становится подчеркивание статуса Российской Федерации как одного из центров многополярного мира. Понятие «многополярность» возвращается в отечественный официальный дискурс в условиях Специальной военной операции, когда потребовался резкий пересмотр приоритетов внешней политики. Обращаясь к участникам X Петербургского международного юридического форума 30 июня 2022 г., В.В. Путин заявил: «Многополярная система международных отношений активно формируется. Этот процесс необратим, он происходит на наших глазах и носит объективный характер»⁶.

Высказывания руководителя страны во многом предвосхитили содержание действующей редакции Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г., в которой слова «многополярность» и «многополярный»

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (2008, 12 июля). Взято 27 апреля 2024, с <http://www.kremlin.ru/acts/news/785>

⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (2009, 12 мая). Взято 27 апреля 2024, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/29277>

⁶ Путин, В.В. (2022, 30 июня). Обращение к участникам X Петербургского международного юридического форума. Взято 2 мая 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68785>

упоминаются беспрецедентно часто (11 раз), являясь своеобразным рефреном всего документа. В «Общих положениях» отмечено, что Россия «выступает в качестве одного из суверенных центров мирового развития и выполняет исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы»⁷.

В качестве первого из приоритетных направлений внешней политики Российской Федерации в Концепции 2023 г. выделено «Формирование справедливого и устойчивого мироустройства». Оно подразумевает, что «система международных отношений должна быть многополярной». Далее подробно прописаны принципы многополярности. Среди них наибольшее значение имеет признания равенства стран и запрет на вмешательство во внутренние дела друг друга. Отдельно подчеркиваются отрицание гегемонистских стремлений и необходимость строить отношения на основе международного права. Именно эта часть документа представляется наиболее важной, так как устанавливает развернутое понимание сущности категории «многополярность».

Кроме того, в Концепции 2023 г. многополярность упоминается в контексте фактора, способствующего дружеским отношениям со странами Исламского мира и Африки. Что же касается взаимосвязей со странами Запада, то они из числа некогда ведущих региональных приоритетов переместились в своеобразный «подвал» документа. Впрочем, тут же подчеркивается, что Россия рассчитывает на восстановление отношений, когда западные государства «примут во внимание сложные реалии многополярного мира»⁸.

В дальнейшем тема многополярности остается в фокусе внимания российского руководства. В своем выступлении в августе 2023 г., В.В. Путин назвал страны Запада «непримиримыми противниками формирования многополярного мира, сторонниками которого являются государства БРИКС»⁹. В октябре того же года в интервью китайским СМИ Президент РФ заявил: «Права и свободы одной страны и одного народа заканчиваются там, где появляются права и свободы другого человека или целого государства. Вот так постепенно и должен рождаться многополярный мир»¹⁰.

Анализ представленности категории «многополярность» в концептуальных документах Китайской Народной Республики. Именно Китай можно назвать государством, впервые внедрившим понятие «многополярность» в свой официальный внешнеполитический дискурс. Заметная роль в этом принадлежит Председателю КНР Цзян Цзэминю, который еще в 1992 г. заявил о вступлении мира «в период развития многополярности» (доцзихуа, 多级划). В 1995 г. китайский руководитель констатировал, что «современный мир идет к многополярной структуре», а два года спустя отметил уже «ускоренное раз-

⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации (2023, 31 марта). Взято 2 мая 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811>

⁸ Там же.

⁹ Путин назвал сторонников и противников многополярного мира (2023, 24 августа). Взято 2 мая 2024, с <https://www.rbc.ru/politics/24/08/2023/64e720cd9a7947f165377a24>

¹⁰ Путин, В.В. (2023, 16 октября). Интервью Медиакооперации Китая. Взято 2 мая 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72508>

вите тенденции многополярности... как в сфере политики, так и в экономике» (Портяков, 2013, с. 86). Цзян Цзэминь полагал, что идею многополярности должны разделять все государства планеты. В итоге реализация принципа «доцзихуа» подразумевает «постепенное и зигзагообразное» движение в сторону нового международного порядка¹¹.

В качестве основного концептуального документа КНР по вопросам внешней политики, несомненно, стоит рассматривать Белую книгу национальной обороны, которая выпускается с 1995 г. Впрочем, в первой версии, а также в варианте 1998 г. многополярность не упоминалась ни разу. Однако в Белой книге 2000 г. интересующее нас понятие появляется уже в первом абзаце текста: «Тенденция к многополярности и экономической глобализации набирает силу, а ситуация в области международной безопасности в целом продолжает иметь тенденцию к смягчению»¹². Спустя два года мир сплотился в борьбе с международным терроризмом. После событий 11 сентября 2001 г. китайская Белая книга 2002 г. дает уже не такую позитивную оценку, как прежде: «Международная ситуация претерпевает глубокие изменения, поскольку мир вступил в новый век. Многополярность мира и экономическая глобализация развиваются на фоне перипетий»¹³.

В 2004 г. творец принципа многополярности Цзян Цзэминь покидает свой пост. Его сменяет Ху Цзиньтао, которого часто оценивают как более «прозападного» руководителя. Можно согласиться с мнением В. Я. Портякова, который полагает, что «в 2000-е гг. пропаганда многополярности мира в Китае несколько приглушается», при этом «термин в официальных документах встречается, но скорее ритуально, без особого развития и пояснения». Белая книга 2006 г. констатирует, что «общая обстановка международной безопасности остается стабильной». Документ обращает внимание на некоторый дисбаланс в международных отношениях, однако резюмирует: «Мир и безопасность во всем мире таят в себе больше возможностей, чем проблем. Мир находится на критическом этапе, двигаясь к многополярности»¹⁴. В Белой книге, выпущенной в январе 2009 г., «ритуальность» упоминания «доцзихуа» достигает своего пика во всего одном коротком предложении, которое явно

¹¹ Цзян Цзэминь. (2002). *Реформа, развитие, стабильность. Статьи и выступления*. Москва: О-во дружбы и сотрудничества с зарубежными странами. С. 302.

¹² *China's Defense White Paper* (2000, October 16). Retrieved May 4, 2024, from http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2019/07/China-Defense-White-Paper_2000_English.pdf

¹³ *China's Defense White Paper* (2002, December 9). Retrieved May 4, 2024, from http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2019/07/China-Defense-White-Paper_2002_English-Chinese_Annotated.pdf

¹⁴ *China's Defense White Paper* (2006, December 29). Retrieved May 4, 2024, from http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2019/07/China-Defense-White-Paper_2006_English-Chinese_Annotated.pdf

¹⁵ *China's Defense White Paper* (2009, January 20). Retrieved May 4, 2024, from http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2019/07/China-Defense-White-Paper_2008_English-Chinese.pdf

ставит (на фоне мирового кризиса) на первое место именно экономическую, а не геополитическую составляющую: «Экономическая глобализация и многополярность мира набирают обороты»¹⁵.

В документе, опубликованном в марте 2011 г. (в период правления Ху Цзиньтао), «многополярность» впервые упомянута больше одного раза. Отмечается, что «движение к экономической глобализации и многополярному миру необратимо», однако на фоне событий Арабской весны и других потрясений рубежа десятилетий подчеркнуто, что «угрозы безопасности становятся все более интегрированными, сложными и нестабильными». Несмотря на это, делается вывод о «растущем международном статусе и влиянии развивающихся стран», благодаря чему «перспективы мировой многополярности становятся все яснее»¹⁶.

С 2012 г. пост Председателя КНР занимает Си Цзиньпин, вся дальнейшая деятельность которого на международной арене напрямую связана с укреплением позиций страны как одного из мировых центров силы. Первый раздел Белой книги национальной обороны 2013 г. обосновано носит название «Новая ситуация, новые вызовы и новые миссии». Документ исходит из того, что «тенденции к экономической глобализации и многополярности усиливаются, культурное разнообразие увеличивается, быстро формируется информационное общество», а «международная ситуация в целом остается мирной и стабильной». Однако отмечается, что «мир все еще далек от спокойствия», поскольку «есть признаки усиления гегемонизма, силовой политики и неоинтервенционизма»¹⁷.

Белая книга 2015 г. увидела свет уже после начала конфронтации России и Запада, а также на фоне нарастания деструктивной активности мирового терроризма. Однако в новом документе эти факторы не выглядят препятствиями для укрепления позиций Китая. Сама фраза «в современном мире усиливаются глобальные тенденции к многополярности и экономической глобализации» в начале текста уже воспринимается как часть «обязательной программы», впрочем, гораздо больше в нем говорится именно о механизмах китайского лидерства в меняющемся мире. Аналогичным образом построена и Белая книга 2019 г. – последняя на текущий момент. Она утверждает, что «экономическая глобализация, информационное общество и культурная диверсификация развиваются во все более многополярном мире», однако «существуют заметные дестабилизирующие факторы и неопределенности в международной безопасности»¹⁸.

Наступивший далее перерыв в публикации новых редакций Белой книги национальной обороны КНР, вероятно, можно объяснить тем, что руководство

¹⁶ *China's Defense White Paper* (2011, March 31). Retrieved May 4, 2024, from http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2019/07/China-Defense-White-Paper_2010_English-Chinese_Annotated.pdf

¹⁷ *China's Defense White Paper* (2013, April 16). Retrieved May 4, 2024, from http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2019/07/China-Defense-White-Paper_2013_English-Chinese_Annotated.pdf

¹⁸ *China's Defense White Paper* (2019, July 24). Retrieved May 4, 2024, from <https://www.andrewerickson.com/2019/07/full-text-of-defense-white-paper-chinas-national-defense-in-the-new-era-english-chinese-versions>

страны ожидает снижения неопределенности в международных отношениях, вызванных сначала пандемией COVID-19, а затем и началом Специальной военной операции, а также очередным обострением палестино-израильского конфликта. В этих условиях, тем не менее, термин «многополярность» не уходит из официального дискурса китайских властей. Например, выступая в рамках 12-го саммита БРИКС, проходившего в ноябре 2020 г. в формате видеоконференции, Си Цзиньпин решительно отметил, что даже в условиях пандемии «тенденции к мировой многополярности и экономической глобализации невозможно повернуть вспять»¹⁹. Еще одно обращение лидера Китая к исследуемой нами категории также относится к теме БРИКС. Выступая в августе 2023 г. на Деловом форуме, функционирующем в рамках объединения, Си заявил, что механизм «БРИКС плюс» позволяет «продвигать многополярность мира и демократизацию международных отношений»²⁰.

Нельзя не заметить, что в официальном китайском дискурсе постоянно подчеркивается тема цивилизационной уникальности КНР, которая и предопределяет право страны на роль одного из центров многополярного мира. Именно в этом русле можно воспринимать сформулированную в 2012 г. «вторую цель столетия», предполагающую превращение Китая в «сильное, демократическое, цивилизованное, гармонизированное и современное социалистическое государство» к 100-летию образования КНР в 2049 г., а также концепцию «Один пояс – один путь»²¹. Аналогично в докладе Си Цзиньпина на XX съезде КПК (2022 г.) сделан акцент на том, что «Китай неизменно проводит независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику, всегда определяет свою позицию и политику в том или ином вопросе»²².

В целом, не вызывает сомнений, что во втором и третьем десятилетиях XXI в. роль КНР на международной арене поступательно растет. В этих условиях проблема многополярности фигурирует не только в концептуальных документах, но и в исследованиях китайских ученых. Д. А. Дегтерев отмечает, что в этих публикациях преобладает мысль о том, что Китай уже готов заменить США, однако он не станет гегемоном, а будет действовать на международной арене более разумно. Сложно не согласиться с позицией о том, что в российских и китайских исследованиях многополярность выступает как образ желаемого мироустройства (Degterev, Timashev, 2020, p. 9).

¹⁹ Си Цзиньпин: тенденции к многополярности мира и экономической глобализации необратимы (2020, 17 ноября). Взято 4 мая, 2024, с http://russian.china.org.cn/china/txt/2020-11/17/content_76920172.htm

²⁰ Си Цзиньпин: Китай продолжит продвигать многополярность мира (2023, 22 августа). Взято 4 мая 2024, с <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/08/22/991408-si-tszipin-kitai>

²¹ Цель действий к «двум столетним юбилеям» (2014, 18 ноября). Взято 6 мая 2024, с http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2014-11/18/content_34206361.htm

²² Полный текст доклада 20-ому Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая (2022, 25 октября). Взято 6 мая 2024, с https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html

Анализ представленности категории «многополярность» в концептуальных документах Республики Индия. В индийской политической системе отсутствует практика создания регулярного концептуального документа, содержащего стратегические положения развития страны на международной арене и сходного с Концепцией внешней политики и Стратегией национальной безопасности Российской Федерации или Белой книгой национальной обороны Китая. Однако мы полагаем, что в рамках проводимого сравнительного анализа в качестве ближайшего аналога этих документов могут рассматриваться Ежегодные отчеты, публикуемые Министерством иностранных дел Индии. Несмотря на то, что они по большей части дают информацию об уже состоявшихся событиях, многие положения этих текстов содержат заявления стратегического характера.

Анализ показывает, что термин «многополярность» впервые появляется во внешнеполитическом дискурсе Индии в первые годы XXI в., когда должностью премьер-министра занимал А. Б. Ваджпай (1998–2004). Этот период характеризуется максимально высоким уровнем сотрудничества Индии с КНР, поэтому неудивительно упоминание многополярности в тот момент почти никогда происходило вне контекстной связи с Китаем. Именно в интервью шанхайскому изданию Ваджпай июне 2003 г. высказывает мысль о том, «что сегодня необходим многополярный мировой порядок, основанный на сотрудничестве и учитывающий законные интересы и чаяния всех его составляющих элементов»²³. Аналогично в Ежегодном отчете Министерства иностранных дел Индии за 2003–2004 гг. рассказывается о том, что в ходе визите индийского премьера в Китай обе страны «согласились, что многополярность в современном мире должна быть усилена»²⁴.

Поначалу то же положение дел сохранялось и после смены кабинета, когда на смену «Бхаратия джаната парти» (*Bharatiya Janata Party*, Индийская народная партия) пришел «Индийский национальный конгресс» (*Indian National Congress*) во главе с М. Сингхом. В Ежегодном отчете за 2004–2005 гг. отмечается, что «Индия привержена развитию долгосрочного конструктивного партнерства и сотрудничества с Китаем на основе принципов “панча шила”, взаимного уважения и чувствительности к проблемам друг друга и равенства», в связи с чем «сотрудничество между Индией и Китаем способствует не только их социально-экономическому развитию и процветанию, но и укреплению многополярности в мире, усилению позитивных факторов глобализации»²⁵. Упомянутые в документе принципы мирного сосуществования («панча шила») были впервые сформулированы еще в китайско-индийском соглашении 1954 г.

В дальнейшем в период правления Сингха содержание концепта «многополярность» уходит от безусловной коннотации с Китаем и существенно

²³ *Interview of Prime Minister Shri Atal Bihari Vajpayee by Wen Huibao, Shanghai* (2003, June 21). Retrieved May 6, 2024, from <https://www.mea.gov.in/interviews.htm?dtl/4683/Interview+of+Prime+Minister+Shri+Atal+Bihari+Vajpayee+by+Wen+Huibao+Shanghai>

²⁴ *Annual Report 2003–2004* (2004, March 31). Retrieved May 6, 2024, from https://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/165_Annual-Report-2003-2004.pdf

²⁵ *Annual Report 2004–2005* (2005, April 1). Retrieved May 6, 2024, from https://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/166_Annual-Report-2004-2005.pdf

расширяет свое содержание. В Ежегодном отчете за 2006–2007 гг. эта тема поднимается в связи с тем, что, по мнению индийской стороны, «развивающийся мир должен найти должное представительство среди постоянных членов Совета Безопасности ООН». Отмечается, что с этой целью «Индия продолжает работать со странами-единомышленниками ради справедливого, многополярного мирового порядка, который учитывает законные ожидания развивающихся стран»²⁶.

Как уже отмечалось ранее, в российских и частично в китайских стратегических документах высказывается положение о том, что страны Запада сознательно препятствуют становлению и развитию многополярности в современном мире. При этом в индийском политическом дискурсе понятие «многополярность» на протяжении довольно длительного времени рассматривается именно в контексте отношений со странами Европы. В том же Ежегодном отчете за 2006–2007 гг. содержится положение о том, что «Европа (особенно Европа, которая объединяется) будет играть роль ключевого полюса в развивающейся многополярной международной системе»²⁷. В аналогичном документе за 2008–2009 гг. высказывается мысль о том, что «Индия и ЕС (Европейский Союз) являются незаменимыми полюсами в формирующихся многополярных структурах»²⁸. Еще одно упоминание многополярности в Ежегодном отчете за 2009–2010 гг. вновь связано с Европой: речь идет о проведении в марте 2010 г. конференции на тему «Роль Индии в многополярном мире», организаторами которой выступили «Форум Deutsche Bank» и британский аналитический центр *Policy Network*²⁹.

Уйдя с поста премьер-министра, доктор М. Сингх остался важной фигурой индийского политического истеблишмента, которая продолжает давать комментарии по поводу текущих событий. Весьма глубокой, на наш взгляд, является высказанная в одном из его интервью 2019 г. мысль о том, что «многополярность стала реальностью в мировой экономике, но политическим структурам еще предстоит преодолеть инерцию устаревшего мышления»³⁰.

Рассматривая эволюцию представленности термина «многополярность» в политическом дискурсе периода правления Н. Моды, возглавившего Индию в 2014 г., стоит согласиться с распространенным мнением о том, что этот руководитель гораздо больше озабочен внутренней политической государства, а на международной арене предпочитает поддерживать ровные отношения со всеми центрами силы. Неслучайно за все десятилетие интересующая нас категория лишь раз попала на страницы Ежегодного отчета Министерства иностранных дел: и вновь в контексте отношений со странами Европы.

²⁶ *Annual Report 2006–2007* (2007, April 1). Retrieved May 6, 2024, from https://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/168_Annual-Report-2006-2007.pdf

²⁷ Ibid.

²⁸ *Annual Report 2008–2009* (2009, April 1). Retrieved May 6, 2024, from https://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/170_Annual-Report-2008-2009.pdf

²⁹ *Annual Report 2009–2010* (2010, April 1). Retrieved May 6, 2024, from https://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/171_Annual-Report-2009-2010.pdf

³⁰ *Present nuclear order coming under strain: Manmohan Singh* (2019, February 25). Retrieved May 6, 2024, from <https://indianexpress.com/article/india/present-nuclear-order-coming-under-strain-manmohan-singh-5599476>

В документе за 2020–2021 гг. говорится о визите в Индию министра иностранных дел Великобритании Д. Рааба, в рамках которых два государства «подтвердили свою общую приверженность многополярному миру и веру в многосторонность»³¹.

При этом было бы неправильно утверждать, что премьер-министр Н. Моди каким-то образом стремится игнорировать тему многополярного мира. К этой проблеме он регулярно обращается в своих международных поездках. Во время встречи на полях Восточного экономического форума (ВЭФ) во Владивостоке в сентябре 2019 г. Моди заявил, что и Индия, и России «понимают, что для того, чтобы добиться стабильности, нам нужен многополярный мир»³².

Еще раз к вопросу о многополярном мире Н. Моди вернулся в 2023 г., когда его страна председательствовала в «Большой двадцатке». Во время саммита в Дели индийский премьер-министр дал развернутое интервью изданию *Moneycontrol*, в котором объяснил свое понимание принципа «Васудхайва Кутумбакам» (Одна Земля, Одна Семья, Одно Будущее): «Новый мировой порядок многополярен. Каждая страна соглашается с другой по одним вопросам и не соглашается по другим. Приняв эту реальность, можно найти выход, отталкиваясь от национальных интересов. Индия именно так и делает»³³.

Позиция индийского руководства, в целом, сохраняет приверженность идее уникального цивилизационного положения страны, нашедшей наиболее яркое выражение в концепции «Трех стратегических колец». Согласно этому подходу, Индия фактически помещается в центр глобальных политико-экономических процессов и последовательно развивает отношения с приграничными государствами, странами Азии, а также со всем остальным миром.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить ряд закономерностей. В представленности категории «многополярность» в концептуальных документах Российской Федерации можно выделить три временных отрезка, в течение которых увеличивался удельный вес положений, направленных на становление многополярного мира. Первый из них (1997–2000) связан с деятельностью Е. М. Примакова, который является одним из создателей этой концепции мироустройства. На втором этапе (2008–2010) термин использовался, но, скорее, «по старой памяти», не получая нового содержания. Наконец, третий всплеск интереса к многополярности (с 2023 г.) характеризуется выходом категории на лидирующие позиции среди ключевых понятий российской политики, ее существенной концептуализацией и раскрытием семантического содержания.

³¹ *Annual Report 2020–2021* (2021, February 25). Retrieved May 6, 2024, from https://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/33569_MEA_annual_Report.pdf

³² *Моди видит в сотрудничестве РФ и Индии залог многополярного мира* (2019, 4 сентября). Взято 6 мая 2024, с <https://regnum.ru/news/2708170>

³³ «Группа двадцати» в Индии, Моди: глобальный мир будет многополярным (2023, 6 сентября). Взято 6 мая 2024, с <https://pluralia.forumverona.com/ru/a/группа-двадцати-в-индии-моди-глобал>

Официальные документы Китая на протяжении нескольких десятилетий не обходятся без упоминания категории «многополярность». В то же время явно прослеживаются три хронологические фазы его использования. В период правления Цзян Цзэминя термин «доцзихуа» был краеугольным камнем китайском внешней политики и национальной безопасности. В период правления Ху Цзиньтао влияние этой концепции снизилось, уступая место идее экономического сотрудничества и глобализации. Во время Си Цзиньпина термин «многополярность» вновь занял передовое место в содержании Белой книги национальной обороны КНР и в ключевых выступлениях руководства страны.

Индийский политический дискурс отличает особый подход к пониманию многополярности, который также складывался в три этапа. На первом из них (период правления А.Б. Ваджпаи) данный термин фигурировал, в основном, в контексте отношений с Китаем. Второй этап связан с правлением М. Сингха и характеризуется активными попытками вовлечь страны Европы в процесс построения многополярного мира. Наконец, в годы руководства Индией Н. Модии внешняя политика рассматривается в большей степени как инструмент укрепления внутреннего единства страны, поэтому упоминание многополярности главным образом связано с участием Индии в деятельности глобальных объединений. Индийская трактовка многополярного мира имеет почти исключительно экономическое, а не геополитическое содержание, что существенно отличает этот подход от китайского и особенно российского.

В целом, важно подчеркнуть значимость цивилизационного фактора, который непосредственно диктует стремление рассматриваемых в данной работе государств к роли лидеров многополярного мира. Россия, Китай и Индия являются стречневными государствами отдельных цивилизаций, имеющих тысячелетнюю историю. Нет сомнений в том, что именно уникальный исторический путь развития наложил значительный отпечаток на современное внешнеполитическое позиционирование Москвы, Пекина и Нью-Дели. В настоящее время цивилизационный фактор напрямую реализуется в таких концепциях, как «Русский мир», «Один пояс – один путь», «Три стратегических кольца».

В то же время нельзя не заметить значимое отличие в употреблении рассматриваемого понятия в официальных документах крупнейших стран мира. В российских Концепциях и Стратегиях упоминание многополярности почти неизбежно сопровождается замечаниями о том, что государства Запада во главе с США препятствуют ее наступлению. Наряду с этим китайские официальные документы, несмотря на не самые благоприятные отношения с Америкой, почти не касаются ее отрицательной роли как фактора, препятствующего созданию многополярного мира. Индийский же подход напрямую указывает на то, что страны Европы являются активными участниками построения международной системы, основанной на многополярности. Эти различия, на наш взгляд, объясняются именно разным толкованием содержательного ядра центральной категории данного исследования.

Резюмируя, отметим, что в Китае понятие «многополярность» было использовано впервые в форме оригинальной концепции «доцзихуа». В Индии данное понятие приобрело новое содержание, обогатившись геоэкономическим смыслом. При этом можно сделать вывод о том, что именно в российских концептуальных

документах содержательные характеристики и принципы многополярного мироустройства, а также механизмы его достижения были раскрыты максимально полно с учетом геополитических и цивилизационных аспектов. В завершение отметим, что полученные в исследовании результаты продемонстрировали общую приверженность России, Китая и Индии идее построения многополярного мира и при этом выявили необходимость преодоления некоторых разночтений в трактовке краеугольного для современных международных отношений термина «многополярность» для дальнейшего сближения позиций нашей страны и ее ключевых партнеров.

Список литературы

1. Агаркова, А.С. (2022). Концепция многополярности в зарубежном академическом дискурсе. *Теории и проблемы политических исследований*, 11(2А), 125–131. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.11.35.014>
2. Атамали, К.Е. (2021). Внешняя политика России: многополярность и поворот на Восток. *Россия и мусульманский мир*, (1), 15–26.
3. Дейч, Т.Л. (2023). Китай в Африке в условиях становления многополярности. *Вестник ученых-международников*, (4), 219–226.
4. Елецкий, А.Н. (2015). *Формирование геоэкономической централизованности современной мировой экономики: генезис и перспективы многополярности*. Ростов-на-Дону: Южный федерал. ун-т.
5. Крадин, Н.Н. (2023). Феномен многополярности в исторической ретроспективе. *Евразийский ежегодник*, (1), 18–30. <https://doi.org/10.22455/2949-5865-2023-1-18-29>
6. Мальченков, С.А. (2022). Цивилизационный дискурс в высказываниях В.В. Путина. *Дискурс-Пи*, 19(2), 53–71. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_53
7. Подоль, Р.Я. (2003). Многополярность мира как проблема философии истории. *Новые идеи в философии*, 2(12), 14–21.
8. Портяков, В.Я. (2013). Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы. *Сравнительная политика*, 4(1), 86–97.
9. Примаков, Е.М. (1996). На горизонте – многополюсный мир. *Международная жизнь*, (10), 3–13.
10. Chu, S., Holbig, H., Narlikar, A., & Plagemann, J. (2024). In the Eyes of the Beholders: The Legitimacy of Global Governance Institutions under Multipolarity. *International Studies Quarterly*, 68(2), 1–14. <https://doi.org/10.1093/isq/sqae034>
11. De Keersmaeker, G. (2017). *Polarity, Balance of Power and International Relations Theory*. London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-42652-5_6
12. Degterev, D.A., & Timashev G.V. (2020). Concept of Multipolarity in Western, Russian and Chinese Academic Discourse. *Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences*, (2), 9–20. <https://doi.org/10.25136/1339-3057.2020.2.31787>
13. Guttman, R. (2022). *Multi-Polar Capitalism: The End of the Dollar Standard*. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-88247-1>

14. Jian, S., & Nianwen, X. (2017). Lun Lengzhan hou guoji zhengzhi geju duojihua qushi (About the multipolarization tendency of the international political structure after the cold war). *Journal of Harbin University*, 38(01), 17–20.
15. Kapoor, N. (2023). Multi-alignment under “Uneven Multipolarity”: India’s Relations with Russia in an Evolving World Order. *MGIMO Review of International Relations*, 16(2). 15–32. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-15-32>
16. Kissinger, H. (1994). *Diplomacy*. New York: Simon & Schuster.
17. Korybko, A. B. (2021). The End of Pax Americana and the Rise of Multipolarity. *Comparative Politics Russia*, 12(1), 167–173. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10013>
18. Silvius, R. (2019). Chinese-Russian economic relations: developing the infrastructure of a multipolar global political economy? *International Politics*, 56(27), 622–638. <https://doi.org/10.1057/s41311-018-0161-1>
19. Yadav, S. (2024). Technologies of tomorrow: a geopolitical gateway to a multi-polar world order and India’s opportunities and challenges in IT. *International Education and Research Journal*, 10(2), 51–53. <https://doi.org/10.21276/IERJ24781511118381>

References

1. Agarkova, A.S. (2022). Kontseptsiya mnogopolyarnosti v zarubezhnom akademicheskom diskurse [The concept of multipolarity in foreign academic discourse]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, 11(2A), 125–131. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.11.35.014>
2. Atamali, K.E. (2021). Vneshnyaya politika Rossii: mnogopolyarnost’ i povorot na Vostok [Russian foreign policy: multipolarity and a turn to the east]. *Rossiia i musul'manskiy mir*, (1), 15–26.
3. Chu, S., Holbig, H., Narlikar, A., & Plagemann, J. (2024). In the Eyes of the Beholders: The Legitimacy of Global Governance Institutions under Multipolarity. *International Studies Quarterly*, 68(2), 1–14. <https://doi.org/10.1093/isq/sqae034>
4. De Keersmaeker, G. (2017). *Polarity, Balance of Power and International Relations Theory*. London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-42652-5_6
5. Degterev, D.A., & Timashev G.V. (2020). Concept of Multipolarity in Western, Russian and Chinese Academic Discourse. *Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences*, (2), 9–20. <https://doi.org/10.25136/1339-3057.2020.2.31787>
6. Deich, T.L. (2023). Kitay v Afrike v usloviyakh stanovleniya mnogopolyarnosti [China in Africa in the conditions of the emerging multipolarity]. *Vestnik uchenykh-mezhdunarodnikov*, (4), 219–226.
7. Guttman, R. (2022). *Multi-Polar Capitalism: The End of the Dollar Standard*. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-88247-1>
8. Jian, S., & Nianwen, X. (2017). Lun Lengzhan hou guoji zhengzhi geju duojihua qushi (About the multipolarization tendency of the international political structure after the cold war). *Journal of Harbin University*, 38(01), 17–20.

9. Kapoor, N. (2023). Multi-alignment under “Uneven Multipolarity”: India’s Relations with Russia in an Evolving World Order. *MGIMO Review of International Relations*, 16(2). 15–32. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-15-32>
10. Kissinger, H. (1994). *Diplomacy*. New York: Simon & Schuster.
11. Korybko, A. B. (2021). The End of Pax Americana and the Rise of Multipolarity. *Comparative Politics Russia*, 12(1), 167–173. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10013>
12. Kradin, N. N. (2023). Fenomen mnogopolyarnosti v istoricheskoy retrospektive [Phenomena of multipolarity in historical retrospective]. *Evrasiyskiy ezhegodnik*, (1), 18–30. <https://doi.org/10.22455/2949-5865-2023-1-18-29>
13. Malchenkov, S. A. (2022). Tsivilizatsionnyy diskurs v vyskazyvaniyakh V. V. Putina [Civilization discourse in the statements of Vladimir Putin]. *Diskurs-Pi*, 19(2), 53–71. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_53
14. Podol, R. Ya. (2003). Mnogopolyarnost’ mira kak problema filosofii istorii [Multipolarity of the world as a problem in the philosophy of history]. *Novye idei v filosofii*, 2(12), 14–21.
15. Portyakov, V. Ya. (2013). Videnie mnogopolyarnosti v Rossii i Kitae i mezhdunarodnye vyzovy [Vision of multipolarity in Russia and China and international challenges]. *Sravnitel’naya politika*, 4(1), 86–97.
16. Primakov, E. M. (1996). Na gorizonte – mnogopolyusnyy mir [A multipolar world is on the horizon]. *Mezhdunarodnaya zhizn’*, (10), 3–13.
17. Silvius, R. (2019). Chinese-Russian economic relations: developing the infrastructure of a multipolar global political economy? *International Politics*, 56(27), 622–638. <https://doi.org/10.1057/s41311-018-0161-1>
18. Yadav, S. (2024). Technologies of tomorrow: a geopolitical gateway to a multi-polar world order and India’s opportunities and challenges in IT. *International Education and Research Journal*, 10(2), 51–53. <https://doi.org/10.21276/IERJ24781511118381>
19. Yeletskiy, A. N. (2015). *Formirovanie geoekonomicheskoy tsentrirovannosti sovremennoy mirovoy ekonomiki: genezis i perspektivy mnogopolyarnosti* [Formation of geo-economic centrality of the modern world economy: genesis and prospects of multipolarity]. Rostov-on-Don: Yuzhnyy federal. un-t.

Информация об авторе

Станислав Александрович Мальченков, доктор философских наук, доцент, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3274-4410>, e-mail: stamal@yandex.ru

Information about the author

Stanislav Aleksandrovich Malchenkov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3274-4410>, e-mail: stamal@yandex.ru

УДК 94:323(594)

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_138

ИСЛАМИЗМ В ИНДОНЕЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2020-Х ГГ.: ОТ ФРОНТА ЗАЩИТНИКОВ ИСЛАМА К ФРОНТУ ИСЛАМСКОГО БРАТСТВА

Максим Валерьевич Кирчанов,

Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия,
maksym_kyrchanoff@hotmail.com

*Получена 18.04.2024.**Поступила после рецензирования 04.08.2024.**Принята к публикации 13.01.2025.*

Для цитирования: Кирчанов М.В. Исламизм в Индонезии в первой половине 2020-х гг.: от Фронта защитников ислама к Фронту исламского братства // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 1. С. 138–154. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_138

Аннотация

Автор анализирует особенности развития радикального ислама в Индонезии в первой половине 2020-х гг. Цель статьи – анализ основных направлений трансформации политического исламизма. Новизна исследования состоит в анализе попыток исламистов консолидироваться в идеологическом и организационном плане. Методологически статья основана на принципах междисциплинарной историографии. Автором изучены организационные противоречия исламизма в контекстах современной и актуальной истории групп и движений, претендующих на статус наследников и приемников *Фронта защитников ислама*. Результаты исследования позволяют предположить, что ликвидация *Фронта* привела к временной дестабилизации радикального исламистского дискурса в современной Индонезии, повлияв на организационные формы и идеологические основания исламского радикализма. Автор показывает, что адаптивность исламизма и его способность использовать

© Кирчанов М.В., 2025

формально допустимые формы политической активности являются системными характеристиками современного радикального ислама в Индонезии. В статье проанализированы основные структурные и организационные особенности радикального политического ислама в современном индонезийском социуме. Предполагается, что развитие радикального ислама актуализирует коллективный запрос некоторых сегментов современного индонезийского общества на политический ислам как альтернативу секуляризму. Автором высказывается мнение, что радикальный ислам в современной Индонезии необходимо изучать комплексно и анализировать в междисциплинарной перспективе, так как именно политический ислам можно определить как альтернативу политике светских элит. В целом, предполагается, что 1) исламизм продолжает оставаться важным политическим фактором, 2) исламизм эффективно адаптируется к политике властей, 3) исламизм стремится играть свою роль в политических процессах, включая участие в выборах. В целом показано, что исламизм актуализирует политическую альтернативу официальной идеологии, поддерживаемой светскими элитами.

Ключевые слова:

ислам, радикализм, исламизм, фрагментация уммы, организации радикального ислама в Индонезии, (ре)консолидация исламизма

UDC 94:323(594)

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_138

ISLAMISM IN INDONESIA IN THE EARLY 2020S: FROM THE ISLAMIC DEFENDERS FRONT TO THE ISLAMIC BROTHERHOOD FRONT

Maksym W. Kyrchanoff,

Voronezh State University,
Voronezh, Russia,
maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Received 18.04.2024.

Revised 04.08.2024.

Accepted 13.01.2025.

For citation: Kyrchanoff, M.W. (2025). Islamism in Indonesia in the Early 2020s: From the Islamic Defenders Front to the Islamic Brotherhood Front. *Discourse-P*, 22(1), 138–154. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_138

Abstract

This article analyses the development of radical Islam in Indonesia during the first half of the 2020s, focusing on the transformation of political Islamism and, importantly, on the attempts by Islamists groups to consolidate both ideologically and organisationally. It employs interdisciplinary historiography as methodological foundation. The research examines the organisational contradictions in Islamism, contextualizing them within the historical narratives of groups and movements that claim to be successors of the *Islamic Defenders Front*. The findings indicate that the dissolution of the *Islamic Defenders Front* resulted into a temporary destabilisation of radical Islamist discourse in contemporary Indonesia, impacting both the organisational structures and ideological foundations of Islamic radicalism. The author demonstrates how the adaptability of Islamism, along with its ability to engage in acceptable forms of political activity, constitute a systemic characteristic of modern radical Islam in Indonesia. He further analyses key structural and organisational features of radical political Islam within Indonesian society. He assumes that the evolution of radical Islam reflects a collective demand among certain segments of Indonesian society for political Islam as an alternative to secularism. The author argues for a comprehensive and interdisciplinary approach to studying radical Islam in contemporary Indonesia, since Islam in its political dimension can be defined as an alternative to the politics of secular elites. Overall, the article suggests that 1) Islamism remains an important political factor, 2) Islamism effectively adapts to governmental policies, and 3) Islamism seeks active participation in political processes, including election. The article concludes that Islamism actualizes a viable political alternative to the official ideology upheld by secular elites.

Keywords:

Islam, radicalism, Islamism, fragmentation of Ummah, radical Islam organizations in Indonesia, reconsolidation of Islamism

Введение

В политической жизни Индонезии особая роль принадлежит исламу. Политический ислам представлен различными группами, идеологические предпочтения которых варьируются от либеральных, умеренных и центристских до консервативных и радикальных. Самой крупной организацией в актуальной истории современного политического ислама, которая с 1998 г. объединяла и консолидировала радикалов, являлся *Фронт защитников ислама*, запрещенный в декабре 2020 г. Запрет Фронта не означал полной ликвидации политического ислама как элемента политической системы и идеологической жизни Индонезии. На протяжении двух лет после запрета *Фронта защитников ислама* радикальный ислам на территории Индонезии пребывал в состоянии политического и идеологического переформатирования. Идеологические предпочтения сторонников исламизма оставались практически неизменными.

Цель и задачи статьи

В центре внимания автора статьи – проблемы трансформации политического пространства современной Индонезии, занятого и контролируемого сторонниками радикального ислама. Целью статьи является анализ основных особенностей и направлений развития радикального ислама в современном индонезийском обществе. В число задач автора входит 1) анализ организационных основ радикального политического ислама, 2) выяснение особенностей актуальной трансформации исламизма, 3) изучение перспектив и возможных траекторий и векторов развития радикального политического ислама в современной Индонезии.

Методология и историография

Методологически представленная статья основана на принципах, предложенных в современной междисциплинарной историографии. По мнению индонезийского политолога А. Арифianto, радикальный политический ислам демонстрирует тенденции к устойчивому росту и усилению, так как «исламизм в постреформаторской Индонезии растет, что, к сожалению, не находит адекватного объяснения в исследованиях индонезийского ислама» (Arifianto, 2018). Уилльям Лиддл в 1996 г., за два года до начала демократизации, констатировал тенденции усиления именно радикальных трендов в исламе на территории Индонезии (Liddle, 1996). Падение режима «нового порядка» Сухарто «для исламистов дало толчок к выражению своих религиозных, культурных, идеологических и политических интересов» (Al Qurtuby, 2023). Позднее в индонезийской историографии объяснение усиления радикального ислама в контекстах демократического транзита стало универсальной интерпретационной моделью (Johnson Tan, 2018). В первой половине 2010-х гг. в рамках академического сообщества уже сложился концептуальный компромисс относительно того, что индонезийское общество переживает консервативный поворот (Bruinessen, 2013).

Автор также учитывает особенности восприятия политического ислама в современной Индонезии и в российской историографии. Для современного отечественного индонезиеведения характерен комплексный подход к восприятию политического ислама как одного из факторов, который оказывает существенное влияние на определение основных векторов и траекторий развития общества (Другов, 2023b). Как правило, российскими исследователями, политологами и историками ислам анализируется в контекстах политических и исторических процессов (Другов, 2023a). В подобной ситуации подчеркивается как преемственность в развитии и функционировании политического ислама (Ефимова, 2018), так и его в значительной степени противоречивая роль, которую он играет в жизни современного индонезийского общества (Мосяков, Хрящева, 2013). В целом, работы российских специалистов характеризуются определенной склонностью к редукции роли и значения ислама в современной Индонезии до одного из факторов развития политического процесса через призму анализа крупнейших общественных мусульманских организаций (Безменов, 2023),

которые отличаются своей умеренной и прогосударственной позицией и воспринимаются как канал противодействия радикализации и исламизации (Гаджиев, 2020).

Результаты

Исламизм в Индонезии: основные особенности и характеристики

Политический ислам в Индонезии характеризуется дихотомией, в рамках которой одновременно и параллельно соразвиваются умеренные и радикальные тенденции. Если исторически «Нахдлатул Улама и Мухаммадия составляли ядро гражданского общества»¹, то на противоположном политическом полюсе находятся радикалы и традиционалисты. Мусульманские радикалы в Индонезии не смогли консолидироваться, что не позволило им создать единую политическую партию, которая по силе и степени влияния была бы сопоставима с запрещенным в конце 2020 г. *Фронтом защитников ислама*. В этой ситуации на протяжении первой половины 2020-х гг. радикальный политический ислам оказался в состоянии институционального и структурного кризиса, что практически никак не отразилось на его идеологии. Активность *Фронта*, начиная с конца 1990-х гг., стала возможна не только как результат демократизации, но и как следствие развития культурных особенностей ислама в Индонезии.

Фронт защитников ислама прекратил свое существование в конце 2020 г., будучи запрещенным и ликвидированным властями, что не означало прекращение активной деятельности исламистов. Относительно быстрая реставрация *Фронта* под несколько измененным названием актуализировала «издержки репрессий» против исламистов, которые «намного перевешивают их выгоды». «Хотя репрессии кажутся эффективными в подрыве способности исламистов к мобилизации, они могут привести к пагубным последствиям». По мнению индонезийских экспертов, подобная политика не только «подкрепляется чрезмерным применением силы против исламистских и других активистов оппозиции», но и «цена репрессий напрямую влияет» на настроения в обществе в силу того, что «ропуск одной или двух групп, придерживающихся жесткой линии, не обязательно направлен на устранение сложных причин дискриминации в отношении групп меньшинств, а на самом деле служит отвлечению внимания»².

Что касается системных характеристик развития ислама, то они следующие: исторический ислам в Индонезии интеллектуально зависел от арабского ближневосточного влияния, но при этом страна представляет собой самое густо населенное государство в мире с мусульманским большинством; индонезийский ислам характеризуется умеренностью, допущением открытого проявления доисламских культурных элементов, но на протяжении первой четверти XXI в.

¹ Marshall, P. (2023, June 13). Why Indonesian Islam Matters. *Hudson Institute*. Retrieved February 16, 2024, from <https://www.hudson.org/religious-freedom/why-indonesian-islam-matters-paul-marshall>

² Nuraniyah, N. (2021, October 29). The costs of repressing Islamists. *New Mandala*. Retrieved February 16, 2024, from <https://www.newmandala.org/the-costs-of-repressing-islamists/>

все больше женщин стали открыто подчеркивать свою именно мусульманскую идентичность, нося хиджаб³. Именно в такой гетерогенной социальной и культурной среде в Индонезии действуют исламистские группы.

Современный исламизм обладает и своей уникальной идеологической программой. Политические предпочтения радикального ислама продолжают развиваться, демонстрируя поразительную устойчивость и преемственность с более ранними идеологическими установками, характерными для индонезийских исламистов. В плане организационной структуры несколько организаций попытались занять место запрещенного *Фронта защитников ислама*, но в полной степени поставленной цели им достичь не удалось. Мы можем упомянуть активность различных организаций, формально представленных умеренными исламистами, объединяющихся вокруг разного рода общественных и политических групп, вовлеченных в критику правительства.

Представители этого спектра уммы действуют относительно умеренно, но фактически в плане идеологии, целей и принципов они солидаризируются с радикальным исламом, соблюдая при этом установленные правила игры. Поэтому они не привлекают столь значительного внимания властей как *Фронт защитников ислама*, который консолидировал вокруг себя наиболее радикальную часть сторонников политического ислама в индонезийской умме. Такие организации в современной Индонезии продолжают существовать и активно действуют. Новые политические партии пытались занять место *Фронта*, но их активность оказалась настолько незначительной и неуспешной, что попытки политических активистов возродить *Фронт защитников ислама* под другим названием и превратить его в политическую партию, хотя такая цель изначально ими и не ставилась, не привели к существенным результатам.

Таким образом, период 2020–2024 гг. в истории Индонезии следует называть не просто временем пребывания политического исламизма на распутье, но периодом консолидации, реконфигурации или даже реинституционализации радикального ислама в политической жизни Индонезии. Не менее важным стимулом, который влияет на то, что сторонники радикального ислама пытаются консолидироваться, является проведение президентских выборов в 2024 г. Несмотря на то, что исламисты к участию в выборах допущены не будут, принимая во внимание то, что их попытки достичь политического успеха являются крайне незначительными.

Эти тенденции в развитии исламизма в Индонезии в первой половине 2020-х гг. исторически и генетически связаны с основными векторами и траекториями его эволюции на протяжении двух предшествующих десятилетий. В современной историографии, в связи с этим предложено несколько интерпретационных моделей, которые претендуют на объяснение причин усиления радикальных течений в исламе. По мнению Н. Хасана (Hasan, 2008), ислам в Индонезии в период Реформации (демократизации) превратился в важный фактор развития общества, что позволяет констатировать как появление,

³ Indonesia wants to export moderate Islam. The world's largest Muslim-majority country enters the Islamic debate. (2023, August 16). *The Economist*. Retrieved February 16, 2024, from <https://www.economist.com/asia/2023/08/16/indonesia-wants-to-export-moderate-islam>

так и прогресс «публичного ислама», идеологические предпочтения которого относительно широки и варьируются от модернизма до консерватизма.

Другой исследователь Дж. Менчик (Menchik, 2016) полагает, что успех политизации ислама скрыт в уникальном понимании демократии как правящими политическими элитами, так и их идеологическими исламистскими оппонентами. По мнению М. Хилми, сам процесс демократизации обеспечил исламистов возможностью активного политического участия, так как режим «нового порядка», существовавший до 1998 г., жестко контролировал как формы, так и пределы деятельности светских и мусульманских политиков (Hilmy, 2010). Б. Платцдаш также склонен видеть успех радикального ислама в крайностях демократизации, так как демократия и открытость позволили вести деятельность не только умеренным и демократическим политикам, но и их радикальным и традиционалистским оппонентам (Platzdasch, 2009). В свою очередь Л. Хаким указывает на то, что радикальные тренды в исламе фактически неизбежны, так как социальная и культурная гетерогенность Индонезии в сочетании с нерешенными экономическими проблемами фактически универсализирует исламистский дискурс, подчеркивая его альтернативность в сравнении со светской моделью развития (Hakim, 2023).

Тем не менее, сторонники радикального политического ислама осознают специфику и особенности сложившейся с 1998 г. политической системы в Индонезии, в рамках которой идеологические различия между светскими и разрешенными мусульманскими партиями фактически становятся второстепенными. В этой ситуации только радикальный ислам начинает представлять реальную альтернативу той политической повестке дня, которую выдвигают светские политические элиты.

Принимая во внимание ряд факторов, включая попытки исламистов консолидироваться на протяжении первой половины 2020-х гг., приближающееся завершение тюремного заключения лидера *Фронта защитников ислама* и общий рост политического ислама, радикальные тенденции в последние годы становятся все более важным фактором в политической жизни современной Индонезии. Тем не менее, не представляется возможным утверждать, что радикальный ислам пережил процесс консолидации, так как, по мнению Э. Веллингтон, мусульманские консерваторы и радикалы не могут оказать существенное влияние на политические процессы в силу того, что «многие отрасли консервативной практики не трансформируются в политическую деятельность. Салафизм является ультраконсервативной ветвью ислама, которая пропагандирует “квиелистский” подход к практике. Это означает, что они не занимаются политикой и не участвуют в ней»⁴. Подобная стратегия со стороны исламистов отличается исключительно вынужденным характером, так как попытки их активного участия в публичной политике привели к запрету *Фронта защитников ислама*, что привело к значительным трансформациям мусульманского сегмента политического поля.

⁴ Wellington, A. (2023, October 18). The rise of conservative Islam in Indonesia and its implications for the 2024 General Elections. *Young Diplomats Society*. Retrieved February 16, 2024, from <https://www.theyoungdiplomats.com/post/the-rise-of-conservative-islam-in-indonesia-and-its-implications-for-the-2024-general-elections>

Исламизм в 2021–2023 гг.

Ликвидация *Фронта защитников ислама* в конце 2020 г. не привела к исчезновению с политической арены исламизма. Это событие содействовало конфигурации исламистского лагеря в Индонезии. Исторически ислам в Индонезии был чрезвычайно политической или политизированной религией, и перед интеллектуалами, с одной стороны, практически никогда не возникали дилеммы, связанные с участием верующих в политике (Bahtiar, 2000). С другой, исламизм стал стимулом политической модернизации, начавшейся в 1998 г., так как активность исламистских групп фактически усиливала гетерогенность общества (Turmudi, 2018).

Летом 2021 г. участники бывшего *Фронта* и его сторонники предприняли попытку воссоздания организации, но реставрация ее в прежнем виде оказалась невозможной. Реорганизация *Фронта* в целом вписывается в историческую логику развития политического ислама в Индонезии (Adiwilaga, 2017), который имеет уникальный опыт адаптации к новым и изменяющимся условиям участия в политике, где не мусульманские, но светские элиты устанавливали формальные правила игры. В этой ситуации исламисты, принимая во внимание символическое значение *Фронта*, его роль и вес в политической жизни страны, приняли решение о создании организации с максимально похожим названием и сходной атрибутикой, что делалось ими совершенно сознательно с целью подчеркнуть преемственность с запрещенным *Фронтом*.

На протяжении 2000–2010-х гг. «индонезийский ислам стал более консервативным и становится все более нетерпимым к религиозным выражениям, противоречащим основным исламским убеждениям» (Arifianto, 2018). Восстановление *Фронта* указывает на значительный адаптивный потенциал радикального политического ислама, который не только оказался способным воспользоваться возможностями, ставшими доступными с началом демократизации (Hilmy, 2009), но и смог сопротивляться попыткам властей унифицировать исламское политическое пространство, зачистив его от нелояльных и неподконтрольных групп. Воссоздание организации под названием *Фронт исламского братства* (Front Persaudaraan Islam) фактически состоялось 17 августа 2021 г., что было политически символично, так как эта дата является государственным праздником и отмечается как День независимости.

Появлению *Фронта* предшествовало проведение 16–17 марта 2022 г. национальной конференции, в ходе которой было выбрано руководство движения⁵. *Фронт исламского братства* является организацией-наследницей *Фронта защитников ислама*. Между этими двумя движениями существует несколько сходств, включая фактически идентичный состав участников и сторонников, статус общественных организаций, разделение принципов политического ислама в его наиболее радикальных формах, включая критику правительства, неприятие

⁵ Munas ke-1 Front Persaudaraan Islam (FPI) Sukses, Ini Struktur Pengurus DPP FPI. (2022, Maret 20). *Poskota Lampung*. Retrieved February 16, 2024, from <https://lampung.poskota.co.id/2022/03/20/munas-ke-1-front-persaudaraan-islam-fpi-sukses-ini-struktur-pengurus-dpp-fpi>

принципов светского государства, продвижение идей шариатизации государства и общества⁶. В сентябре 2021 г. было создано отделение Фронта на Западной Яве.

В сентябре 2021 г. новая организация определилась с руководством. Председателем Фронта исламского братства был избран Ахмад Куртуби Джаэлани, а его заместителем – Сахид Джобан. Али Аталас получил пост генерального секретаря. Фронт исламского братства на протяжении 2021–2022 гг. прилагал усилия, направленные на формирование своего положительного образа в глазах власти. Поэтому Фронт не противопоставляет себя крупнейшим мусульманским организациям. Более того, Фронт демонстративно проявлял лояльность в отношении Индонезии как светского государства. Например, накануне 17 августа 2022 г. руководство организации призвало сторонников «проводить такие мероприятия, как церемонии, соревнования, гуманитарные акции, молитвы за безопасность нации и тахлил за героев-мучеников, а также другие позитивные и шариатские мероприятия», приурочив их к празднованию 77-ой годовщины провозглашения независимости Республики Индонезия⁷.

В сложившейся ситуации реставрация Фронта стала проявлением растущих тенденций к компромиссу между политическими элитами и сторонниками радикального ислама (Kikue Namayotsu, 2018). Очередная волна (ре)исламизации общества совпала с изменением социальной базы, из которой традиционно исходила поддержка радикального ислама (Yasih, Hadiz, 2023). На протяжении начала 2020-х гг. менялся социальный облик исламизма, большинство сторонников которого в предшествующие десятилетия «принадлежали к низшему и среднему классу и были меньше заинтересованы в богословских дебатах, чем в выражении своих эмоций»⁸ на митингах и акциях протеста. Если ранее основу социальной базы составляли выходцы из аграрной периферии и студенты религиозных учебных заведений, то в начале 2020-х гг. к ним добавились рабочие, занятые в производстве, и сотрудники инфраструктуры, которые несмотря на интеграцию в урбанистические пространства не утратили религиозную идентичность.

Актуальные тенденции трансформации исламизма, 2021–2023 гг.

Трансформация исламизма, таким образом, стала следствием процессов политической демократизации. Различные социальные и политические группы по-разному отнеслись к переходу от «нового порядка» к демократии, но среди

⁶ Nuari TitoArfani. (2022, Desember 25). Persamaan & Perbedaan Front Pembela Islam dengan Front Persaudaraan Islam. Serta Arah Gerakan Front Persaudaraan Islam. *Kompasiana*. Retrieved February 16, 2024, from <https://www.kompasiana.com/nuari1212/63a87c844adde4e1177dc82/persamaan-perbedaan-front-pembela-islam-dengan-front-persaudaraan-islam-serta-arah-gerakan-front-persaudaraan-islam>

⁷ Front Persaudaraan Islam Serukan Upacara Hingga Tahlil untuk HUT 77 RI. (2022, Agustus 15). *CNN Indonesia*. Retrieved February 16, 2024, from <https://www.cnnindonesia.com/nasional/20220815185243-20-834959/front-persaudaraan-islam-serukan-upacara-hingga-tahlil-untuk-hut-77-ri>

⁸ Duile, T. (2017, April 17). Reactionary Islamism in Indonesia. *New Mandala*. Retrieved February 16, 2024, from <https://www.newmandala.org/reactionary-islamism-indonesia/>

основных бенефициаров оказались именно сторонники радикального ислама, так как они открыто «наслаждаются современностью» (Fakhrullah et al., 2023), которая позволила им открыто участвовать в политике, фактически легализовав исламизм. Вероятно поэтому исламисты склонны воспринимать ислам в политической и общественной жизни страны максимально широко, подчеркивая, что «ислам – это не просто религия, он также может стать духом борьбы за политические желания, равные другим основным политическим идеологиям, таким как капитализм, социализм и коммунизм»⁹.

Лидеры организации неоднократно подчеркивали, что Ризик Шихаб, бывший лидер *Фронта защитников ислама*, в новом движении не занимает никаких должностей, а сами они ставят исключительно образовательные и просветительские цели. Вместе с тем, некоторыми индонезийскими СМИ подчеркивалось, что появление новой организации, претендующей на консолидацию исламистов, без согласия и одобрения со стороны Ризика Шихаба было фактически невозможно¹⁰. Эта идея фактически стала общим местом в ряде публикаций индонезийских СМИ¹¹, которые ранее участвовали в информационной кампании против *Фронта защитников ислама*. Поэтому в 2021–2022 гг. *Фронт исламского братства* апеллировал к лозунгам толерантности (Syahri, 2021), демонстративно отстранялся от политики, хотя в 2022 г. некоторые индонезийские СМИ подчеркивали, что исламисты могут поддержать губернатора Джакарты Аниса Басведана, хотя лидеры *Фронта* дезавуировали эти заявления, подчеркнув нейтральность организации¹².

Вместе с тем известно, что Анис Басведан в октябре 2022 г. встречался с Ахмадом Ризиком Шихабом¹³, хотя детали их беседы, которая, скорее всего, касалась религиозных вопросов¹⁴, состоявшиеся после участия в совместной

⁹ Potret Islamisme di Indonesia. (2021, February 21). *Islamina*. Retrieved February 16, 2024, from <https://islamina.id/potret-islamisme-di-indonesia/>

¹⁰ Sachril Agustin Berutu. (2021, January 5). FPI Ganti Nama Lagi, Front Persatuan Islam Jadi Front Persaudaraan Islam. *Detik News*. Retrieved February 16, 2024, from <https://news.detik.com/berita/d-5321568/fpi-ganti-nama-lagi-front-persatuan-islam-jadi-front-persaudaraan-islam>

¹¹ Harits Tryan Akhmad. (2021, January 09). Habib Rizieq Sudah Restui Front Persaudaraan Islam. *Sindo News*. Retrieved February 16, 2024, from <https://nasional.sindonews.com/read/295446/13/habib-rizieq-sudah-restui-front-persaudaraan-islam-1610172104>

¹² Ihsanuddin. (2022, Juni 9). Massa Mengaku FPI dan Beratribut HTI Deklarasi Dukung Anies, Benarkah Ada Gerakan Intelijen Dibaliknya? *Kompas*. Retrieved February 16, 2024, from <https://megapolitan.kompas.com/read/2022/06/09/16355101/massa-mengaku-fpi-dan-beratribut-hti-deklarasi-dukung-anies-benarkah-ada>

¹³ Refi Sandi, M. (2022, Oktober 8). Anies Bertemu dengan Habib Rizieq, FPI: Tidak Ada Obrolan Khusus. *Sindo News*. Retrieved February 16, 2024, from <https://metro.sindonews.com/read/906983/170/anies-bertemu-dengan-habib-rizieq-fpi-tidak-ada-obrolan-khusus-1665202255>

¹⁴ Refi Sandi, M. (2022, Oktober 8). Ini Doa Habib Rizieq Shihab untuk Anies Baswedan. *Sindo News*. Retrieved February 16, 2024, from <https://metro.sindonews.com/read/907037/170/ini-doa-habib-rizieq-shihab-untuk-anies-baswedan-1665205830>

молитве¹⁵, остались для СМИ неизвестными, что стимулировало экспертов и аналитиков объявить губернатора происламистским кандидатом на президентских выборах 2024 г. Поддержка со стороны исламистов А. Басведана указывала на существенные изменения в используемой ими тактике. Комментируя эти изменения в индонезийской политике, Нава Нурания подчеркивает: «...прошли те времена, когда их добровольцы ходили от дома к дому и распространяли пропаганду в Интернете, обвиняя политических соперников в том, что они являются китайскими коммунистическими агентами. Они больше не описывают выборы в апокалиптических терминах, когда один кандидат изображается как злая сила, а другой прославляется как спаситель... Вместо этого исламистские активисты... решили подчеркнуть приверженность тому, что они называют “этической политикой”, используя исламистский эвфемизм для описания управления, основанного на исламской морали... стиль предвыборной кампании исламистов изменился, что проявилось в отказе от страстной идеологической агитации в направлении более уравновешенного стиля, отражая общее снижение идеологической поляризации»¹⁶.

Руководство Фронта ограничилось чрезвычайно общими заявлениями о своих предпочтениях накануне выборов 2024 г., подчеркивая, что «Аллах даст Индонезии благочестивого и справедливого лидера, который боится Аллаха, любит Пророка Мухаммеда, любит свой народ, искренне любит Индонезию и принесет стране процветание и справедливость»¹⁷. Индонезийские политические эксперты Александр Р. Арифianto и Айся Путри Будиатри в связи с этим полагают, что в 2024 г. «поддержка исламскими группами кандидатов в президенты обусловлена главным образом политическим оппортунизмом, а не резкими идеологическими разногласиями»¹⁸, что указывает на растущие тенденции эрозии идеологии радикального ислама.

В 2023 г., накануне президентских выборов 2024 г., лидеры исламистов решили в еще большей степени актуализировать эту позицию, подчеркнув, что Фронт ориентирован на участие в развитии образования и гуманитарную дея-

¹⁵ Refi Sandi, M. (2022, Oktober 8). Bertemu Habib Rizieq, Anies: Enggak Ngobrol Macam-macam. *Sindo News*. Retrieved February 16, 2024, from <https://metro.sindonews.com/read/907333/171/bertemu-habib-rizieq-anies-enggak-ngobrol-macam-macam-1665234629>

¹⁶ Nuraniyah, N. (2024, February 1). Indonesian Islamists' pragmatic pivot in 2024. *New Mandala*. Retrieved February 16, 2024, from <https://www.newmandala.org/indonesian-islamists-pragmatic-pivot-in-2024/>

¹⁷ Front Persaudaraan Islam: Calon Presiden 2024 Kami, yang Takut pada Allah. Ia pun berdoa ke depan Indonesia bisa mendapatkan pemimpin yang soleh dan mencintai umatnya Nabi Muhammad SAW. (2023, Juli 31). *Sumatera*. Retrieved February 16, 2024, from <https://sumatera.suara.com/read/2023/07/31/154849/front-persaudaraan-islam-calon-presiden-2024-kami-yang-takut-pada-allah>

¹⁸ Arifianto, A.R., & Putri Budiatri, A. (2024, January 22). From polarisation to opportunism: organised Islam and the 2024 elections. Personal and patronage ties are once again at the fore. *New Mandala*. Retrieved February 16, 2024, from <https://www.newmandala.org/from-polarisation-to-opportunism-organised-islam-and-the-2024-elections/>

тельность¹⁹. Такая активность *Фронта* вызывает обеспокоенность со стороны правительства, которая склонна видеть в ней «очень угрожающую идеологию под названием “ваххабизм”»²⁰. Подобная политическая программа *Фронта* носит в значительной степени формальный и декларативный характер, отражая значительные адаптивные способности мусульманского радикализма, которые он актуализировал по мере постепенного кризиса и упадка умеренного и либерального ислама в Индонезии (Akmaliah, 2020).

Выборы 2024 г. и перспективы развития исламизма

Очередные президентские выборы, озаглавленные традиционной двусторонней конкуренцией между кандидатами, поддерживающими светские тенденции и исламскую альтернативу, состоялись в Индонезии 14 февраля 2024 г. Конкуренция исламистов и националистов является важной компонентой политической культуры Индонезии, начиная с перехода к демократии в 1998 г. Министр обороны 72-летний Прабово Субианто, которого поддержал предыдущий президент Джоко Видодо, набрал 58% голосов. Анис Басведан, ранее бывший губернатором Джакарты, которого поддержали исламские группировки, набрал всего 23%.

В целом, результаты выборов показывают, что светско-исламская фрагментация общества является одной из реальных и системных характеристик политической культуры Индонезии. Политика социальной и экономической модернизации, в основе которой лежит светский и технократический национализм, будет продолжаться новым президентом. Что касается дальнейшего развития отношений между светской элитой и исламскими группировками, то результаты выборов «развязали руки» двум сегментам современного индонезийского общества. С 2021 по 2024 г. правительство, запретившее в конце 2020 г. деятельность *Фронта защитников ислама*, не принимало жестких мер против *Фронта исламского братства* – организации, которая фактически стала его политической, идеологической и духовной реинкарнацией.

Сами исламисты изменили собственную стратегию, временно отказавшись от резкой критики политики правительства и нападков на Панчасилу – официальную идеологию государства. В современных реалиях результаты выборов фактически означают конец временного консенсуса между светской элитой и их критиками и противниками, представленными сторонниками политического ислама, который консолидируется вокруг исламистских группировок. Поэтому, вероятно, целесообразно прогнозировать, что в ближайшем будущем традиционная модель отношений между исламистами и элитами, основанная на конфронтации, будет

¹⁹ Mita Amalia Hapsari, & Ambaranie Nadia Kemala Movanita. (2022, Juni 9). Didirikan Mantan Anggota dan Simpatisan, Apa Perbedaan Front Persaudaraan Islam dan Front Pembela Islam? *Kompas*. Retrieved February 16, 2024, from <https://megapolitan.kompas.com/read/2022/06/09/17260081/didirikan-mantan-anggota-dan-simpatisan-apa-perbedaan-front-persaudaraan>

²⁰ Sui-Lee Wee. (2023, April 12). The Young Muslims Challenging Islam's Status Quo. *The New York Times*. Retrieved February 16, 2024, from <https://www.nytimes.com/2023/04/12/world/asia/indonesia-muslim-hijrah-youth.html>

вновь актуализирована, что приведет как к активизации критики правительства со стороны исламистов, так и возобновлению репрессий в отношении последних.

Выводы

Подводя итоги, следует принимать во внимание ряд факторов, которые самым существенным образом влияют на основные векторы и траектории развития радикального политического ислама в современной Индонезии.

Запрет в 2020 г. *Фронта защитников ислама* фактически стал началом нового этапа в истории радикального политического ислама в Индонезии. Ликвидация *Фронта* привела к временной дестабилизации радикального исламистского дискурса, что позволило освободить политическое пространство от радикалов. Подобная санация политического поля носила исключительно временный характер, чем и воспользовались индонезийские исламисты. На протяжении первой половины 2020-х гг. сторонники радикального ислама активно воспользовались предоставленными ими в рамках существующего законодательства возможностями, что позволило им в определенной степени консолидироваться и восстановить свои политические позиции. Современные политические организации, которые с определенной долей условности могут быть определены в качестве наследников *Фронта защитников ислама*, демонстрируют идеологическому преемственности с организацией, запрещенной в 2020 г. В этом отношении, с точки зрения идеологии, политический ислам его радикальной версии на территории Индонезии представляет собой крайне стабильное и консервативное политическое течение.

Что касается организационной структуры, то в этом контексте политический ислам является не системным движением, которое в современной Индонезии оказывается не в состоянии предложить и выработать консолидированный ответ, позволяющий противникам существующего режима представить альтернативную точку зрения, основанную не на светской идеологии, а на радикальном политическом исламе.

Список литературы

1. Безменов, В.В. (2023). Хронология политико-религиозной эволюции исламской организации «Нахдатул Улама». *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 44, 102–110. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.44.102>
2. Гаджиев, Т.Ф. (2020). Еще раз к вопросу об исламизации Индонезии. *Ислам в современном мире*, 16(1), 193–210. <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2020-16-1-193-210>
3. Другов, А.Ю. (2023а). Индонезия между идеологией и реальностью: социальное расслоение. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 4(3), 64–77. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2023-4-3-60-064-077>
4. Другов, А.Ю. (2023б). Религиозная ситуация в Индонезии – национализм против радикального ислама. *Юго-Восточная Азия: актуальные*

проблемы развития, 5(4), 84–101. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-084-101>

5. Ефимова, Л.М. (2018). Ислам и власть в современной Индонезии: поиски баланса в условиях демократии. Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2(4), 69–87.

6. Мосяков, Д.В., Хрящева, Н.М. (2013). Сценарии для Индонезии до 2050 г. *Восточная аналитика*, (4), 16–19.

7. Adiwilaga, R. (2017). Gerakan Islam Politik dan Proyek Historis Penegakan Islamisme di Indonesia. *Jurnal Wacana Politik*, 2(1). <https://doi.org/10.24198/jwp.v2i1.11373>

8. Akmaliah, W. (2020). The Demise of Moderate Islam: New Media, Contestation, and Reclaiming Religious Authorities. *Indonesian Journal of Islam and Muslim Societies*, 10(1), 1–24. <https://doi.org/10.18326/ijims.v10i1.1-24>

9. Al Qurtuby, S. (2023). Mobilisasi Islamis di Indonesia. *Kyoto Review of Southeast Asia*, (35). Retrieved February 16, 2024, from <https://kyotoreview.org/bahasa-indonesia/indonesias-islamist-mobilization-bahasa/>

10. Arifianto, A.R. (2018). Quo Vadis Civil Islam? Explaining Rising Islamism in Post-Reformasi Indonesia. *Kyoto Review of Southeast Asia*, (24). Retrieved February 16, 2024, from <https://kyotoreview.org/issue-24/rising-islamism-in-post-reformasi-indonesia/>

11. Bahtiar, E. (2000). *Repolitikasi Islam: pernahkah Islam berhenti berpolitik?* Bandung: Mizan.

12. Bruinessen, M. van. (2014). *Contemporary Developments in Indonesian Islam: Explaining the Conservative Turn*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies Publishing, 2013.

13. Fakhrollah, A., Bakti, A. Hermansah, T., & Fanshoby, M. (2023). The Salafi da'wa movement in Jakarta from the perspective of media glocalization. *International Journal of Islamic Studies and Humanities*, 6(2). <https://doi.org/10.26555/ijish.v6i2.8728>. Retrieved March 5, 2024, from <http://journal2.uad.ac.id/index.php/ijish>

14. Hakim, L.N. (2023). *Islamism and the Quest for Hegemony in Indonesia*. Singapore: Palgrave Macmillan.

15. Hasan, N. (2008). *Public Islam in Indonesia: Piety, Politics, and Identity*. Amsterdam: Amsterdam University Press.

16. Hilmy, M. (2009). *Teologi perlawanan: Islamisme dan diskursus demokrasi di Indonesia pasca-orde baru*. Yogyakarta: Kanisius.

17. Hilmy, M. (2010). *Islamism and Democracy in Indonesia Piety and Pragmatism*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies.

18. Johnson Tan, P. (2018). Normal Baru: Demokrasi Indonesia Duapuluh Tahun setelah Suharto. *Kyoto Review of Southeast Asia*, (24). Retrieved February 16, 2024, from <https://kyotoreview.org/issue-24/normal-baru-demokrasi-indonesia-duapuluh-tahun-setelah-suharto/>

19. Kikue Hamayotsu, (2018). Koalisi Moderat-Radikal atas Nama Islam: Islam Konservatif di Indonesia dan Malaysia. *Kyoto Review of Southeast Asia*, (23). Retrieved February 16, 2024, from <https://kyotoreview.org/bahasa-indonesia/conservative-islamism-indonesia-malaysia-bahasa/>

20. Liddle, W. (1996). The Islamic Turn in Indonesia: A Political Explanation. *Journal of Asian Studies*, 55(3), 613–634. <https://doi.org/10.2307/2646448>

21. Menchik, J. (2016). *Islam and Democracy in Indonesia: Tolerance Without Liberalism*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. Platzdasch, B. (2009). *Islamism in Indonesia: Politics in the Emerging Democracy*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies.
23. Syahri. (2021). *Moderasi Islam. Konsep dan Aplikasinya dalam Pembelajaran di Perguruan Tinggi*. Mataram: UIN Mataram Press.
24. Turmudi, E. (2018). Puritanism vis-a-vis Traditionalism: Islam in Modern Indonesia. *Harmoni*, 11(2), 25–42.
25. Yasih, D., & Hadiz, V.R. (2023). Precarity and Islamism in Indonesia: the contradictions of neoliberalism. *Critical Asian Studies*, 55(1), 83–104. <https://doi.org/10.1080/14672715.2022.2145980>

References

1. Adiwilaga, R. (2017). Gerakan Islam Politik dan Proyek Historis Penegakan Islamisme di Indonesia. *Jurnal Wacana Politik*, 2(1). <https://doi.org/10.24198/jwp.v2i1.11373>
2. Akmaliah, W. (2020). The Demise of Moderate Islam: New Media, Contestation, and Reclaiming Religious Authorities. *Indonesian Journal of Islam and Muslim Societies*, 10(1), 1–24. <https://doi.org/10.18326/ijims.v10i1.1-24>
3. Al Qurtuby, S. (2023). Mobilisasi Islamis di Indonesia. *Kyoto Review of Southeast Asia*, (35). Retrieved February 16, 2024, from <https://kyotoreview.org/bahasa-indonesia/indonesias-islamist-mobilization-bahasa/>
4. Arifianto, A.R. (2018). Quo Vadis Civil Islam? Explaining Rising Islamism in Post-Reformasi Indonesia. *Kyoto Review of Southeast Asia*, (24). Retrieved February 16, 2024, from <https://kyotoreview.org/issue-24/rising-islamism-in-post-reformasi-indonesia/>
5. Bahtiar, E. (2000). *Repolitisasi Islam: pernahkah Islam berhenti berpolitik?* Bandung: Mizan.
6. Bezmenov, V.V. (2023). Khronologiya politiko-religioznoy evolyutsii islamskoy organizatsii “Nakhdatul Ulama” [Chronology of the political-religious evolution of the Islamic organization “Nahdatul Ulama”]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 44, 102–110. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.44.102>
7. Bruinessen, M. van. (2014). *Contemporary Developments in Indonesian Islam: Explaining the Conservative Turn*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies Publishing, 2013.
8. Drugov, A. Yu. (2023a). Indoneziya mezhdue ideologiy i real'nost'yu: sotsial'noe rassloenie [Indonesia between ideology and reality: social stratification]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 4(3), 64–77. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2023-4-3-60-064-077>
9. Drugov, A. Yu. (2023b). Religioznaya situatsiya v Indonezii – natsionalizm protiv radikal'nogo islama [Religious situation in Indonesia: nationalism against radical Islam]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 5(4), 84–101. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-084-101>

10. Efimova, L.M. (2018). Islam i vlast' v sovremennoy Indonezii: poiski balansa v usloviyakh demokratii [Islam and power in modern Indonesia: the search for balance in democracy]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 2(4), 69–87.
11. Fakhrullah, A., Bakti, A. Hermansah, T., & Fanshoby, M. (2023). The Salafi da'wa movement in Jakarta from the perspective of media glocalization. *International Journal of Islamic Studies and Humanities*, 6(2). <https://doi.org/10.26555/ijish.v6i2.8728>. Retrieved March 5, 2024, from <http://journal2.uad.ac.id/index.php/ijish>
12. Gadzhiev, T.F. (2020). Eshche raz k voprosu ob islamizatsii Indonezii [One more time on the Islamization of Indonesia]. *Islam v sovremennom mire*, 16(1), 193–210. <https://doi.org/10.22311/2074-1529-2020-16-1-193-210>
13. Hakim, L.N. (2023). *Islamism and the Quest for Hegemony in Indonesia*. Singapore: Palgrave Macmillan.
14. Hasan, N. (2008). *Public Islam in Indonesia: Piety, Politics, and Identity*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
15. Hilmy, M. (2009). *Teologi perlawanan: Islamisme dan diskursus demokrasi di Indonesia pasca-orde baru*. Yogyakarta: Kanisius.
16. Hilmy, M. (2010). *Islamism and Democracy in Indonesia Piety and Pragmatism*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies.
17. Johnson Tan, P. (2018). Normal Baru: Demokrasi Indonesia Duapuluh Tahun setelah Suharto. *Kyoto Review of Southeast Asia*, (24). Retrieved February 16, 2024, from <https://kyotoreview.org/issue-24/normal-baru-demokrasi-indonesia-duapuluh-tahun-setelah-suharto/>
18. Kikue Hamayotsu, (2018). Koalisi Moderat-Radikal atas Nama Islam: Islam Konservatif di Indonesia dan Malaysia. *Kyoto Review of Southeast Asia*, (23). Retrieved February 16, 2024, from <https://kyotoreview.org/bahasa-indonesia/conservative-islamism-indonesia-malaysia-bahasa/>
19. Liddle, W. (1996). The Islamic Turn in Indonesia: A Political Explanation. *Journal of Asian Studies*, 55(3), 613–634. <https://doi.org/10.2307/2646448>
20. Menchik, J. (2016). *Islam and Democracy in Indonesia: Tolerance Without Liberalism*. Cambridge: Cambridge University Press.
21. Mosyakov, D.V., & Khryashcheva, N.M. (2013). Stsenarii dlya Indonezii do 2050 g. [Scenarios for Indonesia until 2050]. *Vostochnaya analitika*, (4), 16–19.
22. Plattdasch, B. (2009). *Islamism in Indonesia: Politics in the Emerging Democracy*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies.
23. Syahri. (2021). *Moderasi Islam. Konsep dan Apbilasinya dalam Pembelajaran di Perguruan Tinggi*. Mataram: UIN Mataram Press.
24. Turmudi, E. (2018). Puritanism vis-a-vis Traditionalism: Islam in Modern Indonesia. *Harmoni*, 11(2), 25–42.
25. Yasih, D., & Hadiz, V.R. (2023). Precarity and Islamism in Indonesia: the contradictions of neoliberalism. *Critical Asian Studies*, 55(1), 83–104. <https://doi.org/10.1080/14672715.2022.2145980>

Информация об авторе

Максим Валерьевич Кирчанов, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, e-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Information about the author

Maksym W. Kyrchanoff, Doctor of History (habil.), Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Countries Economics, Faculty of International Relations, Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Faculty of History, Voronezh State University, Voronezh, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>, e-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

УДК 342.7:341.231.14

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_155

МОНИТОРИНГ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Валентина Викторовна Руденко,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
emikh.valentina@gmail.com

*Получена 04.11.2024.**Поступила после рецензирования 20.01.2025.**Принята к публикации 05.02.2025.*

Для цитирования: Руденко В.В. Мониторинг прав человека в России: настоящее и будущее // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 1. С. 155–172. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_155

Аннотация

В статье исследуется опыт использования мониторинга прав человека в России и в мире и анализируются перспективы его использования в будущем для развития российской правовой системы. Рассмотрены теоретические основы мониторинга прав человека, включая определение правового мониторинга и его видов. Автор формулирует дефиницию мониторинга прав человека как комплексной системной деятельности уполномоченных субъектов по отслеживанию ситуации с правами человека на определенной территории на основе сбора и обработки информации по специально разработанной методике. На основе имеющегося мирового опыта изучены проблемы разработки методики мониторинга прав человека и названы преимущества и недостатки отдельных методов данного мониторинга. Рассмотрен вопрос об информационном обеспечении мониторинга прав человека. Сделан вывод о необходимости развития механизмов данного мониторинга на уровне межправительственных организаций в постсоветском пространстве, а также обозначены направления совершенствования российской правовой системы по вопросам мониторинга прав человека: 1) институционализация на законодательном уровне мониторинга прав человека, 2) разработка методик данного мониторинга с дифференци-

© Руденко В.В., 2025

ацией по видам реализуемого мониторинга, функционала органа, осуществляющего мониторинг, цели мониторинга, 3) поддержка в различных формах государством мониторинговых исследований, проводимых неправительственными организациями, 4) развитие взаимодействия органов публичной власти и неправительственных организаций при осуществлении мониторинга, 5) создание информационной системы, обеспечивающей обработку и хранение информации, касающейся мониторинга прав человека в России.

Ключевые слова:

мониторинг прав человека, правовой мониторинг, мониторинг правоприменения, методика мониторинга, показатели мониторинга

УДК 342.7:341.231.14

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_155

MONITORING HUMAN RIGHTS IN RUSSIA: CURRENT STATUS AND FUTURE PROSPECTS

Rudenko, V.V.

Valentina V. Rudenko,
Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
emikh.valentina@gmail.com

Received 04.11.2024.

Revised 20.01.2025.

Accepted 05.02.2025.

For citation: Rudenko V.V. (2025). Monitoring Human Rights in Russia: Current Status and Future Prospects. *Discourse-P*, 22(1), 155–172 (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_155

Abstract

The research evaluates monitoring of human rights in Russia and globally, analyzing its future prospects for the development of the Russian legal system. It examines the theoretical foundations of human rights monitoring, including definitions and types of legal monitoring. The author defines monitoring of human rights as a comprehensive, systematic activity conducted by authorized entities to assess the human rights situation in a specific territory through the collection and processing of information using a clearly defined methodology. The present article addresses the challenges of developing effective methods for monitoring human rights based on existing practices, highlighting the advantages and disadvantages of various approaches. It also examines the issue of

information support for human rights monitoring. The author concludes that it is crucial to develop mechanisms for monitoring human rights at the level of intergovernmental organizations in the post-Soviet space. Additionally several directions for improving the Russian legal system regarding human rights monitoring are proposed: 1) institutionalizing human rights monitoring as a function of government bodies at the legislative level; 2) developing differentiated methods for monitoring based on types, functionality, and goals; 3) providing state support in various forms for studies conducted by non-governmental organizations; 4) enhancing collaboration between public authorities and NGOs in the implementation of human rights monitoring; 5) creating an information system to process and store data related to human rights monitoring in Russia.

Keywords:

human rights, monitoring, legal monitoring, law enforcement monitoring, monitoring methodology, monitoring indicators

Введение

Значимость прав человека в современном мире трудно переоценить. Именно этот фактор и в определенной степени универсализм позволили им стать политическим и правовым инструментами как на международном, так и на национальном уровнях. Мониторинг прав человека является элементом контрольных механизмов за деятельностью органов публичной власти, их должностных лиц и иных субъектов права за соблюдением прав человека, а также за обеспечением условий для их соблюдения, то есть в этом плане мониторинг выступает в качестве компонента механизма гарантирования прав человека. В международном праве данный мониторинг является составной частью механизма обеспечения обязательств государств, принятых ими в результате присоединения к международным организациям и подписания международных правовых актов. Мониторинг можно рассматривать и как инструмент воздействия международного сообщества на государства, а также как один из способов борьбы за власть.

В России в настоящее время происходит переосмысление западных концептов, идей, ценностей, что обусловлено геополитической ситуацией. Концепт прав человека также приобретает специфику в российской политико-правовой системе, происходит поиск новых механизмов защиты прав человека и способов контроля соблюдения прав человека. Мониторинг прав человека не институализирован на законодательном уровне и как отдельная функция органами публичной власти не осуществляется, но в инициативном порядке может быть реализован любым заинтересованным субъектом, в том числе правозащитными организациями, образовательными организациями. Также органы публичной власти используют инструментарий данного мониторинга при реализации других функций. Так, Министерство внутренних дел Российской Федерации отслеживает соблюдение прав мигрантов при реализации мер по укреплению правопорядка в сфере миграции и контролем за миграционными

потоками. Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки, проводя мероприятия по оценке качества образования, использует инструменты мониторинга соблюдения права на образование. Уполномоченные по правам человека реализуют деятельность по мониторингу прав человека при подготовке докладов о своей деятельности, которые содержат оценку ситуации с правами человека на определенной территории и в конкретной сфере в зависимости от компетенции уполномоченных.

В рамках настоящей статьи исследуется опыт использования мониторинга прав человека в России и перспектив его проведения в будущем, для чего ставятся следующие исследовательские задачи: 1) проанализировать теоретические основы мониторинга прав человека, включая определение понятия правового мониторинга и его видов; 2) исследовать проблемы методики мониторинга прав человека; 3) рассмотреть вопрос об информационном обеспечении мониторинга прав человека; 4) предложить направления развития российской правовой системы по вопросам мониторинга прав человека.

Мониторинг прав человека: понятие и соотношение с правовым мониторингом, экспертизой нормативных актов и научным исследованием

Общепринято под мониторингом понимать отслеживание состояния какого-либо процесса или объекта на основании сбора, анализа и обобщения информации¹. Мониторинг (англ. *monitoring* – наблюдение, слежение) – это система постоянных наблюдений, оценки и прогноза изменений какого-либо природного, социального и тому подобного объекта. Данное определение базируется на этимологии рассматриваемого слова. Наиболее близки к понятию «мониторинг» по смысловому значению такие термины как «диагностика» и «наблюдение». Объекты мониторинга разнообразны: окружающая среда, финансовые процессы, правовые явления, общественные процессы и др. Для понимания сути конкретного вида мониторинга необходимо учитывать не только его объект, но и критерии мониторинга (его предмет). В отдельных случаях имеет значение также цель мониторинга, его методика, субъект, его осуществляющий, периодичность его осуществления и внешний контекст его осуществления в целом.

При первом рассмотрении мониторинг прав человека отличает особый объект – в рамках мониторинга прав человека оценивается ситуация с правами человека, то есть общественные отношения, связанные с соблюдением и защитой прав человека, причем не обязательно урегулированные правом. Данный объект может быть также объектом других видов мониторинга и сходных с ними исследований (например, правового мониторинга, социологического исследования). В отдельных случаях мониторинг сводится к оценке соответствия реальности правовым нормам, регламентирующим права человека, и к оценке правоприменительного процесса в области прав человека (Акопова, 2018). Тогда возникает

¹ Большая российская энциклопедия. Взято 14 мая 2024, с <https://old.bigenc.ru/economics/text/2227291>

вопрос о целесообразности выделения понятия мониторинга прав человека в качестве самостоятельной категории наряду с правовым мониторингом, поскольку именно предмет отличает мониторинг прав человека от смежных мониторинговых исследований, представляющих собой системы информационного наблюдения. Предмет в свою очередь определяется исходя из целей мониторинга, и именно предмет обуславливает методику мониторинга. Права человека исследуются также и в социологических исследованиях, но под специфическим углом зрения, что и будет определять предмет. Например, оценка общественностью ситуации с правами человека – предмет социологического исследования, оценка соблюдения прав человека с точки зрения соответствия национальному праву – предмет правового мониторинга, комплексная оценка ситуации с правами человека – предмет мониторинга прав человека. Именно такое понимание мониторинга прав человека как комплексной оценки ситуации с правами человека с точки зрения права, политологии, социологии и других отраслей научных знаний позволяет отграничить данное понятие от смежных мониторинговых исследований. В таком понимании понятия правового мониторинга и мониторинга прав человека пересекаются. Использование данного вида мониторинга в отличие от собственно правового мониторинга более выигрышно в том плане, что позволяет не только выявить случаи несоблюдения прав человека и оценить действия (бездействие) правоохранительных и правоохранительных структур и иных вовлеченных субъектов с точки зрения права, но и проанализировать социальные, исторические, экономические и политические факторы выявленных нарушений. В ходе правовой экспертизы нормативных правовых актов (их проектов) и правового мониторинга также оценивается соблюдение прав человека, но исключительно с точки зрения права. Данные институты являются взаимодополняющими. Очевидно, что комплексный характер мониторинга прав человека предполагает вовлечение экспертов из разных областей знаний, в связи с этим перспективно создание центров мониторинга прав человека на базе многопрофильных вузов. Органы публичной власти при осуществлении мониторинга имеют возможность и на сегодняшний день привлекать экспертов, но это требует расходования бюджетных средств.

Важно также отличать мониторинг прав человека от научных исследований прав человека. В рамках исследований также может оцениваться ситуация с правами человека, но ключевая цель такого рода деятельности – это получение нового научного знания посредством широкого спектра методологического арсенала. Методика (не методология!) мониторинга прав человека должна быть заранее четко определена и включать систему показателей, поскольку мониторинг преследует цель отслеживания ситуации с правами человека во временном континууме – наличие системы показателей дает возможность проведения сравнительного анализа в будущем. Системность – один из ключевых признаков понятия мониторинга прав человека.

Тесным образом переплетаются понятия мониторинга, научного исследования и экспертной деятельности. Российское законодательство регламентирует судебно-экспертную деятельность в рамках судебного процесса, устанавливая в качестве ключевых следующие признаки такой деятельности: 1) осуществление уполномоченным субъектом в лице государственных судебно-экспертных учреждений и судебных экспертов, 2) особая процессуальная форма осуществления,

в том числе особые требования к оформлению результатов, 3) существенность устанавливаемых обстоятельств для конкретного дела². Помимо организационной и аналитической составляющей такая деятельность может включать и техническую часть (например, экспертизы в области градостроительства (Вершинина и др., 2003)). Экспертная деятельность зачастую базируется на определенных достижениях научного и технического прогресса, поэтому она может включать в себя и научную составляющую, но в заранее заданных целях и методических границах.

Отдельные авторы рассматривают экспертизу в контексте мониторинга. В рамках разработанной Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации концепции правового мониторинга экспертиза рассматривается в рамках правового мониторинга. В частности, антикоррупционная экспертиза обозначена как разновидность правового мониторинга (Тихомиров, Горохов, 2009, с. 130–136).

В то же время в законодательстве понятия антикоррупционной экспертизы, правовой экспертизы нормативных актов, мониторинга правоприменения разводятся как отдельные виды деятельности уполномоченных субъектов³. Оба описанных подхода содержат рациональное зерно. Экспертиза, мониторинг и научное исследование могут быть разведены, исходя целей их осуществления. Экспертная деятельность осуществляется в целях разрешения конкретных вопросов, требующих специальных познаний в какой-либо области (науке, технике, искусстве, ремесле), мониторинг проводится с целью наблюдения и оценки состояния определенного объекта, а научное исследование – для получения нового научного знания. В то же время содержательно данные виды деятельности часто пересекаются: так, в ходе научного исследования ученый может осуществлять и мониторинговую, и экспертную деятельность, в ходе мониторинга прав человека может проводиться экспертная и даже в отдельных случаях научная деятельность. Вместе с тем понимание сущности данных видов деятельности имеет значение для правовой регламентации вопросов организации публичной власти в России.

Сложность разведения анализируемых понятий видна на примере научной дискуссии о правовой природе этнологической экспертизы (Функ, 2018; Новожилов и др., 2019; Филиппова, 2024). Этнологическая экспертиза может рассматриваться как научная оценка этносоциальных последствий для общих условий развития

² Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». *Собрание законодательства Российской Федерации*, 2001, № 23, ст. 2291.

³ Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» (2011). *Российская газета*, 25 мая; Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (2009). *Российская газета*, 22 июля; Регламент Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации (приложение к Постановлению Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД). *Собрание законодательства Российской Федерации*, 1995, № 18, ст. 1613.

коренных малочисленных народов в результате управленческой деятельности (этот подход воспринят в Федеральном законе от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»), а может и как экспертиза воздействия конкретных будущих или реализуемых промышленных проектов на местные сообщества. Так или иначе, этнологическая экспертиза связана с механизмами гарантирования прав коренных малочисленных народов на возмещение убытков и другими их правами. Мониторинг прав коренных малочисленных народов предполагает отслеживание защиты, соблюдения и реализации прав коренных малочисленных народов во временном континууме. Таким образом, понятия этнологической экспертизы, мониторинга прав коренных малочисленных народов, научных исследований в области защиты прав коренных малочисленных народов связаны теснейшим образом.

В качестве мониторинга прав человека представляется необходимым понимать комплексную системную деятельность уполномоченных субъектов по отслеживанию ситуации с правами человека на определенной территории на основе сбора и обработки информации по специально разработанной методике.

Классификация мониторинга прав человека

Классификация мониторинга прав человека на *международный* и *национальный* имеет эпистемологическое значение. Различные правовые системы, в рамках которых осуществляются данные виды мониторинга, задают различия в институтах, осуществляющих данные виды мониторинга, критериях и целях их осуществления. Цели международного мониторинга – помочь правительствам применять международные стандарты в области прав человека, получить механизмы давления на правительства с целью реализации международных стандартов и норм в области прав человека, помочь лицам, чьи права были нарушены, восстановить их права, выявить конфликтные зоны, чтобы пресечь их перерастание в конфликт⁴. На национальном уровне целями мониторинга являются повышение эффективности права в области прав человека, включая совершенствование законодательства и содействие коррекции правоприменительной практики, выявление нарушений прав человека и содействие восстановлению нарушенных прав, выявление и анализ факторов, влекущих нарушения прав человека, и содействие их устранению.

В процесс международного мониторинга вовлечены как международные организации, так и государственные структуры и неправительственные организации на национальном уровне. На уровне международных организаций структуры, занимающиеся мониторингом прав человека, варьируются. Так, на уровне ООН мониторинг осуществляют комитеты, чья деятельность основана на базе междуна-

⁴ Guzman, M., Verstappen, B. (2003). *What is monitoring?* (p. 14). Retrieved May 14, 2024, from <https://huridocs.org/wp-content/uploads/2020/12/whatismonitoring-eng.pdf>

⁵ Состоит из 18 независимых экспертов, наблюдающих за выполнением государствами –участниками ООН Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. На основе поступающих от государств докладов Комитет формирует свои замечания (<https://www.ohchr.org/en/treaty-bodies/cescr>).

родных договоров (Комитет по экономическим, социальным и культурным правам⁵, Комитет против пыток⁶ и др.), специальные докладчики и другие органы комиссии ООН по правам человека (например, подкомиссия по противодействию дискриминации и защите прав меньшинств⁷), отдельные специализированные агентства (например, международная трудовая конференция в рамках МОТ⁸). Национальный мониторинг прав человека осуществляют, как правило, специализированные органы (омбудсмены, комиссии по правам человека и др.), а также правозащитные неправительственные организации, роль которых вышла за пределы лишь рассмотрения отдельных случаев нарушений прав человека и включает контроль за соблюдением принятых на себя государствами обязательств в сфере прав человека.

В ходе международного мониторинга оценивается соответствие национального законодательства международным стандартам и нормам в области прав человека, правоприменительной практики на предмет соответствия национальному законодательству, сопоставляется национальное законодательство и правоприменительная практика в различных государствах. В основе такого мониторинга прав лежит так называемый прогрессивный подход, предполагающий отслеживание в динамике реализации международных стандартов и норм в области прав человека.

Как правило, присоединяясь к определенному международному акту, государство обязуется выполнять взятые на себя обязательства, но не всегда оно выполняет данные обязательства в момент присоединения. Мониторинг прав человека становится способом получения информации о продвижении в деле выполнения принятых государством обязательств. В рамках национального мониторинга также может оцениваться соответствие национального права международным стандартам и нормам в области прав человека с целью определения дальнейших векторов развития национального права. Это осуществляется в случаях, когда государство уже взяло на себя определенные обязательства, имеет намерение присоединиться к международной организации или взять на себя обязательства, вытекающие из международного акта. Возможен национальный мониторинг, направленный исключительно на оценку соответствия поведения субъектов, задействованных в правореализационном и правоприменительном процессах, нормам национального права в области прав человека. В этом случае такой мониторинг содержательно сводится к мониторингу правоприменения.

⁵ Состоит из 10 независимых экспертов, осуществляющих мониторинг выполнения государствами – участниками Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания (<https://www.ohchr.org/en/treaty-bodies/cat>).

⁷ Функционировала до 2006 г., затем функции переданы Совету по правам человека. Проводила исследования по вопросам Всеобщей декларации прав человека и давала рекомендации по предотвращению дискриминации любого рода, защите расовых, национальных, религиозных и языковых меньшинств.

⁸ Входит в контрольную систему МОТ, рассматривает Глобальный доклад, подготовленный Международным бюро труда в рамках Декларации МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда.

Наряду с мониторингом ситуации с правами человека выделяют также мониторинг отдельных случаев нарушений прав человека (case monitoring)⁹. Он ориентирован на анализ конкретных случаев и восстановление нарушенных прав конкретных лиц. Данная классификация имеет значение для понимания методологии и предмета мониторинга прав человека. Уполномоченные по правам человека как федерального, так и регионального уровней, подготавливая ежегодные доклады о своей деятельности, осуществляют мониторинг ситуации, но с использованием мониторинга отдельных случаев нарушений прав человека. Примером мониторинга конкретных случаев может быть мониторинг проявлений агрессивной ксенофобии в 2021 г., выполненный Московским бюро по правам человека¹⁰.

В зависимости от пределов ограничения мониторинга можно выделить пространственный мониторинг (например, Ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека в Свердловской области за 2023 г.), мониторинг отдельных права или группы прав в отдельной сфере общественных отношений (например, тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «Соблюдение и защита прав человека в сфере социального обслуживания» (2024), тематический доклад Уполномоченного по правам ребенка в Свердловской области «Ребенок по доверенности» (2021)), мониторинг прав отдельной группы лиц (например, тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «Соблюдение и защита в Российской Федерации прав граждан с психиатрическими расстройствами» (2023), Доклад Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в Камчатском крае по вопросам соблюдения и защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока в Камчатском крае в 2023 году). Мониторинги, реализуемые в рамках специальных процедур Совета по правам человека ООН, подразделяются на страновые и тематические (13 и 45 соответственно в настоящее время¹¹).

По субъекту, осуществляющему мониторинг прав человека, он может быть классифицирован на правительственный (осуществляется органами публичной власти) и неправительственный (осуществляется правозащитными организациями, научными и образовательными учреждениями, центрами изучения общественного мнения (Глушкова, 2023)). В качестве примера первого можно привести доклад о проблемах реализации конституционных прав и свобод коренных малочисленных народов на территории Красноярского края в 2023 г., подготовленный Уполномоченным по правам коренных малочисленных народов в Красноярском крае. Пример второго – мониторинг проявления агрессивной ксенофобии в России, осуществляемый Московским бюро по правам человека. Роль неправительственного мониторинга прав человека сложно переоценить, поскольку именно сочетание данных двух обозначенных видов мониторинга

⁹ Ibid.

¹⁰ *Проявления агрессивной ксенофобии в Российской Федерации в феврале 2021 года.* (2021). Взято 14 мая, 2024, с <http://pravorf.org/index.php/smi-review/3021-proyavleniya-agressivnoj-ksenofobii-v-rossijskoj-federatsii-v-fevrale-2021-goda>

¹¹ [Список тематических мандатов Совета по правам человека ООН]. Взято 14 мая, 2024, с <https://spinternet.ohchr.org/ViewAllCountryMandates.aspx?Type=TM>

способно дать объективную картину ситуации с правами человека. Не случайно Универсальный периодический обзор (далее – УПО) как система мониторинга права человека в рамках Совета по правам человека ООН основан в том числе на информации от правозащитных неправительственных организаций, функционирующих на территории государства, выполнение обязательств которого оценивается в рамках УПО (Calvo, Morales, 2021, p. 45).

По способам сбора информации в ходе мониторинга прав человека можно выделить дистанционный (или удаленный) (анализ статистики, анализ материалов СМИ, анализ обращений граждан и др.), «полевой» (страновые визиты, посещение мест, где зафиксирована повышенная статистика нарушений определенных прав и др.) и смешанный мониторинг (сочетание средств обозначенных мониторингов).

Методика мониторинга прав человека: мировой и российский опыт

Сложность подбора методики мониторинга прав человека обусловлена многими факторами – вариативностью объектов и предметов мониторинга, сложностью применения универсальных показателей к разнообразным ситуациям, различным содержательным наполнением прав человека в национальном законодательстве государств и международной правовой системе, страновой спецификой, что обуславливает необходимость подбора методологического арсенала мониторинга прав человека применительно к каждому отдельному случаю и затрудняет разработку универсальной методологии мониторинга прав человека. В частности, при мониторинге прав мигрантов возникают следующие проблемы: постоянное передвижение мигрантов, затрудненный доступ к мигрантам, особенно в странах транзита, их нежелание принимать участие в интервьюировании, гендерные, этнические, социальные и другие факторы¹².

В мировой практике мониторинга прав человека накопился достаточно обширный арсенал методологических средств его проведения: анализ нарушений прав человека с точки зрения национального или международного права, метод «прогрессивной реализации» на предмет достижения государством принятых на себя международных обязательств, ситуативный анализ, мониторинг на основе количественных и качественных показателей (индикаторов), анализ статистических данных и др.¹³.

¹² *Manual on Human Rights Monitoring. Monitoring and Protecting Human Rights in the Context of Migration*. Ch. 26. Retrieved May 14, 2024, from <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/publications/2022-11-14/Chapter26-Monitoring-Protecting-HR-Migration.pdf>

¹³ Guzman, M., & Verstappen, B. (2003). *What is monitoring?* (p. 14). Retrieved May 14, 2024, from <https://huridocs.org/wp-content/uploads/2020/12/whatismonitoring-eng.pdf>; Dueck, J., Guzman, M., & Verstappen, B. (2001). *HURIDOCS Standard Formats: A Tool for Documenting Human Rights Violations*. 2nd ed., rev. Versoix: HURIDOCS; Новицки, М., Фиалова, З. (2001). *Мониторинг прав человека*. Варшава: Хельсинкский Фонд по правам человека; Ball, P., Spierer, H., & Spierer, L. (2000) (Eds.) *Making the Case: Investigating Large Scale Human Rights Violations Using Information Systems and Data Analysis* (AAAS, 2000). Retrieved May 14, 2024, from <http://shr.aaas.org/mtc/>

Весомый опыт разработки методологии данного вида мониторинга накоплен именно на международном уровне в рамках формирования контроля за выполнением государствами принятых на себя обязательств в области прав человека. Самыми общими показателями являются общие нормы или принципы в области прав человека, включая отсутствие дискриминации и равенство, участие, доступ к защите прав, доступ к информации, подотчетность, верховенство права и эффективное управление¹⁴. Далее необходимо определить линейку индикаторов в зависимости от совокупности факторов: какое конкретно право подлежит мониторингу, какое государство вовлечено в мониторинг, какие обстоятельства послужили толчком к мониторингу и др. Индикаторы могут быть классифицированы следующим образом: индикаторы, характеризующие атрибуты конкретного права; структурные индикаторы; индикаторы, характеризующие процесс реализации права; индикаторы, характеризующие результаты¹⁵. Несмотря на очевидность преимуществ оценки ситуации в области прав человека с помощью определенных показателей, а именно отслеживание изменения ситуации с течением времени, возможность сравнения ситуации в разных странах на основе одних и тех же критериев, выработка векторов развития для государства в деле соблюдения, реализации и защиты прав человека, ключевым затруднением выработки таких показателей является необходимость дифференциации системы показателей в зависимости от страновой специфики, от содержания конкретного права, специфики группы, в отношении которой проводится анализ, цели мониторинга в каждом конкретном случае. Именно поэтому попытки разработки универсальных систем показателей прав человека не были успешны (McInerney-Lankford, Sano, 2010, pp. 16–18). Необходимо также отметить проблему искусственной дихотомии показателей в зависимости от классификаций прав человека, а также проблему дезагрегации полученных данных при мониторинге прав лиц, отнесенных к определенной группе. Еще одной важной поднимаемой в научной литературе проблемой является соотношение показателей мониторинга прав человека с другими индикаторами, например, социально-экономического развития (McInerney-Lankford, Sano, 2010, pp. 20–22). Так, разработанная в рамках ООН Стратегия «Права человека и сокращение нищеты» 2004 г.¹⁶ и Руководящие принципы сокращения нищеты на основе ориентации на права человека 2003 г. отражают, по сути, показатели социально-экономического развития (Silvander, Peels, 2016). Такое пересечение показателей мониторинга прав человека и показателей социально-экономического развития не случайно, поскольку последние вытекают из содержания правовых норм, регламентирующих содержание определенных прав. Отбор показателей для мониторинга прав человека – это трудоемкий процесс, в ходе которого оценивается релевантность показателей, их соответствие междуна-

¹⁴ *Human Rights Indicators: A Guide to Measurement and Implementation*. (2012). New York; Geneva. P. 13.

¹⁵ *Human Rights Indicators: A Guide to Measurement and Implementation*. P. 39.

¹⁶ *Human Rights and Poverty Reduction. A conceptual framework*. New York and Geneva, 2004. Retrieved July 14, 2024, from <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/PovertyReductionen.pdf>

родным стандартам прав человека и национальному законодательству, понятность и простота показателей, степень независимости показателя от субъектов мониторинга и субъектов, вовлеченных в процесс реализации, соблюдения и защиты прав человека.

Анализ отдельных случаев имеет преимущество в том, что в ходе такого анализа оценке подлежат конкретные случаи нарушений прав человека или ситуации, отражающие сложности в реализации прав человека. Но в данном случае имеется существенный минус в объективности получаемой информации с учетом того, что зачастую государственные структуры стремятся скрыть реальную картину происходящего. Более того, чтобы использовать данный метод, необходимо обеспечить репрезентативность информации по всем ключевым группам населения, что крайне затруднительно, поскольку в основе этого метода всегда лежит случайная выборка. Если такой анализ применяется публично-властными структурами, то эта выборка будет ограничена компетенцией данной структуры. Кроме того, сбор полного объема информации затруднен рядом обстоятельств, начиная от ангажированности СМИ до наличия конфиденциальной или секретной информации.

Метод исследования статистических данных является слишком общим, и всегда необходимо учитывать статистические погрешности. В то же время данный метод в сочетании с другими методологическими средствами позволяет представить более объективную картину.

В качестве дополнительных методов мониторинга прав человека могут также использоваться менее затратные методы экспертных оценок и интервьюирования. Однако существенными минусами данных методов являются фактор выборки при их использовании и риск субъективизма.

В России утвержденные на официальном уровне методики проведения мониторинга прав человека отсутствуют. Анализ докладов уполномоченных по правам человека федерального и регионального уровней показывает, что чаще всего при составлении данных документов используется метод анализа ситуаций, метод анализа обращений граждан, в качестве исключения – метод массовых социологических опросов, метод экспертных опросов. В научной литературе методика мониторинга прав человека не получила детальной разработки, хотя и предпринимались отдельные попытки (Автономов, Гаврилова, 2019; Автономов, Гаврилова, 2011). Определенные методические наработки имеются в области правового мониторинга и мониторинга правоприменения, которые могут быть отчасти применены в отношении мониторинга прав человека при изучении законодательства и правоприменительной практики в ходе такого мониторинга (Арзамасов, Наконечный, 2009; Горохов и др., 2007; Павлушкин, 2012; Тихомиров, Емельянцева, 2015; Указ Президента РФ № 657, 2011¹⁷). Представляется целесообразным утверждение методик прав человека: в системе органов исполнительной власти подобная методика может быть утверждена Правительством Российской Федерации, в системе уполномоченных по правам человека – Уполномоченным по правам человека в Российской

¹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации». (2011, 25 мая). *Российская газета*.

Федерации. Наличие официальных методик будет способствовать сопоставимости результатов мониторинга прав человека.

Проблема информационного обеспечения мониторинга прав человека

Данный аспект мониторинга прав человека затрагивает два вопроса: какие источники информации необходимо использовать в ходе такого мониторинга; какие информационные системы могут быть использованы в ходе мониторинга. Ключевой принцип сбора информации при мониторинге прав человека – это получение данных из всех возможных источников для формирования объективной картины ситуации (McInerney-Lankford, Sano, 2010, p. 53). Оценить ситуацию с правами человека можно на основе поступающих в публичные структуры обращений, данные, собранные в рамках выборочных опросов или с использованием структурированных анкет, официальные статистические источники, основанные на выборочных обследованиях, переписях населения, экспертные оценки, качественные интервью в рамках фокус-групп и другие виды интервью, данные, полученные от публичных структур, в том числе из официальных информационных систем, материалы СМИ, исследования, документирующие нарушения прав человека (Автономов, Гаврилова, 2011, с. 8–10; McInerney-Lankford, Sano, 2010, pp. 16–18). Важно заранее выбрать стратегию сбора информации с учетом следующих факторов: оценки возможного спектра источников, оценки степени полноты регистрации сведений в доступных источниках, наличия информационных систем, выборки лиц, во взаимодействии с которыми можно получить информацию, сочетания официальной информации и альтернативной информации, получаемой неправительственными организациями.

Именно информация неправительственного сектора является необходимым элементом информационного обеспечения мониторинга по правам человека. Проведение неправительственными организациями исследований в области прав человека, интервьюирование экспертов по вопросам реализации и соблюдения прав, а также лиц, чьи права были нарушены, свидетельствует о развитии институтов гражданского участия на определенной территории и позволяют получить дополнительную информации при проведении мониторинга прав человека. На международном уровне существуют неправительственные инициативы по исследованию общественного мнения, в том числе и по вопросам прав и свобод человека (например, Gallup International Association, Afrobarometer и др.). Однако информация, полученная от неправительственного сектора, не всегда отвечает критериям системности и достоверности, в том числе из-за низкой информированности неправительственных организаций о способах обработки и стандартизации информации, а также нехватки ресурсов. Сами по себе мониторинги прав человека выполняют помимо ключевой функции – определения путей совершенствования правовой системе в деле прав человека, важную дополнительную функцию содействия развитию гражданского общества, обеспечивая возможность гражданского участия и функционирование гражданского общества.

Мониторинг прав человека на основе анализа обращений (собственно той деятельностью занимаются уполномоченные по правам человека при подготовке докладов о своей деятельности) отличается определенной спецификой (Середа, 2008). Увеличение роста жалоб не всегда свидетельствует о росте нарушений прав человека, потому фактор объективности может быть соблюден только в случае сопоставления информации, полученной на основе личных обращений, с другими источниками. Кроме того, анализ необходимо проводить с учетом географии нарушений, региональной специфики и дифференциации по группам лиц, чьи права нарушены (имеет значение пол, этническая принадлежность, наличие инвалидности и др. факторы), по группам нарушителей, видам восстановления прав.

Информационные системы являются источником получения информации при осуществлении мониторинга прав человека. На сегодняшний день многие органы публичной власти реализуют свою деятельность с использованием подобных систем (Федеральная государственная информационная система по реализации полномочий и функций Министерства юстиции Российской Федерации, Государственная автоматизированная система «Правосудие», Государственная автоматизированная система правовой статистики, Автоматизированная информационная система WEB-надзор и др.). Вместе с тем сведения из таких систем имеют ограниченный доступ в связи с особенностями хранимой в них информации. Необходимость создания базы данных для хранения и обработки информации, накапливающейся в аппаратах уполномоченных по правам человека, назрела давно (Кудрина, 2007). Создание подобной системы будет способствовать информационному обмену между уполномоченными по правам человека, возможности отслеживать динамику в области прав человека, облегчит взаимодействие уполномоченных по правам человека с органами публичной власти. В апреле 2023 г. было анонсировано создание Федеральной государственной информационной системы уполномоченных по правам человека (ФГИС УПЧ)¹⁸. Вместе с тем, наличие обозначенных информационных систем не закрывает проблему информационного обеспечения мониторинга прав человека в России. Представляется оправданным создание модуля «Мониторинг прав человека» в рамках ФГИС УПЧ.

Заключение

Значимость мониторинга прав человека для совершенствования национального законодательства и в целом российской правовой системы недооценена. Именно мониторинг может высветить проблемные точки в процессе реализации, соблюдения и защиты прав человека. Учет результатов данного мониторинга при разработке документов стратегического планирования может повысить их эффективность и результативность. Положительный опыт осуществления

¹⁸ Емельяненко, В. (2023, 12 сентября). *Москалькова: Запущен проект информационной системы для омбудсменов*, взято 14 мая 2024, с <https://rg.ru/2023/09/12/moskalkova-zapushchen-proekt-informacionnoj-sistemy-dlia-ombudsmenov.html?ysclid=lyyb43q57041514984>

и дальнейшего использования такого специализированного мониторинга представлен УПО в рамках ООН, который стал форумом для дискуссий о реализации стандартов в области прав человека, разработки методологических аспектов мониторинга прав человека, определения дальнейших направлений развития национального законодательства, способом контроля выполнения государствами международных обязательств в области прав человека. Развитие международных мониторингов прав человека на постсоветском пространстве является не только хорошим подспорьем для оптимизации государственной политики прав человека через выявление наиболее существенных «проблемных точек» в данной сфере, но и для становления гражданского общества в постсоветских государствах (Гаглов, 2011).

В российской правовой системе представляются перспективными следующие векторы развития: 1) институционализация на законодательном уровне мониторинга прав человека как функции государственных органов (уполномоченные по правам человека, Прокуратура Российской Федерации, Министерство юстиции Российской Федерации и др.); 2) разработка методик мониторинга прав человека с дифференциацией по видам реализуемого мониторинга, функционала органа, осуществляющего мониторинг, цели мониторинга; 3) поддержка в различных формах государством мониторинговых исследований, проводимых неправительственными организациями; 4) развитие взаимодействия органов публичной власти и неправительственных организаций при осуществлении мониторинга прав человека; 5) создание информационной системы, обеспечивающей обработку и хранение информации, касающейся мониторинга прав человека в России. Развитие данного института также возможно посредством создания центров мониторинга прав человека как отдельных некоммерческих организаций или как структурных подразделений имеющих научные и учебные организации.

Список литературы

1. Автономов, А.С., Гаврилова, И.Н. (2011). *Критерии оценки прав человека для уполномоченных по правам человека: Методические рекомендации по мониторингу прав человека на доступ к суду, на митинг и на доступ к образованию*. Москва: Юрист.
2. Автономов, А.С., Гаврилова, И.Н. (2019). Мониторинг прав человека как научная основа их оценки: критерии, показатели, индикаторы. *Юридическое образование и наука*, (2), 6–15. <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2019-2-6-15>
3. Акопова, Т.С. (Сост.). (2018). *Мониторинг соблюдения прав человека: методика и организация: учебно-методическое пособие*. Ярославль: Изд-во Ярослав. гос. ун-та.
4. Арзамасов, Ю.Г., Наконечный, Я.Е. (2009). *Мониторинг в правотворчестве: теория и методология*. Москва: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана.
5. Вершинина, О.С., Захаров, И.В., Вершинин, В.Р. (2003). Экспертная деятельность в градостроительстве. *Архитектура и строительство Москвы*, 512(6), 9–14.

6. Гаглов, С. Т. (2011). Проблема международного мониторинга соблюдения прав человека в постсоветских государствах. *Современные научные исследования и инновации*, (8). 32 с. Взято 14 мая 2024, с <https://web.snauka.ru/issues/2011/12/5718>
7. Глушкова, С. И. (2023). Мониторинг прав человека. В А. П. Семитко, С. И. Глушкова (Ред.), *Права человека: основные понятия, категории, институты: учебный словарь* (с. 177–178). Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та.
8. Горохов, Д. Б., Спектор, Е. И., Глазкова, М. Е. (2007). Правовой мониторинг: концепция и организация. *Журнал российского права*, (5), 25–38.
9. Кудрина, М. В. (2007). Информационное обеспечение деятельности института Уполномоченного по правам человека. *Вестник Астраханского государственного технического университета*, (1). 120–124.
10. Новожилов, А. Г., Вахтин, Н. Б., Арцемович, С. А., Рожкова, Ю. В., Ковальский, С. О., Функ, Д. А. (2019). «Этнологическая экспертиза» (продолжение дискуссии № 6–2018). *Этнографическое обозрение*, (4). 131–154. <https://doi.org/10.31857/S086954150006197-6>
11. Павлушкин, А. В. (Отв. ред.). (2012). *Механизм правового мониторинга: научно-практическое пособие*. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.
12. Середа, Е. В. (2008). Мониторинг соблюдения защиты прав человека и его аналитическое и правовое сопровождение. *Юридическая мысль*, (6), 123–131.
13. Тихомиров, Ю. А., Горохов, Д. Б. (Отв. ред.). (2009). *Правовой мониторинг: науч.-практ. пособие*. Москва: Юриспруденция.
14. Тихомиров, Ю. А., Емельянцева, В. П. (Отв. ред.). (2015). *Эффективность законодательства: вопросы теории и практика: монография*. Москва: Инфра-М, 2015.
15. Филиппова, Н. А. (2024). Этнологическая экспертиза: форматы и перспективы институционализации в российском праве. *Государство и право*, (3), 87–96. <https://doi.org/10.31857/S1026945224030081>
16. Функ, Д. А. (2018). «Этнологическая экспертиза»: российский опыт оценки социального воздействия промышленных проектов. *Этнографическое обозрение*, (6), 66–79. <https://doi.org/10.31857/S086954150002453-8>
17. Calvo, S., & Morales, A. (Eds.). (2021). *Social Innovation in Latin America: Maintaining and Restoring Social and Natural Capital*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780367823382>
18. McInerney-Lankford, S., & Sano, H.-O. (2010). *Human rights indicators in development: An introduction*. Washington, D. C.: The World Bank Studies.
19. Silvander, J., & Peels, R. (2016). A rights-based approach to poverty reduction. *World of Work Report*, (2), 120–142. <https://doi.org/10.1002/wow3.85>

References

1. Akopova, T. S. (Comp.) (2018). *Monitoring soblyudeniya prav cheloveka: metodika i organizatsiya: uchebno-metodicheskoe posobie* [Human rights monitoring: methodology and organization: a textbook and methodological manual]

methodology and organization: educational and methodical manual]. Yaroslavl: Izd-vo Yaroslav. gos. un-ta.

2. Arzamasov, Yu. G., & Nakonechnyy, Ya. E. (2009). *Monitoring v pravotvorchestve: teoriya i metodologiya* [Monitoring in lawmaking: theory and methodology]. Moscow: Izd-vo MG TU im. N. E. Bauman.

3. Avtonomov, A. S., & Gavrilova, I. N. (2011). *Kriterii otsenki prav cheloveka dlya upolnomochennykh po pravam cheloveka: Metodicheskie rekomendatsii po monitoringu prav cheloveka na dostup k sudu, na miting i na dostup k obrazovaniyu* [Human rights assessment criteria for human rights commissioners: Methodological recommendations for monitoring human rights to access to court, to rally and to access to education]. Moscow: Yurist.

4. Avtonomov, A. S., & Gavrilova, I. N. (2019). Monitoring prav cheloveka kak nauchnaya osnova ikh otsenki: kriterii, pokazateli, indicatory [Monitoring of Human Rights as a Scientific Basis for Their Evaluation: Criteria, Ratios, Indices]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*, (2), 6–15. <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2019-2-6-15>

5. Calvo, S., & Morales, A. (Eds.) (2021). *Social Innovation in Latin America: Maintaining and Restoring Social and Natural Capital*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780367823382>

6. Filippova, N. A. (2024). Etnologicheskaya ekspertiza: formaty i perspektivy institutsionalizatsii v rossiyskom prave [Ethnological Expertise: Formats and Prospects of Institutionalization in Russian Law]. *Gosudarstvo i pravo*, (3), 87–96. <https://doi.org/10.31857/S1026945224030081>

7. Funk, D. A. (2018). “Etnologicheskaya ekspertiza”: rossiyskiy opyt otsenki sotsial’nogo vozdeystviya promyshlennykh proektov [“Ethnological Expert Assessment”: A Russian Experience in Evaluating the Social Impact of Industrial Projects]. *Etnograficheskoe obozrenie*, (6), 66–79. <https://doi.org/10.31857/S086954150002453-8>

8. Gagloev, S. T. (2011). Problema mezhdunarodnogo monitoringa soblyudeniya prav cheloveka v postsovetских gosudarstvakh [The problem of international monitoring of human rights in post-Soviet States]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii*, (8). 32 p. Retrieved May 14, 2024, from <https://web.snauka.ru/issues/2011/12/5718>

9. Glushkova, S. I. (2023). Monitoring prav cheloveka [Human rights monitoring]. In A. P. Semitko & S. I. Glushkova (Eds.), *Prava cheloveka: osnovnye ponyatiya, kategorii, instituty: Uchebnyy slovar’* (pp. 177–178). Ekaterinburg: Izd-vo Gumanit. un-ta.

10. Gorokhov, D. B., Spektor, E. I., & Glazkova, M. E. (2007). Pravovoy monitoring: kontseptsiya i organizatsiya [Legal monitoring: concept and organization]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, (5), 25–38.

11. Kudrina, M. V. (2007). Informatsionnoe obespechenie deyatelnosti instituta Upolnomochennogo po pravam cheloveka [Information support for the activities of the Institute of the Commissioner for Human Rights]. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, (1). 120–124.

12. McInerney-Lankford, S., & Sano, H.-O. (2010). *Human rights indicators in development: An introduction*. Washington, D. C.: The World Bank Studies.

13. Novozhilov, A.G., Vakhtin, N.B., Artsemovich, S.A., Rozhkova, Ju.V., Kovalsky, S.O., & Funk, D.A. (2019). "Etnologicheskaya ekspertiza" (prodolzhenie diskussii № 6–2018) ["Ethnological Expert Assessment": A Continuation of the Discussion (no. 6–2018)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, (4). 131–154. <https://doi.org/10.31857/S086954150006197-6>
14. Pavlushkin, A.V. (Resp. ed.). (2012). *Mekhanizm pravovogo monitoringa: nauchno-prakticheskoe posobie* [The mechanism of legal monitoring: a scientific and practical guide]. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF.
15. Sereda, E.V. (2008). Monitoring soblyudeniya zashchity prav cheloveka i ego analiticheskoe i pravovoe soprovozhdenie [Monitoring of the observance of human rights protection and its analytical and legal support]. *Yuridicheskaya mysl'*, (6), 123–131.
16. Silvander, J., & Peels, R. (2016). A rights-based approach to poverty reduction. *World of Work Report*, (2), 120–142. <https://doi.org/10.1002/wow3.85>
17. Tikhomirov, Yu.A., & Emel'yantsev, V.P. (Resp. eds.). (2015). *Effektivnost' zakonodatel'stva: voprosy teorii i praktika: monografiya* [The effectiveness of legislation: issues of theory and practice]. Moscow: Infra-M, 2015.
18. Tikhomirov, Yu.A., & Gorokhov, D.B. (Resp. eds.). (2009). *Pravovoy monitoring: nauch.-prakt. posobie* [Legal monitoring: a scientific and practical guide]. Moscow: Yurisprudentsiya.
19. Vershinina, O.S., Zakharov, I.V., & Vershinin, V.R. (2003). Ekspertnaya deyatel'nost' v gradostroitel'stve [Expert activity in urban planning]. *Arkhitektura i stroitel'stvo Moskvy*, 512(6), 9–14.

Информация об авторе

Валентина Викторовна Руденко, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6641-691X>, e-mail: emikh.valentina@gmail.com

Information about the author

Valentina Viktorovna Rudenko, Candidate of Law, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6641-691X>, e-mail: emikh.valentina@gmail.com

УДК 94(470.5)«1946/1956»

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_173

ТРУДОВОЙ РУБЕЖ И СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИК: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВОГО ГОДА В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ 1946–1956 ГГ.

Марина Александровна Клинова,

Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
klinowa.m@yandex.ru

*Получена 06.06.2024.**Поступила после рецензирования 17.10.2024.**Принята к публикации 10.01.2025.*

Для цитирования: Клинова М.А. Трудовой рубеж и семейный праздник: репрезентация Нового года в советской прессе 1946–1956 гг. // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 1. С. 173–190. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_173

Аннотация

Целью исследования является раскрытие содержания и специфики репрезентации, а также эволюции образа Нового года в отечественной прессе 1946–1956 гг. Источниковую основу работы составили материалы газет разного уровня: центрального – «Правда», регионального – «Уральский рабочий», заводского – «Магнитогорский металл». В выборку включались все выпуски газет, предшествующие празднику, и первые выпуски после Нового года. Был предпринят анализ текстовых сюжетов газет, посвященных трудовым достижениям (подведений итогов соцсоревнований, выполнений планов, писем-обязательств коллективов предприятий, писем граждан и пр.). С применением качественно-количественных методов (контент-анализ), проанализировано содержание новогодних стихов-поздравлений, публикуемых в прессе. Рассмотрены тексты, посвященные подготовке к празднику и практикам празднования Нового года взрослыми и детьми. На основании полученных результатов выявлена следующая динамика репрезентации образа Нового года на страницах советской периодики. Так, во второй половине 1940-х гг. приоритет отдается трудовым свершениям,

© Клинова М.А., 2025

ключевой является фигура Сталина, выступающего в качестве гаранта будущего благополучия страны. Тексты газетных статей отличаются торжественностью и пафосом, реалии частной жизни граждан получают минимальное освещение. В 1954–1956 гг. намечается тенденция к уменьшению «трудовых» сюжетов, к общему снижению градуса торжественности, образ Сталина исчезает. В поздравительных стихах появляются образы Деда Мороза и Снегурочки, являвшиеся ранее символами исключительно детских праздников, повышается востребованность лексем, отражающих ценности частной жизни. Увеличивается число сюжетов, посвященных практикам празднования гражданами Нового года. В целом, специфику произошедших изменений можно описать как снижение уровня политизации и, как следствие, градуса торжественности и пафоса в репрезентации праздника. В середине 1950-х гг. Новый год становится более «домашним» праздником с соответствующей атрибутикой.

Ключевые слова:

Новый год, советская пресса, 1946–1956 гг., праздник, контент-анализ

УДК 94(470.5)«1946/1956»

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_173

LABOR FRONTIER AND FAMILY CELEBRATION: REPRESENTATIONS OF NEW YEAR IN SOVIET PRESS (1946–1956)

Marina A. Klinova,

Institute of History and Archaeology
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
klinowa.m@yandex.ru

Received 06.05.2024.

Received 17.10.2024.

Accepted 10.01.2025.

For citation: Klinova, M.A. (2025). Labor Frontier and Family Celebration: Representation of New Year in Soviet Press (1946–1956). *Discourse-P*, 22(1), 173–190. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_173

Abstract

The article aims to explore the content and specific representations of the New Year in the Soviet press from 1946 to 1956, as well as to identify its evolution during this period. The research is based on materials from various newspapers, including central publications like *Pravda*, regional ones such as *Uralsky Rabochy*, and factory newspapers

such as *Magnitogorsky Metal*. The sample includes all newspaper issues published before the holiday and the first issues released after the New Year. The analysis focuses on newspaper articles related to labor achievements, including summaries of social competitions, fulfillment of production plans, letters of commitment from enterprise collectives, and correspondence from citizens. Using both qualitative and quantitative methods, we examine the content of New Year's greeting poems published in the press. Additionally, we consider texts related to the holiday preparations and the ways in which adults and children celebrated the New Year. The findings indicate that between 1946 and 1956, significant changes occurred in how the New Year was represented in domestic newspapers. In the late 1940s, priority was given to labor achievements, with Stalin portrayed as guarantor of national prosperity. Articles from this period were distinguished by solemnity and pathos, with minimum attention given to citizens' private lives. However, between 1954 and 1956, a shift in representation of the New Year became evident. There was a noticeable decline in "labor" narratives, a fading presence of Stalin's image, and an overall reduction in solemnity. Figures such as *Ded Moroz* (eng. Father Frost) and *Snegurochka* (eng. Snow Maiden), previously seen as symbols of children's celebrations, began appearing in congratulatory poems. This period also saw an increased demand for tokens reflecting private life values. The number of stories detailing citizen's New Year celebrations grew significantly. Overall, these changes can be characterized by a decrease in politicization, and a corresponding reduction in solemnity and pathos associated with the holiday. By the mid-1950s, the New Year had evolved into a more "homely" celebration with appropriate attributes.

Keywords:

New Year, Soviet press, 1946–1956, celebration, content analysis

Введение

Проблематика медийного конструирования советских праздников не является малоизученной темой отечественной историографии. Авторами изучалась советская праздничная культура (Зеверт, 2015), рассматривались проблемы репрезентации советских праздников в 1920-е гг. (Кустова, 2015; Мукасеев, 2021; Шалаева, 2013), оформления праздничных мероприятий в 1960-е – 1980-е гг. (Маслова-Лисичкина, 2014). Праздничная культура периода середины 1940-х – середины 1950-х гг. рассматривалась в немногочисленных исследованиях (Клинова, Трофимов, 2021). В большинстве работ авторы фокусировали внимание на изучении таких советских праздников как 7 ноября, 1 мая. Некоторые аспекты празднования Нового года рассматривались в единичных публикациях. Освещалась история праздника (Коробова, 2014), получила рассмотрение тема женской праздничной повседневности (Жидченко, 2022). Анализ советских новогодних открыток принят в ряде работ (Кибалко, 2021; Шабурова, 2017).

Целью данного исследования является раскрытие содержания и специфики репрезентации образа Нового года в отечественной прессе середины 1940-х – середины 1950-х гг., выявление его эволюции в рамках периода.

Источниковую основу исследования составили текстовые материалы газет разного уровня: центрального – «Правда» (г. Москва, Орган ЦК ВКП(б)– КПСС), регионального – «Уральский рабочий» (г. Свердловск, Орган Свердловского обкома и горкома ВКП(б)–КПСС, Свердловского областного и городского Советов депутатов трудящихся); заводского – «Магнитогорский металл» (г. Магнитогорск, Орган парткома, завкома и заводоуправления Магнитогорского металлургического комбината им. И.В. Сталина). В выборку включались все выпуски газет, предшествующие празднику (29–31 декабря); первые выпуски изданий после Нового года (1–4 января). Анализировались только тексты новогодней тематики, газетные иллюстрации не являлись объектом исследования.

«Завершая трудовой год пятилетки»: тема труда в прессе

Новый год являлся одним из главных календарных праздников, отмечаемых в СССР. Начало его празднования в масштабах страны с соответствующей атрибутикой (Дед Мороз, елка и пр.) определяется к 1935 г. (Коробова, 2014, с. 154; Кибалко, 2021, с. 21). В отличие от большинства других советских праздников Новый год являлся еще и рубежом – завершением одного отчетного трудового календарного цикла и началом следующего. Производственные результаты и достижения каждого года были важны на пути к целям, обозначенным в рамках пятилеток.

В предновогодние дни на страницах газет подводились итоги трудового года. Публиковались результаты социалистических соревнований различного уровня: Всесоюзного, краевого (Свердловская, Челябинская и Молотовская область); районного (между районами области и города); внутри предприятий (между отдельными бригадами и цехами)¹.

Подводились итоги годовой работы различных отраслей народного хозяйства: «Промышленность Казани выполнила годовой план», «Нефтяники Башкирии с честью выполнили свои обязательства» и пр.² В региональной прессе освещались результаты труда заводов, фабрик, совхозов и пр.: «Коллектив свердловского завода “Вторчермет” закончил выполнение годового плана»³. В многотиражке «Магнитогорский металл» публиковались достижения предприятия, его отдельных бригад и работников⁴. В 1950 г. предновогодний выпуск газеты был полностью посвящен митингу трудящихся Магнитогорска по поводу

¹ Колосок В. (1949, 27 декабря). В назначенный срок. *Магнитогорский металл*, 1; Радиопередача, посвященная результатам Всеуральского социалистического соревнования. (1946, 31 декабря). *Уральский рабочий*, 4; Победители во всесоюзном социалистическом соревновании. (1946, 29 декабря). *Правда*, 2; Соревнование двух районов. (1952, 1 января). *Уральский рабочий*, 1.

² Выполнили годовой план. (1946, 30 декабря). *Правда*, 1; Нефтяники Башкирии с честью выполнили свои обязательства. (1947, 2 января). *Правда*, 1; Годовой план выполнен досрочно. (1951, 31 декабря). *Правда*, 1.

³ Годовой план – досрочно. (1954, 30 декабря). *Уральский рабочий*, 1.

⁴ Обязательство выполнено. (1949, 27 декабря). *Магнитогорский металл*, 1; Досрочно. (1948, 29 декабря). *Магнитогорский металл*, 1.

досрочного выполнения годового плана⁵. Характерно, что трудовые достижения презентовались в качестве новогодних подарков региону и стране⁶.

В предновогодних выпусках «Правды» публиковались тексты Указов Президиума Верховного Совета о награждении орденами и медалями отличившихся тружеников⁷, а также доклады министров Сталину о выполнении годовых планов⁸.

Типичной практикой послевоенных лет являлась публикация в прессе новогоднего письма-обращения к Сталину от трудящихся различных областей, отраслей, предприятий⁹. В региональных и заводских газетах публиковались тексты данных писем, фиксировался процесс их обсуждения и подготовки¹⁰. Как отмечалось в одной из статей «Уральского рабочего», «для трудящихся нашей области стало традицией – заканчивая год, докладывать о проделанной работе товарищу Сталину, брать перед ним новые обязательства»¹¹.

Публиковались в прессе и письма читателей, где перечислялись их личные трудовые достижения, озвучивались перспективные планы трудовой деятельности на следующий год¹². В текстах писем высказывались слова благодарности стране и вождю: «За эту счастливую жизнь, которую дал нам товарищ Сталин, за то, что он дал нам возможность лучшие наши мечты превратить в действительность, я, как и вся наша советская молодежь, приношу ему от всего сердца колхозное спасибо»¹³.

⁵ Магнитогорцы рапортуют Родине, великому Сталину. Митинг трудящихся Магнитогорска, посвященный досрочному выполнению годового плана. (1950, 1 января). *Магнитогорский металл*, 1–2.

⁶ Производственные подарки Родине к Новому году. (1947, 31 декабря). *Уральский рабочий*, 1; Новогодний подарок. (1954, 30 декабря). *Уральский рабочий*, 1; Новогодние производственные подарки. (1946, 1 января). *Правда*, 3.

⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР О награждении ордена Трудового Красного Знамени хлопчатобумажного комбината «Трехгорная мануфактура» имени Ф.Э. Дзержинского Министерства легкой промышленности СССР орденом Ленина. (1949, 30 декабря). *Правда*, 1.

⁸ Кузьминых, Н. (1948, 31 декабря). Председателю Совета Министров Союза ССР товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу. *Правда*, 1; Бещев, Б. (1952, 1 января). Председателю Совета Министров Союза ССР товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу. *Правда*, 1.

⁹ Великому вождю народов товарищу Сталину. (1947, 29 декабря). *Правда*, 1.

¹⁰ От рабочих, работниц, инженерно-технических работников и служащих разрезов шахт и предприятий комбината «Свердловскуголь» великому вождю советского народа товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу. (1947, 31 декабря). *Уральский рабочий*, 1; Председателю Совета Министров Союза ССР товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу. (1949, 4 января). *Магнитогорский металл*, 1.

¹¹ В новом году работать еще лучше. (1948, 29 декабря). *Уральский рабочий*, 1.

¹² Сараева, М. (1946, 1 января). Осуществление мечты. *Уральский рабочий*, 3; Колтаков, Г.М. (1947, 1 января). Приятно и радостно работать. *Уральский рабочий*, 2; Гаврин, С. (1950, 1 января). Мой трудовой счет. *Магнитогорский металл*, 2; Мутовкин, А. (1950, 1 января). На высоких скоростях. *Магнитогорский металл*, 2.

¹³ Косарева, А. (1946, 1 января). Счастливая жизнь. *Уральский рабочий*, 3.

Присутствие образа Сталина являлось характерной особенностью публикации прессы конца 1940-х – начала 1950-х гг. Его имя фигурировало в контексте освещения достижений страны, он являлся центральной фигурой завершения старого и начала нового трудового годичного цикла. В качестве примера можно привести цитату из текста предновогодней статьи «Уральского рабочего» (1950 г.): «Гениальный вождь прогрессивного человечества товарищ Сталин уверенно и мудро ведет советский народ к коммунизму. За новые победы в новом году! За Сталина»¹⁴. С именем вождя связывался еще один широко тиражируемый в прессе новогодний сюжет, в котором Сталин в далеком 1902 г. пророчил грядущее светлое будущее: «45 лет назад в новогоднюю ночь товарищ Сталин говорил батумским рабочим: – Вот уже рассвело! Скоро встанет солнце. Это солнце будет сиять для нас. Верьте в это, товарищи!»¹⁵.

Неотъемлемой частью новогодних выпусков газет являлась обобщающая итоговая статья, посвященная результатам, достигнутым страной (регионом, предприятием) в истекшем году, а также их оценка в контексте дальнейшего развития страны. Так, например, «Правда» в 1947 г. писала: «На примере года, только что ушедшего в прошлое, мы видим огромную животворящую силу социалистического общества, победившего в нашей стране. Он был историческим годом в летописях мира, событиями большого значения наполнены его дни. <...> Самоотверженно работая на трудовом фронте, двигая вперед народное хозяйство социалистического государства, народ наш сделает еще один шаг по пути постепенного перехода от социализма к коммунизму»¹⁶. На страницах региональной и заводской прессы отмечалось: «Трудящиеся Свердловской области, оглядываясь на пройденный путь, с гордостью отмечают, что в победах страны есть и доля их самоотверженного труда»¹⁷; «Торжественным боем кремлевских курантов сегодня отмечен знаменательный рубеж в истории нашей страны»¹⁸.

Печатались в новогодних выпусках публицистические статьи, содержащие рассуждения о будущем человечества, коммунизме и пр.: «Уверенно и гордо смотрит наш народ в свое грядущее: он хорошо видит его. Контур коммунизма, начертанные гением вождей, стали зримыми; дали приблизились»¹⁹.

Перспективы будущего года освещались в контексте новых трудовых свершений, о чем читателям сообщали оптимистичные заголовки газетных статей: «В Новом году к новым победам!» и др.²⁰ В текстах звучал призыв «Выполнять план с первых дней нового года!»: «Вперед и только вперед! – таков закон

¹⁴ Год новых побед советского народа. (1950, 31 декабря). *Уральский рабочий*, 1.

¹⁵ Шепилов, Д. (1947, 1 января). Великой советский народ. *Правда*, 3; В новогоднюю ночь. (1947, 1 января). *Уральский рабочий*, 2.

¹⁶ 1947. (1947, 1 января). *Правда*, 1.

¹⁷ Год новых побед советского народа. (1950, 31 декабря). *Уральский рабочий*, 1.

¹⁸ На новый рубеж сталинской пятилетки. (1947, 1 января). *Магнитогорский металл*, 1.

¹⁹ Коряков, О. (1950, 31 декабря). Время – наше! *Уральский рабочий*, 3.

²⁰ Тебенков, Л., Гуськов, К., Свистунов, А. (1950, 31 декабря). В Новом году к новым победам! *Правда*, 1. Над чем мы будем работать в 1947 году. (1947, 2 января). *Правда*, 2.

нашей советской жизни. Обеспечим же высокие большевистские темпы промышленного развития с первых дней нового года! За новые победы во втором году сталинской пятилетки!»²¹.

В целом, новогодние тексты газет второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. создавали у читателя ощущение исторической важности Нового года как рубежа трудовых годовичных циклов. Публикации отличались пафосом и торжественной стилистикой. Подчеркивалась колоссальность достигнутых результатов, презентуемых в качестве достижений всего человечества: «Все прогрессивное человечество с надеждой и любовью обращает взоры к первому в мире социалистическому государству – могучему Советскому Союзу, указывающему путь к свободе и счастью народов»²².

В рамках периода 1946–1956 гг. можно отметить определенные изменения, касающиеся презентации трудовой тематики в новогодних выпусках газет. В 1954–1956 гг. со страниц газет уходят тексты «народных» трудовых обязательств, уменьшается общее количество статей, касающихся трудовых итогов года. Им на смену приходят сюжеты другой тематики. Так, например, в 1955 г. половина выпуска «Уральского рабочего» от 30 декабря была посвящена докладу Председателя Совета министров СССР Н. А. Булганина о поездке в Индию, Бирму, Афганистан²³, в выпуске от 31 декабря 1955 г. на трех из четырех страниц был опубликован доклад Н. С. Хрущева на сессии Верховного Совета²⁴.

Образ Сталина уже в 1953 г. исчезает со страниц газет. Появляется образ партии: «Коммунистическая партия – партия неутомимых новаторов и смелых преобразователей – ведет нашу родину от победы к победе»²⁵. Еще одной новацией середины 1950-х гг. становится публикация 1 января 1954 г. в центральных и областных изданиях новогодней речи Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова. В текстах поздравительных речей освещению трудовых результатов и перспектив было посвящено около 30% текста. Значительное внимание уделялось борьбе за мир, подготовке к XX съезду партии.

В середине 1950-х гг. в отечественных изданиях всех уровней существенно снижается степень торжественности и пафоса в публикациях, посвященных достижениям уходящего года. Так, например, в многотиражке «Магнитогорский металл» на первой странице выпуска 1 января 1947 г. читаем: «Торжественным боем кремлевских курантов сегодня отмечен знаменательный рубеж в истории нашей страны. Родина вступает во второй год новой сталинской пятилетки, во второй этап великих восстановительных и созидательных работ для укрепления своего могущества и дальнейшего расцвета народного хозяйства. 1946 год – год напряженного творческого труда, объединенных усилий всего советского народа»²⁶.

²¹ Выполнять план с первых дней нового года! (1947, 2 января). *Правда*, 1.

²² Народ – творец истории. (1950, 31 декабря). *Правда*, 1.

²³ О поездке в Индию, Бирму, Афганистан... (1955, 30 декабря). *Уральский рабочий*, 1–2.

²⁴ Речь товарища Н. С. Хрущева... (1955, 31 декабря). *Уральский рабочий*, 1–3.

²⁵ Растет могущество нашей Родины. (1954, 31 декабря). *Уральский рабочий*, 1.

²⁶ На новый рубеж сталинской пятилетки. (1947, 1 января). *Магнитогорский металл*, 1.

Для сравнения в первом январском выпуске газеты за 1956 г. содержательно аналогичное поздравительное сообщение звучит гораздо сдержаннее и лаконичнее: «Закончился 1955 год – завершающий год пятой пятилетки. Для советского народа это был год новых славных побед в строительстве коммунизма»²⁷.

Означенная трансформация иллюстрирует общую тенденцию, зафиксированную применительно к трудовым сюжетам в отечественной прессе послевоенного десятилетия. Она заключается в «редуцировании мобилизационной риторики», в «снижении уровня эмоциональности и экстремальности в описании трудовых практик граждан» (Клинова, 2020, с. 211). В результате снижения градуса эмоциональности и пафоса пропагандистской риторики СМИ декларируемые в прессе трудовые задачи развития страны и предприятий не наполнялись смыслом «кровных интересов» граждан.

«Блещут новогодние огни!»:

тематика новогодних стихов на страницах газет

В предновогодних и новогодних выпусках газет 1946–1956 гг. публиковались стихи-поздравления. Объединенные общей темой, содержательно они являлись отражением социальной и политической проблематики, актуализированной в медийном пространстве исследуемого периода. С целью изучения содержательных изменений данных текстов был предпринят контент-анализ новогодних стихов-поздравлений. Были выделены наиболее востребованные лексемы, которые затем были объединены в три группы. Группа «государство, общество» объединяет лексемы, маркирующие советские политические и социально-экономические реалии: Сталин, Ленин, партия, народ, Родина (Россия, отчизна и пр.), армия, пятилетка, завод (стройка, шахта, предприятие и пр.), внешние враги, братские страны. Вторую группу составили лексические единицы, отражающие ценности частной жизни: семья, дружба, дети, любовь. В третью были включены символы Нового года: Кремль, елка, часы, Дед Мороз (Снегурочка), застолье (стол, вино, тост, бокалы и пр.). Фиксировалось каждое упоминание лексем в тексте и названии опубликованного стихотворения. В выборку были включены только выпуски газет за 1 января исследуемого периода. В случае, если в первом выпуске газеты не было стихов (либо данный номер не доступен по тем или иным причинам), он не включался в выборку и не отражен в таблице (см. Таблицу 1).

Новогодние поздравительные стихи характеризовались неравноценной востребованностью на страницах газет. Гораздо чаще они публиковались в «Правде» – около 45% от общего количества стихов, зафиксированных в трех изданиях.

Перейдем к рассмотрению результатов контент-анализа материалов прессы. Наиболее востребованными в стихах периода были лексемы, связанные с политическими реалиями, фиксируемые в группе «государство, общество» (234 упоминания – 53,7%).

В 1946 – начале 1950-х гг. наиболее часто в стихах упоминался Сталин (27 упоминаний), а также лексемы «Родина» («отчизна», «Россия» и пр.)

²⁷ Новый, 1956 год. (1956, 1 января). *Магнитогорский металл*, 1.

Таблица 1 – Количественное распределение лексем в новогодних поздравительных стихах на страницах газет 1946–1956 гг.

Table 1 – Quantitative Distribution of Tokens in New Year's Greeting Poems

год	количество стихов	Лексемы																			
		Государство, общество											Частная жизнь				Символы				
		Сталин	Ленин	партия	народ	армия	Родина	коммунизм	пятилетка	Внешние враги	Братские страны	Завод и пр.	любовь	дети	дружба	семья	Кремль	Застолье и пр.	Часы	Дед Мороз и пр.	елка
«Правда»																					
1946	3	3			1	3	4			4		1		2	3	1	5	1	1		2
1947	1	1			1		1							1	1	2		3			
1948	1	1			1	1	1	1		5	7			2		1		1			
1949	2	1			2	1		1			4			1							
1950	2	2			2	1	4	2			1	2	1		4	2	1	5	3		
1951	3	5	2		5	2	4	3		1	1			1	2	1	3	2	3		
1952	2	3	1		3		2	2		1	7	1		1		1	3		1		
1953	2				2	1		1			3	2									
1954	4			1	2		2			3		1	2		3			6	3		
1955	1														2					1	
1956	1										1			2	2				6	4	
«Уральский рабочий»																					
1947	2	1			3	5	2		1			5					1	6	1		1
1948	1							1				1	1						1		
1949	2		1		1	1	3	1	1			5	1			1	3	4			
1951	4	4			1		2	1		5	5	3		1	4	2	3	5	5		2
1952	4	2			3		2	4		7	3	2	1	1	4	1	3	3	3	1	1
1954	3				1		1	1				5		1	1	1	2	1	1	1	1
1956	4						1					4	1	3		1	2	1	1	4	1
«Магнитогорский металл»																					
1946	2	1			1	1	1					1			2	1	1	3	1		1
1947	1	1				1	3						1		1	1		4			1
1953	1	2	2		1					1	1				2			2			
1955	2			1	1		1					4			2	2			1		4
Итого	48	27	6	2	31	17	34	18	2	27	29	41	8	12	36	16	30	39	29	12	19

(34 упоминания), «народ» (31 упоминание): «Звон кремлевских часов хрустелен. / Бьют куранты двенадцать раз. / Тост за счастье народа Сталин / поднимает в Кремле сейчас»²⁸; «И первый тост поднимем стоя, / законной гордости полны, / за Сталина, вождя, героя / и солнце яркое страны»²⁹. Востребованность означенных лексем в поздравительных стихах позволяет вспомнить утверждение Х. Гюнтера, по мнению которого еще в 1930-е гг. в СССР сложился особый репрезентативный канон или так называемый «треугольник Большой семьи», основанный на архетипах «отца», «матери» и «детей» (Гюнтер, 2000, с. 734). Роли Отца и Матери отводились Сталину и Родине соответственно, символический образ детей – народу, армии. Фактически буквально данная ролевая расстановка воспроизводится в стихотворении К. Мурзиди: «Бьют часы на башне: с Новым годом! / С нами Сталин и отчизна-мать! / С боевым испытанным народом / радостно грядущее встречать»³⁰.

Лексемы «коммунизм» и «пятилетка» также фиксировались в текстах стихов-поздравлений (18 и 2 упоминания соответственно), употребляясь в контексте освещения перспектив дальнейшего социалистического строительства: «Топоры лесорубов творят чудеса, / чтоб вздымались леса пятилетки. <...> Не в безвестной дали, но за тысячи верст, – / в коммунизме свой путь завершим мы»³¹.

Образ завода (стройки, шахты, предприятия, новостройки и пр.) являлся достаточно популярным в стихах-поздравлениях второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. (41 упоминание). Означенные образы актуализировали популярную в дискурсе тему трудовых практик и достижений советского населения. В текстах стихов «Правды» речь, как правило, шла не о конкретном заводе, а об индустриальной специфике СССР. Использовались метафоры «страна-завод», «страна-стройка»: «Чтоб рос, наливался, как золото, колос, / чтоб новых заводов нам слышался голос»³²; «Вот эта сталь на стройке всенародной / наш замысел в свершеньях воплотит»³³. В газете «Магнитогорский металл» образ завода был более конкретизирован и территориально локализован: «Над залитыми светом городами, / над трубами, воздетыми в зенит, / над синими уральскими грядями, / над легендарною горой Магнит»³⁴. Региональные индустриальные образы встречаются и в стихах «Уральского рабочего»: «В бой идет уральский экскаватор»³⁵.

В поздравительных поэтических строках нередко звучали актуальные сюжеты внешнеполитической тематики, упоминаемые в контексте описания «врагов» и «друзей» СССР. В первые послевоенные годы данная тема получила развитие в русле обозначения побед 1945 г.: «Изучать будут правнуки, как в году сорок пятом на Востоке и Западе мы разбили врагов!»³⁶. В последующие годы

²⁸ Великанов, Е. (1951, 1 января). Первый тост. *Уральский рабочий*, 1.

²⁹ Коломиец, А. (1947, 1 января). Новогодний тост. *Магнитогорский металл*, 1.

³⁰ Мурзиди, К. (1947, 1 января). Новогодние огни. *Уральский рабочий*, 1.

³¹ Потеряев, Р. (1949, 1 января). Урал новогодний. *Уральский рабочий*, 3.

³² Бровка, П. (1946, 1 января). На Новый год. *Правда*, 2.

³³ Имерман А. (1949, 1 января). Новогоднее литье. *Правда*, 2.

³⁴ Кондратковская, Н. (1946, 1 января). Великий год. *Магнитогорский металл*, 2.

³⁵ Хоринская, Е. (1952, 1 января). Навстречу грядущему. *Уральский рабочий*, 3.

³⁶ Лебедев-Кумач, В. (1946, 1 января). С Новым годом. *Правда*, 1.

образ врага приобрел новые черты: «Там, в заморских краях, кузнецы с Уолл-стрита / золотые наручники миру куют <...> торгаши, лихоимцы, всесветные воры, / осквернители братских могил»³⁷. В рядах друзей Советского Союза фигурировали: «патриоты Джакарты, герои Эллады, Партизаны Вьет-Нама, солдаты Чжу Дэ»³⁸, «Мао Цзе-дуна солдаты»³⁹, упоминались дружественные страны и народы. В начале 1950-х гг. в стихах-поздравлениях увеличивается число обращений к теме борьбы за мир: «Чтоб мир, как самый лучший дар, / был дорог всей земле»⁴⁰ и т.п. В «Уральском рабочем» в 1951 и 1952 гг. публиковались новогодние стихи, где в сатирическом ключе были показаны внешне-политические оппоненты СССР: «Трумен взгляд в трюмо воткнул, / потерявши разум, / а оттуда подмигнул / Фюрер мертвым глазом»⁴¹. Тексты сопровождалась карикатурами. Обращение к внешнеполитической теме было более популярно в стихах на страницах «Правды» и было менее востребовано в «Уральском рабочем» и «Магнитогорском металле» (см. Таблицу 1).

В ряду ценностей частной жизни наиболее востребованными являлись «дружба» и «семья» (36 и 16 упоминаний соответственно). Важно отметить, что означенные лексемы зачастую употреблялись в качестве метафор, коннотирующих к общности народов СССР: «Встала наша огромная, трудовая семья»⁴²; «Жаль, такого нет у нас стола, / чтобы вся семья народов наших / вместе встретить Новый год могла»⁴³.

Среди символов Нового года приоритетные позиции занимал образ за-столя (39 упоминаний лексем данной группы): «С новогодними чарками дружно тянутся руки»⁴⁴, «Еще поднимем вкруговую / бокалы, вспененные вновь»⁴⁵. Многие стихи выстроены как тосты-поздравления с Новым годом. Образы часов и Кремля, символизирующих смену годичных циклов и сердце страны, также были достаточно востребованы в стихах-поздравлениях второй половины 1940-х – начала 1950-х гг.: «Бьют куранты на кремлевской башне»⁴⁶; «И вся советская земля / часов проверит ход / по стрелкам башенным Кремля, / встречая новый год».⁴⁷ Елка как символ Нового года характеризовалась единичными упоминаниями в текстах стихов, а Снегурочка и Дед Мороз фактически не упоминались в поздравлениях данного периода.

В целом, поздравительные стихи 1946–1953 гг. отличала торжественная стилистика. Превалирование лексем группы «государство-общество» обусловило презентацию Нового года, в первую очередь, как общегосударственного

³⁷ Сурков, А. (1948, 1 января). Новогоднее. *Правда*, 2.

³⁸ Там же.

³⁹ Витка, В. (1950, 1 января). Добрый день. *Правда*, 2.

⁴⁰ Бровка, П. (1952, 1 января). Цвети, моя страна! *Правда*, 2.

⁴¹ Потеряев, Р. (1951, 1 января). Новогоднее гаданье. *Уральский рабочий*, 4.

⁴² Лебедев-Кумач, В. (1946, 1 января). С Новым годом. *Правда*, 1.

⁴³ Щипачев, С. (1950, 1 января). Бьют куранты. *Правда*, 1.

⁴⁴ Лебедев-Кумач, В. (1946, 1 января). С Новым годом. *Правда*, 1.

⁴⁵ Коломиец, А. (1947, 1 января). Новогодний тост. *Магнитогорский металл*, 1.

⁴⁶ Щипачев, С. (1950, 1 января). Бьют куранты. *Правда*, 1.

⁴⁷ Маршак, С. (1947, 1 января). Новогоднее. *Правда*, 2.

праздника, маркирующего подведение итогов и открытие новой страницы в славной истории великого советского народа: «В мире неприступною твердой / высится советская страна»⁴⁸.

В период 1954–1956 гг. в содержании текстов стихов-поздравлений происходят определенные трансформации.

В 1954 г. образ Сталина исчезает, появляется образ партии: «За Россию дорогую от души, по-братски пью! Тост за партию родную и за Родину мою!»⁴⁹ Количественно лексема «партия» характеризуется единичной востребованностью (2 упоминания), значительно уступая лексеме «Сталин» (27 упоминаний).

Общим трендом изменений, произошедших в 1954–1956 гг., стало купирование государственной тематики, выразившееся в сокращении в стихах лексем группы «государство, общество». Так, например, в «Правде» количество единиц в данной группе за период 1946–1953 гг. равнялось 111 (13,8 в год в среднем), в «Уральском рабочем» за тот же период – 76 (15,2 в год в среднем). В 1953–1956 гг. в «Правде» и «Уральском рабочем» число лексем данной группы снизилось до 3,3 и 6,5 единиц в год (в среднем) соответственно. То есть снижение востребованности в 2,5–3,5 раза. Данный разрыв будет еще более существенным, если учесть, что лексемы группы «завод» в 1954–1956 гг. в региональной и заводской прессе употреблялись не в значении метафоры индустриального государства, а в контексте описания сюжетов частной жизни: «Прибыл домны молодежной дар – сверхплановый металл. Рядом Бородин с Орловым и Колдузов – мастера».⁵⁰ В русле описания сюжетов частной жизни фигурируют лексемы «дружба», «семья».

В качестве примера актуализации тематики повседневной, частной жизни в новогодних стихах газет 1954–1956 гг. можно привести стихотворение «На лыжах», героями которого являются: влюбленная пара лыжников, «белки-любознайки»: «Никто влюбленных не подслушал, / прохожих не было вокруг, / когда молчание нарушил / на поцелуй похожий звук. / И только белки-любознайки, / услышав это с высоты, / как восклицательные знаки взметнули рыжие хвосты!...»⁵¹.

Уменьшается востребованность в текстах новогодних стихов лексем-символов государственности (Кремль) и цикличности (часы). Тематика новогоднего застолья сохраняется, но содержание тостов очерчивается повседневными и житейскими темами: «Молодец, кто пьет умело, / а не пить – неловко даже. / Мы поздравим виноделов, / поварам спасибо скажем. / За любовь мы выпьем разом, / мы хотим, чтоб нас любили. / Ведь подругам ясноглазым / мы сердца навек вручили»⁵².

Появляются в середине 1950-х гг. в новогодних выпусках и сатирические стихи-зарисовки, посвященные девиациям периода: бюрократии, иждивенчеству, штурмовщине и пр.⁵³

⁴⁸ Сурков, А. (1951, 1 января). Новогоднее. *Правда*, 1.

⁴⁹ Мазурунас, В. (1954, 1 января). За родину мою. *Правда*, 2.

⁵⁰ Коломиец, А. (1955, 1 января). У новогодней елки металлургов. *Магнитогорский металл*, 1.

⁵¹ Новосельский, А. (1956, 1 января). На лыжах. *Уральский рабочий*, 2.

⁵² Долматовский, Е. (1954, 1 января). Новогодняя застольная. *Правда*, 2.

⁵³ Новосельский, А. (1954, 1 января). Под новый год. *Уральский рабочий*, 4; Тарабукин, И. (1956, 1 января). Имеет слово Дед-Мороз. *Уральский рабочий*. 1956, 4.

Снижение уровня торжественности и содержательное «облегчение» текстов новогодних стихов проявилось в актуализации «детской» тематики. Так, например, на страницах «Правды» в первом выпуске 1956 г. было опубликовано стихотворение А. Барто «Новая снегурочка», где герои-первоклассники готовятся к новому утренику⁵⁴. Инфантилизация тематики поздравительных стихов, публикуемых в советской прессе, проявилась и в увеличении востребованности в них образов Деда Мороза и Снегурочки (см. Таблицу 1), являвшихся ранее символами исключительно детских праздников.

«Веселый хоровод»: газеты о практиках празднования Нового года

На протяжении второй половины 1940-х–начала 1950-х гг. тема новогоднего праздника, не связанная с рубежом трудовых свершений, получала минимальное освещение на страницах газет. Как правило, это были две-три заметки на последней страницах центральных и областных газет, в которых сообщалось о праздничных приготовлениях: «В Свердловске большое предпраздничное оживление. <...> Взрослые и дети несут елки. На площади 1905 года, где возвышается нарядная праздничная елка, полно детворы. <...> Много покупателей в магазинах главсобгастронома, особторга, ювелирторга и других. <...> Сегодня в Свердловске состоится много новогодних концертов, костюмированных балов»⁵⁵.

В газете «Уральский рабочий» новогодний колорит добавляли объявления. В них сообщалось о детских утрениках и елках, о бегах на госипподроме, Новогодних призах и пр.⁵⁶ В газете публиковались объявления о новогодних базарах на городских рынках, перечислялись товары, которые можно будет приобрести: «ткани разные, обувь, одежда, трикотаж, галантерея»⁵⁷.

В первых выпусках года в газетах освещались практики празднования Нового года детьми и взрослыми. Описание детских праздников разнилось в зависимости от статуса мероприятия. Главная в стране елка в Колонном зале Дома Союзов отличалась масштабом и пафосом: «Раскрываются двери в зал, в середине которого стоит громадная 18-метровая елка. Падает “снег”. На сцене декорация – за покрытыми инеем стволами деревьев вырисовываются контуры высотного здания МГУ на Ленинских горах. <...> Приходит Дед-Мороз. Он делает знак, и елка вспыхивает разноцветными огнями. Гремит музыка. На сцену поднимаются юноши и девушки в национальных костюмах народов СССР. В праздничном представлении приняло участие около 350 артистов столичных театров, филармонии и эстрады»⁵⁸. Описание детского праздника приводится и в газете «Магнитогорский металл»: «500 девочек и мальчиков

⁵⁴ Барто, А. (1956, 1 января). Новая снегурочка. *Правда*, 2.

⁵⁵ Накануне Нового года (1946, 31 декабря). *Уральский рабочий*, 4.

⁵⁶ При устройстве новогодней елки... (1949, 29 декабря). *Уральский рабочий*, 4; Госипподром... (1951, 30 декабря). *Уральский рабочий*, 4.

⁵⁷ Новогодний базар. (1947, 28 декабря). *Уральский рабочий*, 4; Все на новогодний базар! (1949, 30 декабря). *Уральский рабочий*, 4.

⁵⁸ Новогодняя елка в Колонном зале Дома Союзов (1953, 31 декабря). *Правда*, 1.

с двух часов дня 31 декабря до самых сумерек веселились вокруг красавицы-елки, установленной в физкультурном зале Дворца культуры. Прослушав праздничный концерт и вдоволь напрыгавшись вокруг елки, дети получили праздничные подарки»⁵⁹.

Вечера для взрослых, как правило, были представлены торжественными коллективными мероприятиями, проводимыми во Дворцах культуры, в общежитиях, в клубах, избах-читальнях и пр.: «Дверец заполнили сотни трудящихся комбината, одетых в лучшие праздничные костюмы»⁶⁰, «Оркестр исполняет Гимн Советского Союза. Все взоры присутствующих невольно обращаются к портрету... Сталина, творцу наших побед. Почти под утро закончился во Дворце бал-карнавал»⁶¹. Заметки, посвященные практикам семейного празднования Нового года, были единичны, героями данных сюжетов были, как правило, передовики-новоселы, получившие квартиры от предприятий, построившие дома⁶². Сюжеты о праздновании Нового года в ресторанах не публиковались в газетах.

Заметки о новогодних праздниках сопровождались рисунками и фотографиями, посвященными предновогодним заботам горожан: покупкам елки, телевизора, продуктов к новогоднему столу, украшению сцены клуба, а также практикам празднования⁶³.

В середине 1950-х гг. в газетах увеличивалось число сюжетов, посвященных практикам празднования населением Нового года. Так, например, в заводской газете «Магнитогорский металл» за восемь лет 1946–1953 гг. было опубликовано 8 заметок на данную тему, а за три года с 1954–1956 гг. – 9 заметок. Тенденция возрастания количества данных сюжетов в 1954–1956 гг. фиксируется в центральной и областной прессе.

Заключение

В целом, на основании предпринятого анализа можно прийти к выводу, что в рамках периода 1946–1956 гг. наметились изменения в репрезентации Нового года на страницах отечественных газет, которые коснулись содержания и тональности его освещения.

Во второй половине 1940-х гг. презентации Нового года на страницах советской прессы приоритет отдавался трудовым свершениям, результаты которых были важны в контексте реализации пятилетних циклов и продвижения СССР к коммунистическому будущему. В прессе освещались трудовые достижения страны, регионов, предприятий и личные результаты труда граждан, озвучивались перспективные планы трудовой деятельности на следующий год. Ключевой являлась фигура Сталина, выступавшего в качестве гаранта будущего

⁵⁹ Елка для детей. (1948, 3 января). *Магнитогорский металл*, 2.

⁶⁰ Маркин, В. (1953, 4 января). Новогоднее торжество. *Магнитогорский металл*, 2.

⁶¹ Рыбаков, Г. (1948, 3 января). В новогодний вечер. *Магнитогорский металл*, 2.

⁶² В новом доме. (1949, 1 января). *Уральский рабочий*, 4; В семье электролизника Еркумбаева (1947, 1 января). *Уральский рабочий*, 4.

⁶³ У новогодней елки. (1954, 1 января). *Магнитогорский металл*, 2.

благополучия страны. В стихах-поздравлениях преобладали лексемы группы «государство-общество». Тексты газетных статей отличались торжественностью и пафосом. Реалии частной жизни граждан, встречающих праздник, получали минимальное освещение в прессе (зачастую в контексте освещения официальных праздничных мероприятий).

В 1954–1956 гг. наметилась тенденция к изменению в репрезентации новогодней тематики, заключающаяся в уменьшении «трудовых» сюжетов, сокращении в стихах-поздравлениях лексем группы «государство-общество», исчезновении образа Сталина, общем снижении градуса торжественности в поздравительной риторике. В стихах, опубликованных в газетах, появляются образы Деда Мороза и Снегурочки, являвшиеся ранее символами исключительно детских праздников, повышается востребованность лексем, отражающих ценности частной жизни. Увеличивается число сюжетов, посвященных практикам празднования гражданами Нового года.

В целом, специфику произошедших изменений можно описать как снижение уровня политизации, и, как следствие, градуса торжественности и пафоса в репрезентации праздника. В середине 1950-х гг. Новый год становится более «домашним» праздником с соответствующей атрибутикой.

Означенная динамика отражает общую тенденцию изменений отечественного дискурса в 1950-е гг., ставшую следствием смены политической конъюнктуры. Пропагандистская мобилизационная риторика послевоенных лет, направленная на консолидацию и интенсификацию трудовой деятельности граждан с целью восстановления страны, в середине 1950-х гг. сменяется более «человекоориентированной» лексикой, характеризующейся смягчением мобилизационных коннотаций, актуализацией тематики личного благосостояния и материального потребления населения (Клинова, 2019, с. 211).

Список литературы

1. Гюнтер, Х. (2000). Архетипы советской культуры. В Х. Гюнтер, Е. Добренко (Ред.), *Соцреалистический канон* (с. 743–785). Санкт-Петербург: Акад. проект.
2. Жидченко, А.В. (2022). «Женский праздник»: традиции празднования Нового года в новом советском городе в 1950–60-е годы. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*, (4), 111–124. <https://10.26456/vthistory/2022.4.111-124>
3. Зеверт, Д. (2015). Современные подходы к пониманию праздничной культуры в Советском Союзе. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*, (2), 103–113.
4. Кибалко, О.В. (2021). Семиотический анализ новогодней открытки эпохи СССР. *Современный дискурс-анализ*, (1), 15–33.
5. Клинова, М.А. (2019). *Государственное регулирование экономических стратегий городского населения РСФСР в первое послевоенное десятилетие*. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ.

6. Клинова, М.А. (2020). Модели имплицитной риторики трудовой мобилизации населения: реконструкция на базе контент-анализа материалов прессы 1946–1956 гг. В Л.Н. Мазур (Отв. ред.), *Документальное наследие и историческая наука: Материалы Уральского историко-архивного форума (11–12 сентября 2020)* (с. 204–212). Екатеринбург: Изд-во УрФУ.
7. Клинова, М.А., Трофимов, А.В. (2021). Великая Отечественная война: коммеморативные практики и образы в газетной периодике (1946–1965 гг.). *Уральский исторический вестник*, (2), 36–45. [https://doi: 10.30759/1728-9718-2021-2\(71\)-36-45](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-2(71)-36-45)
8. Коробова, А. (2014). А над Римом, а над миром – Новый год, Новый год... *Родина*, (12), 154–160.
9. Кустова, Э.М. (2015). Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ. Неприкосновенный запас. *Дебаты о политике и культуре*, (3), 57–77.
10. Маслова-Лисичкина, И.А. (2014). Художественное оформление массовых праздников Киева советского периода (60–80 года XX века). *Молодой ученый*, (4), 1168–1171.
11. Мукасеев, К.Е. (2021). Конструирование советских праздников в газете «Советская Сибирь» в 1920-е годы. В К.Л. Захарова (Отв. ред.), *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. материалов Междунар. молодежной науч. школы-конференции (23–25 сентября 2021 г.)* (с. 236–242). Новосибирск: Свободные науки.
12. Шабурова, О.В. (2017). *Советский мир в открытке*. Екатеринбург: Кабинетный ученый.
13. Шалаева, Н.В. (2013). Советский государственный праздник как механизм формирования репрезентативного образа власти и социокультурной коммуникации (1917–1920-е гг.). *Власть*, (1), 132–136.

References

1. Gyunter, Kh. (2000). Arkhetipy sovetsoy kul'tury [Archetypes of Soviet culture]. In Kh. Gyunter, & E. Dobrenko (Eds.), *Sotsrealisticheskiy kanon* (pp. 743–785). St. Petersburg: Akad. projekt.
2. Kibalko, O.V. (2021). Semioticheskiy analiz novogodney otkrytki epokhi SSSR [Semiotic Analysis of New Year Postcards of Soviet Period]. *Sovremennyy diskurs-analiz*, (1), 15–33.
3. Klinova, M.A. (2019). *Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomicheskikh strategiy gorodskogo naseleniya RSFSR v pervoe poslevoennoe desyatiletie* [State regulation of economic strategies of the urban population of the RSFSR in the first post-war decade]. Ekaterinburg: Izd-vo UMTs UPI.
4. Klinova, M.A. (2020). Modeli implitsitnoy ritoriki trudovoy mobilizatsii naseleniya: rekonstruktsiya na baze kontent-analiza materialov pressy 1946–1956 gg. [Models of implicit rhetoric of labor mobilization of the population: reconstruction based on content analysis of press materials 1946–1956]. In L.N. Mazur (Resp. ed.), *Dokumental'noe nasledie i istoricheskaya nauka: Materialy Ural'skogo istoriko-arkhivnogo foruma (11–12 sentyabrya 2020)* (pp. 204–212). Ekaterinburg: Izd-vo UrFU.

5. Klinova, M. A., & Trofimov, A. V. (2021). Velikaya Otechestvennaya voyna: kommemorativnye praktiki i obrazy v gazetnoy periodike (1946-1965 gg.) [The Great Patriotic War: Commemorative Practices and Images in Newspaper Periodicals (1946-1965)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, (2), 36–45. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-2\(71\)-36-45](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-2(71)-36-45)
6. Korobova, A. (2014). A nad Rimom, a nad mirom – Novyy god, Novyy god... [And over Rome, and over the world – New Year, New Year...]. *Rodina*, (12), 154–160.
7. Kustova, E. M. (2015). Sovetskiy prazdnik 1920-kh godov v poiskakh mass i zrelishch [The Soviet holiday of the 1920s in search of masses and spectacles]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture*, (3), 57–77.
8. Maslova-Lisichkina, I. A. (2014). Khudozhestvennoe oformlenie massovykh prazdnikov Kieva sovetского периода (60–80 goda XX veka) [Artistic decoration of mass celebrations in Kiev of the Soviet period (60–80 years of the twentieth century)]. *Molodoy uchenyy*, (4), 1168–1171.
9. Mukaseev, K. E. (2021). Konstruirovaniye sovetskikh prazdnikov v gazete "Sovetskaya Sibir" v 1920-e gody [The construction of Soviet holidays in the newspaper "Soviet Siberia" in the 1920s.]. In K. L. Zakharova (Resp. ed.), *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh: sb. materialov Mezhdunar. molodezhnoy nauch. shkoly-konferentsii (23–25 sentyabrya 2021 g.)* (pp. 236–242). Novosibirsk: Svobodnye nauki.
10. Sawert, D. (2015). Sovremennyye podkhody k ponimaniyu prazdnichnoy kul'tury v Sovetskom Soyuze [Modern Approaches to Understanding of Festivity Culture in the Soviet Union]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*, (2), 103–113.
11. Shaburova, O. V. (2017). Sovetskiy mir v otkrytke [The Soviet world in a postcard]. Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.
12. Shalaeva, N. V. (2013). Sovetskiy gosudarstvennyy prazdnik kak mekhanizm formirovaniya reprezentativnogo obraza vlasti i sotsiokul'turnoy kommunikatsii (1917–1920-e gg.) [The Soviet public holiday as a mechanism for the formation of a representative image of power and socio-cultural communication (1917-1920)]. *Vlast'*, (1), 132–136.
13. Zhidchenko, A. V. (2022). "Zhenskiy prazdnik": traditsii prazdnovaniya Novogo goda v novom sovetskom gorode v 1950–60-e gody ["Women's Holiday": Traditions of Celebrating the New Year in a New Siberian City in the 1950–60s]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, (4), 111–124. <https://10.26456/vthistory/2022.4.111-124>

Информация об авторе

Марина Александровна Клинова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-4161>, e-mail: klinowa.m@yandex.ru

Information about the author

Marina Aleksandrovna Klinova, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-4161>, e-mail: klinowa.m@yandex.ru

УДК 32.019.51:304

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_191

ФЕНОМЕН КОРОТКИХ ВИДЕО В ИНТЕРНЕТЕ: ПРИЧИНЫ ПОПУЛЯРНОСТИ, ТЕНДЕНЦИИ В ПРОИЗВОДСТВЕ И СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЛЯ ПРОДВИЖЕНИЯ

Игорь Ильич Малинин,

Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия,
igor@tbp.agency

Дмитрий Игоревич Карякин,

Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия,
dimentr04@gmail.com

Получена 23.01.2024.

Поступила после рецензирования 11.03.2024.

Принята к публикации 25.01.2025.

Для цитирования: Малинин И.И., Карякин Д.И. Феномен коротких видео в интернете: причины популярности, тенденции в производстве и способы использования для продвижения // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 1. С. 191–208. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_191

© Малинин И.И., Карякин Д.И., 2025

Аннотация

В статье авторы анализируют феномен коротких видео как инструмента агитации и пропаганды, а также коммерческого продвижения товаров и услуг. Рассматривается история визуальной коммуникации, а также современное положение дел на рынке интернет-продвижения, включая особенности конкретных площадок для публикации коротких видео. Авторами исследуются особенности восприятия аудиторией коротких видео, причины успеха короткого формата у широкой аудитории, а также формулируются конкретные рекомендации для специалистов, которые планируют использовать видео-коммуникацию в своей профессиональной деятельности. Актуальность исследования обусловлена динамичностью развития рынка интернет-продвижения в целом в мире, и особенно на территории Российской Федерации в следствие «передела рынка» после начала Специальной военной операции (февраль 2022): часть интернет-площадок перестала функционировать, в связи с чем авторы и заказчики видеоконтента вынуждены искать новые способы продвижения, в числе которых находится такой инструмент, как производство и публикация коротких вертикальных (снятых в режиме портрета) роликов разнообразной тематики.

Ключевые слова:

пропаганда, визуальная коммуникация, производство видео, информационные технологии, воздействие на общественное мнение

UDC 32.019.51:304

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_191

SHORT VIDEO PHENOMENON ON THE INTERNET: REASONS FOR POPULARITY, PRODUCTION TRENDS, AND PROMOTIONAL STRATEGIES

Igor I. Malinin,

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
igor@tbp.agency

Dmitry I. Karyakin,

Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
dimentr04@gmail.com

*Received 23.01.2024.**Revised 11.03.2024.**Accepted 25.01.2025.*

For citation: Malinin, I.I., Karyakin, D.I. (2025). Short Video Phenomenon on the Internet: Reasons for Popularity, Production Trends, and Promotional Strategies. *Discourse-P*, 22(1), 191–208. (In Russ.). [https://doi.org/ 10.17506/18179568_2025_22_1_191](https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_191)

Abstract

In this article, the authors explore the phenomenon of short videos as tools for agitation, propaganda, and commercial promotion of goods and services. The article examines the history of visual communication, highlighting the characteristics of cinema and photography. In addition to that, it delineates the current landscape of the Internet promotion market, including specific platforms for publishing short videos. The authors present their research illustrating audience perceptions of short videos and discuss the factors contributing to the format's widespread appeal; furthermore, they provide practical recommendations for professionals intending to utilize video communication in their work, which makes this material valuable for a diverse range of researchers: content creators, political strategists, and Internet marketers among others. This research is particularly relevant since the Internet promotion market is dynamically developing, and especially within the territory of the Russian Federation following the onset of the Special Military Operation in February 2022. This situation has led to a redistribution of the market, with some platforms ceasing operations and prompting content creators and clients to seek new promotional avenues. Among these are short vertical videos across various topics – be it advertising, entertainment, or political messaging. Recognizing this shift, Internet platforms are adapting their functionality to better serve both audiences and content creators, by facilitating convenient consumption of video content. Therefore, this phenomenon should be analyzed within the context of advancing information technology – a consideration fully addressed by the authors.

Keywords

propaganda, visual communication, video production, information technology, impact on public opinion

Введение

Короткометражные видеоролики, популярные в социальных сетях, представляют собой не только современный формат контента, который отличается высокой воспринимаемостью аудиторией, но также являются мощным инструментом для продвижения коммерческих продуктов, политической агитации и пропаганды. Современные цифровые платформы, такие как *Instagram*^{*1}, *TikTok* и *YouTube*^{*}, формируют свои бизнес-модели на основе таргетированной

¹ Здесь и далее звездочкой отмечены социальные сети, запрещенные на территории РФ.

рекламы, что побуждает их стимулировать оплату за дополнительный охват. Это в свою очередь объясняет уменьшение количества органических (без рекламы) просмотров публикаций, что нередко ограничивает их доступность даже для подписчиков.

На фоне этих изменений *TikTok* занял особое положение, предоставляя пользователям уникальную возможность получать практически неограниченный органический охват. Механизм его работы базируется на алгоритмах, которые увеличивают видимость видео с высоким процентом досмотра, позволяя авторам с минимальными усилиями охватить миллионную аудиторию. Это преимущество активно использовалось не только коммерческими структурами, но и общественными организациями, политическими движениями и лидерами мнений. Благодаря своим особенностям платформа стала выполнять роль значимого политического ресурса, что в конечном итоге послужило одной из причин ограничения ее функционирования в России после начала Специальной военной операции.

Динамика развития *TikTok* побудила конкурентов, таких как *Instagram**, *YouTube** и *ВКонтакте*, интегрировать собственные форматы коротких видеороликов (*Reels*, *Shorts* и *VK Клипы* соответственно). Эти инструменты позволяют не только донести информацию до широкой аудитории в популярном формате, но и способствуют привлечению новых подписчиков благодаря продвинутым системам рекомендаций. Рассматриваемая тема остается актуальной в контексте стремительных изменений в сфере как коммерческого, так и некоммерческого интернет-продвижения. Это связано с тем, что далеко не все производители контента, рекламодатели и политические акторы осознают потенциал данного феномена для повышения эффективности своих кампаний.

Как известно, природа видеоконтента своими конями уходит в экранную культуру, объединяющую аудиовизуальные и текстовые средства передачи информации, в частности культуру кино, уникальность которого теоретик кино Б. Балаж видел в способности создавать эффект присутствия внутри изображаемого действия (Балаж, 1925) (что сближает его с аудиовизуальными практиками современного видеоконтента). Без сомнений, кино является мощным инструментом пропаганды, так как оно комплексно овладевает вниманием аудитории. Но даже отдельная статичная картинка (фото) также может сильно повлиять на настроение аудитории и на дальнейший резонанс в обществе. В своей работе «О фотографии» Сьюзен Сонтаг рассматривает влияние визуального контента на общество и культуру, говоря о фотографии не только как об отражении реальности, но и как об инструменте конструирования новой реальности и манипуляции сознанием (Сонтаг, 2016). Следовательно, видео так же способно конструировать новую реальность, которая будет существовать в умах людей. Таким образом, фотографии и видео смогли совершить настоящий прорыв в области коммуникации.

Эффективность использования видеороликов в качестве инструмента пропаганды (и формирования картины мира в целом) можно отследить в работе Ролана Барта. В контексте эссе «*Camera Lucida*» он говорит о двух важных понятиях: «пункте срыва» и «пункте плена». Пункт срыва – это нечто, что визуально привлекает внимание зрителя в фотографии или в данном

контексте в видео. Пункт плена – это часть композиции, которая имеет личное значение для зрителя, заставляющая задуматься после переосмысления, иначе говоря, внешний облик и внутренний мир (Барт, 2011, с. 8).

Затрагивая философский аспект рассматриваемой темы, стоит отметить, что особенности человеческого восприятия действительности всегда являлись краеугольной темой классических трактатов, в том числе античных. И если обратиться к истокам соответствующего философского дискурса, то очевидно, что в современной пропаганде через видеоролики мы можем считать тот самый «Миф о пещере» Платона, где обычный человек видит лишь смутные образы некоего «реального» мира, которые трактует либо сам в пределах своего восприятия, либо с «помощью» тех, кто намеренно искажает объективную картину, предлагая массовому зрителю те или иные картины для осмысления (Родина, 2014, с. 3). В этом смысле короткие видеоролики и являются теми «смутными образами», которые формируют у аудитории картину того, «как бывает» и заставляют вольно или невольно двигаться в направлении, заданном авторами сценария.

Рассматривая феномен коротких видеороликов, можно выделить, что с первых секунд видео привлекает внимание и удерживает его даже после окончания ролика – чаще всего эксперты делают видео чересчур быстрыми, чтобы их пересматривали, либо же эффект от просмотра был очень резким и оставалось послевкусие. Именно в этот момент и включается воображение читателя, который осмысливает все происходящее. Про эмоциональную привязанность также упоминает Жиль Делез в своей работе «Кино». Он описывает понятие «переживание» – способность кино вызвать сенсорные восприятия у зрителей. «Кино – это искусство воспроизводства времени; оно создает образы времени, а не пространства». Иными словами, кино буквально создает время, а человек, в свою очередь, проживает то, что видит, посему получает те же эмоции, что и герой фильма (Делез, 2004, с. 48).

Видеоконтент и видеоформат преподнесения информации всегда считались уникальными и особенными. По мнению В.В. Кафтана, специфика видеоформата и кино заключалась в создании образов в движении, что позволяло передать в большей мере эмоции, а не смысл. Кино- и видеофильмы предназначены для создания определенного эмоционального восприятия событий, нежели не для передачи информации. А видео и визуальный дискурс в жизни людей выступают «взаимосвязью между визуальными репрезентациями символической информации и социальным контекстом конкретной эпохи» (Кафтан, 2023, с. 56). Исследователем отмечается, что экранная культура является одним из самых простых, но эффективных механизмов манипуляции сознанием, так как во время коммуникации человек созерцает увиденное, лично переживает, воспринимает его через свой духовный мир, в результате чего «картина мира» человека изменяется.

В работах зарубежных ученых, посвященных масс-медиа, коммуникации и теории цифровых культур, формулируется тезис о том, что короткие видеоролики становятся новой формой массовой культуры, взаимодействия между людьми и медиа, меняют способы создания и распространения контента, а также влияют на поведение людей и образ жизни в целом (Манович, 2018).

При этом отметим, что данные утверждения подкрепляются тем фактом, что короткие видеоролики стали главным трендом со стороны взаимодействия с аудиторией. По сведениям *webmate.kz*, 70% опрошенных смотрят видео через экраны планшетов и смартфонов. При этом, видеоконтент развивается стремительными темпами, демонстрируя новые тенденции и возможности для бизнеса². Чтобы выявить причины привлекательности коротких видеороликов, а также возможности применения такого контента как в профессиональном поле, так и широким кругом лиц, выделим основные особенности видеоконтента:

Эмоциональная привлекательность. Положительные эмоции благотворно влияют на человека и тем самым привлекают его и предрасполагают к себе. Исследование, проведенное компанией *Hubspot*, показало, что видеоконтент, который вызывает сильные эмоции, к примеру, смех, восхищение или волнение, имеет более высокий уровень вовлеченности и более высокую долю просмотров в социальных сетях³.

Краткость и понятность. Короткие видеоролики привлекают своей лаконичностью, динамикой, понятностью и ясностью сообщения. Видео, которое длится менее двух минут, имеет более высокую долю просмотров и более высокую конверсию в сравнении с видеороликом с более длинным хронометражем.

Информационная насыщенность. Как правило, короткие видеоролики сосредоточены на конкретной теме или идее, что позволяет создавать более информативные видеоролики, чем в случае с более длинными видео.

Интерактивность. На многих социальных платформах, где распространено использование коротких видеороликов, создатели видео могут взаимодействовать со своей аудиторией, используя специальные эффекты, фильтры, анимацию и музыку, чтобы сделать свой контент более интересным и занимательным.

Целевая аудитория. Видеоролики привлекают внимание преимущественно молодой аудитории, поэтому они должны быть соответствующим образом настроены, чтобы удерживать внимание подрастающего поколения. Более того, сейчас растет тренд на создание и просмотр коротких видеороликов более старшими людьми.

«Трендовость». Тренды очень быстро меняются, что означает, что создатели видео должны постоянно следить за тенденциями в социальных сетях, чтобы создавать контент, который будет актуален и интересен для их зрителей.

В итоге, понимая теоретические основания (основы и истоки экранной культуры, особенности видеоконтента и видеоформата) и анализируя современные исследования на тему особенностей видеороликов, можно глубже ознакомиться с темой и понять актуальность и трендовость производства коротких видеороликов.

² Исследование об эффективных трендах в сфере digital-маркетинга. (2023). Взято 2 января 2025, с <https://adindex.ru/news/researches/2024/10/18/326570.phtml>

³ *State of Inbound Marketing*. (2022). Retrieved January 2, 2024, from https://www.hubspot.com/hubfs/2022_State-of-Inbound-Marketing-Trends_V712.pdf

В современном мире в сфере коммуникаций, где одним из главных коммуникационных инструментов выделяют формат коротких видеороликов как самостоятельный и быстро растущий тренд, существуют определенные тенденции. Анализируя их, можно получить представление о том, какие тренды преобладают в производстве коротких видеороликов на 2024 год.

Основными трендами в дизайне и коммуникациях на 2023 год, по версии новостного портала *PRnews*, выделялись⁴:

- новый минимализм;
- анимация и графические инструменты;
- креативная типографика;
- микровзаимодействия;
- персонализированный контент;
- технологии дополненной и виртуальной реальности;
- творческий подход;
- цифровизация.

«Дизайн – прежде всего конструирование и подача информации» (Лебедев, 2021, с. 560). Дизайн – конструирование предметов в единую художественную картинку. Тренды из дизайна, несомненно, могут быть использованы для улучшения картинки видео, создания трендового видео-контента.

Остановимся на описанных выше аспектах по-отдельности. Минимализм появился в первой половине 1960-х гг. Термин был впервые использован Давидом Бурлюком, русско-американским художником и поэтом. Минимализм получил свое определение исходя из минимума использованных средств. Минималистская живопись является просто реалистическим предметом, являющимся живописью непосредственно.

С того момента минимализм начал развиваться как стиль, как направление искусства. При появлении веб-дизайна, минимализм в интернете стал называться «цифровым» или «новым». На данный момент, в digital-среде минимализм является одним из самых популярных направлений. При производстве коротких видеороликов профессионал старается не перегружать общую картинку, грамотно использовать минималистичные элементы. Одним из основных направлений является персонализация контента, которая позволяет адаптировать видеоролики под интересы и потребности конкретной аудитории. Для этого используются различные методы: например, использование данных о поведении пользователей на сайте или в приложении, их истории поисковых запросов, использование файлов cookies для анализа активности на других сайтах и так далее. Говоря о видеороликах, нельзя не отметить, что возможность просмотра данных о целевой аудитории (демографических, географических характеристик) позволяет персонализировать контент и сделать его более привлекательным для пользователей.

⁴ Национальный рекламный форум. (2021). Взято 24 декабря 2024, с <https://www.prnews.ru/about-company/expertise/participation-in-professional-events>

Кроме того, в последнее время все большее значение приобретает использование технологий дополненной реальности и виртуальной реальности. Такие технологии позволяют создавать более интерактивный и интересный контент, который может дополнить или заменить традиционные способы коммуникации с аудиторией. Как пример, короткие видеоролики 3D на билбордах в США и Японии. Говоря о популярности использования последних трендов в видеороликах, необходимо понять, какие массовые тренды были востребованы в 2022 г., чтобы была возможность анализа и прогнозирования трендов в создании видеороликов на текущий и следующий год. Основными трендами в развлекательном контенте выделяют: UGC (*user-generated content*), геймификацию, использование полезного контента.

UGC или *user-generated content* – это создание контента не блогерами, а самими пользователями. Тренд на пользовательский контент возник в силу того, что каждый человек сейчас может стать медиа и транслировать какие-либо ценности. Геймификация – вовлечение аудитории с помощью интерактивных заданий, приемов, функций и прочего. В видеороликах геймификация может быть абсолютно разной: от взаимодействия контент-мейкера с аудиторией и обращением к пользователю до загадок и игр в самом видео. Как пример – популярные видео в *YouTube*Shorts*, где музыкальный ряд 8D. Полезный контент: видео образовательного характера, где за минуту человек может объяснить обычные вещи познавательно и интересно.

Именно эти 3 тренда выделяют как наиболее популярные и востребованные аудиторией. Исходя из этого можно сделать вывод: тренд идет от человека. Человеку в 2022 г. в медиа пространстве нравилось взаимодействие, нравились обычные видео от людей, нравился полезный контент, а вместе с ним время, проведенное не зря за просмотром видеороликов.

Для того, чтобы проверить актуальность этих трендов, следует обратиться к исследованиям студенческого агентства «Лаборатория новых медиа» департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ.

Результаты исследования

Исследование, проводимое «Лабораторией новых медиа» в период с 8 февраля по 22 ноября 2022 г., заключалось в том, чтобы выкладывать видеоролики короткого формата с абсолютно разными темами: готовка, сериалы, студенческая жизнь и многое другое. Были взяты современные площадки, которые появились или стали наиболее востребованными в ходе запрета и приостановлении действия некоторых площадок на территории Российской Федерации. Видео выкладывались на: *YouTube**, *Snapchat*, *Yappy*, *ЯРУС*, *Likee*, *VK Clips*, *Дзен*. При этом контент дублировался на всех площадках, сообщение было мультимедийным.

Было размещено более 200 клипов на различные темы, направленные на прирост новой аудитории и вовлеченность ранее привлеченных подписчиков «Лаборатории новых медиа». В итоге были выделены три категории

публикуемых видео: первая категория – с развлекающим контентом, вторая – с информационным контентом, третья – с интерактивным контентом. Основное отличие между видами – это цель видеоролика. Информационный контент демонстрирует бренд «Лаборатории», студентов как профессионалов своей сферы, экспертов. Развлекательный обретаёт «мемный» или вирусный характер с помощью вызываемых положительных эмоций с целью развлечь или рассмешить зрителя. Интерактивный контент призывает к взаимодействию пользователей с видео с целью большего вовлечения пользователя, а также – получения от него обратной связи. То есть основная цель информационного контента – набрать охваты и рассказать на более широкую аудиторию о «Лаборатории». Цель данного контента – порадовать людей, чтобы они поставили лайки или поделились с друзьями. Цель интерактивного контента – побудить людей совершить какое-либо действие: подписаться на канал, снять ответное видео, поучаствовать в соревновании или во флешмобе, написать комментарий⁵.

Важно отметить, что целевую аудиторию исследования в основном представляли студенты в возрасте от 18 до 26 лет, то есть люди, заинтересованные в получении образования в области рекламы, дизайна, маркетинга, других креативных видов деятельности.

«Лаборатория новых медиа» принимала во внимание специфику контента каждого исследуемого медиаканала. Так была подтверждена гипотеза о преимущественно развлекательном характере видео на площадке *ВКонтакте*. Ключевым фактором привлечения внимания тут стало использование современных «трендовых» звуковых сопровождений.

Второй площадкой была *Яндекс.Дзен* (сегодня – Дзен), интернет-платформа, на которой пользователи могут читать и публиковать статьи по разной тематике. Дзен также предоставляет возможность дополнительно настраивать ленту чтения и подписываться на интересных авторов, взаимодействовать в комментариях и общаться с другими читателями⁶. Несмотря на то, что Дзен гораздо лучше продвигает статьи, там есть место и видеоконтенту. В исследовании «Лаборатории новых медиа» было выдвинуто предположение, что на данной платформе человек преимущественно ищет полезный или вовлекающий, интерактивный контент.

По данным исследования выяснилось, что такие рубрики, как «жизнь студентов», а также «юмор» способны набрать наибольшее количество просмотров. Актуальны рубрики для студентов касательно университетов: рубрика «нахваливаем ФУ (Финансовый университет)», набрала немалое количество просмотров. Отметим подобную тенденцию и в социальной сети *ВКонтакте*,

⁵ *Медиапотребление в России*. (2023). Взято 29 декабря 2024, с <https://mediascope.net/upload/iblock/f0e/1oz8wxt8pows5kg4lykxdsxympgzf3s/%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0%D0%BF%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%B2%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8.pdf>

⁶ *Эффективная реклама в Дзене: подробный гайд по возможностям и настройкам*. (2024). Взято 29 декабря 2024, с <https://practicum.yandex.ru>

где ролики, снятые под «трендовые звуки», набирают большую популярность и позволяют эффективно взаимодействовать с аудиторией (см. Таблицы 1, 2).

Таблица 1 – Топ 10 видеороликов «Лаборатории новых медиа» на платформе *ВКонтакте* (составлено авторами на основе аналитический отчета «Аудитория социальных сетей» на платформе *Mediascope* в 2023 г.)

Table 1 – Top 10 videos from the New Media Lab on the *Vkontakte* platform (Compiled by the Authors Based on the 2023 *Mediascope* Analytical Report on *Social Network Audiences*)

№	Дата	Рубрика	Просмотры
1	15.09.22	Юмор	976
2	15.11.22	Жизнь студентов	682
3	05.09.22	Юмор	602
4	18.11.22	Жизнь студентов	585
5	09.03.22	Жизнь студентов	529
6	16.11.22	Жизнь студентов	528
7	06.03.22	Жизнь студентов	464
8	05.04.22	Прошное	464
9	29.03.22	Юмор	434
10	17.11.22	Жизнь студентов	428

Таблица 2 – Топ 10 видеороликов «Лаборатории новых медиа» на платформе *ВКонтакте* (составлено авторами на основе аналитический отчета «Аудитория социальных сетей» на платформе *Mediascope* в 2023 г.)

Table 2 – Top 10 videos from the *New Media Lab* on the *Vkontakte* platform (Compiled by the Authors Based on the 2023 *Mediascope* Analytical Report on *Social Network Audiences*)⁷

№	Дата	Рубрика	Просмотры
1	23.02.22	Юмор	3537
2	16.05.22	Юмор	3069
3	24.08.22	Нахваливаем ФУ	1155
4	02.06.22	Жизнь студентов	984
5	28.07.22	Юмор	651
6	27.04.22	Юмор	441
7	16.06.22	Жизнь студентов	315
8	09.03.33	Жизнь студентов	274
9	09.06.33	Прошное	230
10	18.05.22	Любовь	200

⁷ Аудитория социальных сетей. (2023). Взято 30 декабря 2024, с <https://mediascope.net/upload/iblock/bff/ze27ul5mrm47rbni6l1izp2wzhc8l5gn/социальные%20>

Исследования коснулись и платформы *YouTube** с их новым подразделением внутри приложения: *YouTube*Shorts*. *YouTube** – это популярный видеохостинг, на котором пользователи могут размещать и просматривать видео на любые темы. Основные особенности *YouTube**:

- большой архив видео в высоком разрешении;
- бесплатный доступ для всех пользователей;
- широкий выбор категорий и тематик каналов/видео;
- интеграция с другими сервисами *Google*, такими как *Google AdSense* и *Google Analytics*;
- панель управления для создания и редактирования видео контента;
- возможность добавления описаний, тегов и меток для лучшего позиционирования в поисковых системах;
- *YouTube*Shorts* – короткие видеоролики, продолжительностью до минуты, оптимизированные для просмотра на мобильных устройствах.

Кроме того, *YouTube** также предоставляет внедренные функции встраивания видео в другие сайты, синхронизацию с другими социальными сетями и возможность создавать и настраивать плейлисты с любимыми видеороликами.

В своем исследовании «Лаборатория» опираясь на данные в *MediaScope*, выдвинула следующую гипотезу относительно этой платформы: больше всего в *YouTube** предпочитают развлекательный формат видеороликов с «трендовыми» для молодого поколения звуками. И гипотеза подтвердилась. Статистика показывает: юмористичные видеоролики, а также видеоролики, привязанные по геолокации к определенному месту, смогли набрать большинство просмотров на канале (см. Таблицу 3).

Таблица 3 – Топ 10 видеороликов «Лаборатории новых медиа» на платформе *YouTube** (составлено авторами на основании данных «Лаборатории новых медиа»)

Table 3 – Top 10 Videos from the *New Media Lab on YouTube* (Compiled by the Authors Based on Data from the *New Media Laboratory*)

№	Дата	Рубрика	Просмотры
1	27.09.22	Геолокация	9,3 тыс.
2	09.11.22	Юмор	8,3 тыс.
3	05.09.22	Юмор	6,3 тыс.
4	11.10.22	Залипалочка	5,8 тыс.
5	20.10.22	Юмор	5,3 тыс.
6	22.02.22	Юмор	3,3 тыс.
7	06.05.22	Юмор	3,3 тыс.
8	02.03.22	Жизнь студентов	3,2 тыс.
9	09.03.22	Жизнь студентов	2,8 тыс.
10	12.11.22	Залипалочка	2,8 тыс.

Относительно площадок можно сделать следующий вывод: видеоролики чаще всего попадали в тренды и набирали большое количество просмотров на платформе VK и YouTube*. Самыми популярными типами контента на данных платформах являются: развлекательный, полезный и интерактивный. Следует также учесть, что видео от студентов (пользовательский контент) постоянно набирает все большее количество просмотров.

«Лаборатория новых медиа» с учетом 3-х типов основного контента, показывает суммарное количество видеороликов, которое попало в «топ» по каждой платформе (см. Таблицу 4).

Таблица 4 – Суммарное количество видеороликов в зависимости от типологии контента и онлайн-платформ «Лаборатории новых медиа» (составлено автором на основании данных «Лаборатории новых медиа»)

Table 4 – Total Number of Videos by Content Typology and Online Platforms of the New Media Laboratory (Compiled by the Author Based on Data from the New Media Laboratory)

№	Социальные сети	Развлекательный	Информационный	Интерактивный
1	ВКонтакте	4	5	1
2	Дзен	6	3	1
3	Snapchat	8	2	0
4	Youtube	9	1	0
5	Yappy	8	0	2
6	Likee	8	2	0
7	ЯРУС	8	1	1

Видеоролики становятся все более востребованными за счет использования популярного на данный момент времени звукового ряда (песен, озвучки, мемов и прочего). Чтобы сделать хороший видеоролик, нужно обратить внимание на такие компоненты, обеспечивающие его успех, как:

- соответствующий содержанию звуковой ряд в видео;
- грамотный монтаж;
- хорошо подобранная тематика;
- использование современных технологий (как фильтры в Snapchat);
- шутки, юмор как основа видео;

В целях изучения мнения вузовской аудитории (студенты и преподаватели Финансового университета) о просматриваемых ими видеороликах авторы статьи провели специальное социальное исследование в формате анкетирования в период с 1 марта по 20 апреля 2023 г., в ходе которого было опрошено 55 человек разного возраста и пола с разным социальным статусом.

Респонденты отличались по уровню компетенции – от студентов до старших преподавателей, доцентов, экспертов, преподавателей практиков – PR-специалистов, маркетологов, журналистов, медийщиков, политических консультантов, которые непосредственно работают с короткими видеороликами и активно используют этот инструмент в своей профессиональной деятельности.

Как выяснилось, большинство опрошенных (92,5%) смотрят короткие видеоролики, причем, 61,8% опрашиваемых отмечают, что они смотрят их периодически. Постоянно видеоролики данного формата смотрит четверть респондентов (25,5%), 7% ответили, что они их смотрят иногда или достаточно редко (см. Рисунок 1).

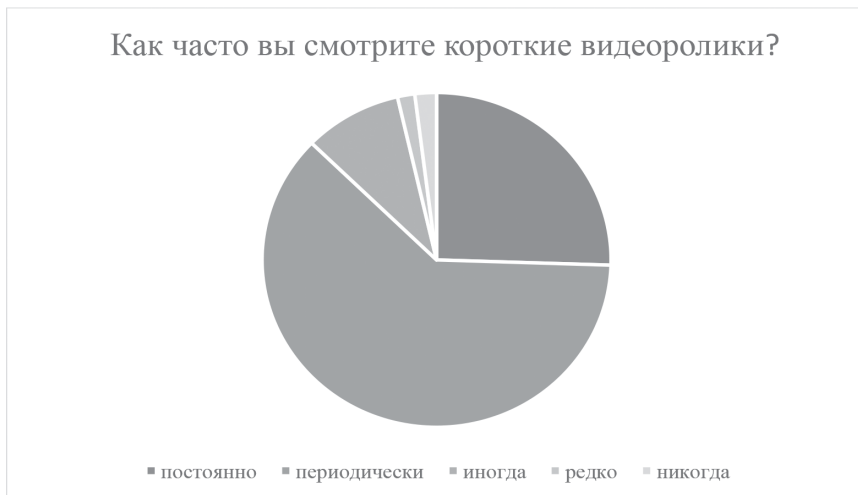

Рисунок 1 – Опрос о частоте просмотров коротких видео (сравнительная круговая диаграмма составлена автором на данных, полученных при исследовании издательством «Тасс»⁸)

Figure 1 – Survey on the Frequency of Viewing Short Videos (Comparative Pie Chart Compiled by the Author Based on Data from Research Conducted by the TASS Publishing House)

В ходе исследования было обнаружено, что люди зачастую смотрят короткие видеоролики либо в *YouTube** (78,2%), либо в других запрещенных и не работающих на территории России социальных сетях (83,6%) (Рисунок 2). Важно отметить, что к видеороликам короткого формата подавляющее большинство (98,1% опрашиваемых) относится скорее положительно, чем отрицательно. Больше всего в коротких видеороликах людей привлекает их информативность (63,6%), краткость (61,8%) и динамичность (29,1%) (Рисунок 3).

⁸ Половина россиян ищет видео в поисковиках и соцсетях на фоне сбоя YouTube. (2024). Взято 2 января 2025, с <https://tass.ru/obschestvo/22349849>

Рисунок 2 – Опрос о наиболее популярных сервисах для просмотра контента (составлено авторами по результатам собственного опроса в социальной сети Телеграм)

Figure 2 – Survey of the Most Popular Content Viewing Services (Compiled by the Authors Based on Results from Their Own Survey on the Telegram Social Network)

Респондентам было предложено назвать несколько трендов, которые, по их мнению, являются универсальными в развивающейся сфере и культуре коротких видеороликов на 2023 год. Проанализировав количество мнений, следует выделить: юмор, интерактивный контент, пользовательский (или «жизненный») контент, красивый монтаж и красивую картинку (см. Рисунки 3, 4).

В рамках исследования респондентам было предложено написать то, что им не нравится в коротких видеороликах. Сложно выделить что-то отдельное, однако есть один момент: часто люди не успевают что-то отследить на ролике, к примеру, прочитать текст или запомнить информацию. При этом некоторые опрашиваемые респонденты отмечают, что они могут «засесть» за просмотр коротких видеороликов надолго и потерять желание что-либо делать. Также большинство не устраивает сумбурный и бессмысленный контент, который может включать в себя видеоролик.

92,7% респондентов отмечают, что они проводят количество времени за просмотром видеороликов для того, чтобы развлечься и разрядиться морально. При этом 72,7% смотрят их для того, чтобы узнать что-то полезное или получить какую-то необходимую информацию (см. Рисунок 4).

Из опроса следует, что среднестатистический пользователь получает много полезной информации из коротких видеороликов, так отмечает большинство (70,9%). В свою очередь 29,1% опрошенных отмечают, что они получают довольно малый процент полезной информации из коротких видеороликов.

Рисунок 3 – Опрос о наиболее важных аспектах контента (составлено авторами по результатам собственного опроса в социальной сети *Telegram*)

Figure 3 – Survey on the Most Important Aspects of the Content (Compiled by the Authors Based on the Results from Their Own Survey on the *Telegram* Social Network)

Проведенное исследование подтверждает сформулированные выводы «Лаборатории новых медиа» и вынесенный в рамках данной исследовательской работы тезис о том, что самыми главными трендами в коротких видеороликах являются: информативный, пользовательский и интерактивный контент, а также новая вводная – юмор.

Информативность. Гипотеза о том, что бессмысленный контент уже не в тренде, так как опрошенные отметили бессмысленный, малоинформативный или «сумбурный» контент как явный недостаток видеороликов. Заметно, что сейчас все больше и больше респонденты отмечают ценность и рост тренда на информативный контент, так как короткие видеоролики будут только развиваться. Вместе с развитием алгоритмы будут учитывать каждые предпочтения отдельного пользователя, однако всегда будут универсальные категории. И если будет отсутствовать спрос на бессмысленный и «глупый» контент, алгоритмы не будут продвигать видеоролики в топ.

Пользовательский контент. Все больше и больше развивается тема «жизненных» видеороликов: людям нравится смотреть на реальных людей в реальном времени и конкретных обстоятельствах. В связи с чем пользовательский контент будет быстро набирать обороты.

Интерактивный контент. Особо сегодня ценится обратная коммуникация, установление контакта и доверия в процессе взаимодействия с потребителями видеороликов. А значит данный контент будет все больше пользоваться спросом у компаний, блогеров и пользователей социальных сетей.

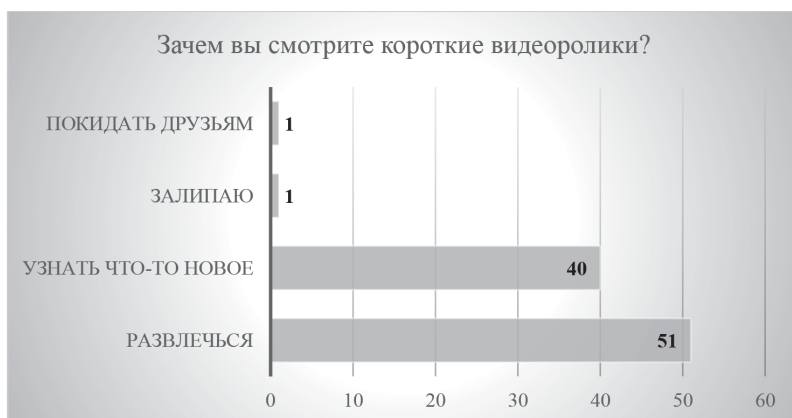

Рисунок 4 – Опрос о значимости коротких роликов (составлено авторами по результатам собственного опроса в социальной сети *Telegram*)

Figure 4 – Survey on the Importance of Short Videos (Compiled by the Authors Based on the Results of Their Own Survey on the *Telegram* Social Network)

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что вузовская аудитория в основном положительно относится к формату коротких видеороликов. Среди основных трендов пользователи-респонденты выделяют: юмор, пользовательский контент, информативный контент, интерактивность или геймификацию в видеороликах.

Для производства коротких видеороликов необходимо учитывать спрос на универсальные темы, а также пожелания респондентов и их мнения насчет того, насколько важен хороший монтаж, красивый кадр или красивая картинка для видеоролика. Следует учитывать, что в совокупности тема и грамотная съемка, обработка видео являются важнейшими трендами в производстве коротких видеороликов.

Отметим, что качественно сделанные видеоролики, опираясь на трендовый контент (юмористический, информативный, полезный, «жизненный контент»), помогают улучшить коммуникацию, установить связь с потребителем информации или клиентом.

Для того, чтобы создать хороший видеоролик, необходимо учитывать такие моменты, как грамотный, динамический и зачастую яркий монтаж, хорошее качество видеоролика и приемлемый музыкальный ряд: использование популярных песен, звуков, звуковых дорожек из сериалов и т.п.

На основе всех фактов и факторов, а также, учитывая современное законодательство, становится возможным создание и быстрое развитие востребованных обществом трендовых коротких видеоролика.

Список литературы

1. Балаж, Б. (1925). *Видимый человек. Очерки драматургии фильма*. Москва: Всерос. пролеткульт.
2. Барт, Р. (2011). *Camera lucida. Комментарий к фотографии*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
3. Делез, Ж. (2004). *Кино*. Москва: Ад Маргинем.
4. Кафтан, В.В. (2023). *Концепции, практики и технологии современных медиа*. Москва: Кнорус.
5. Лебедев, А.А. (2021). *Ководство*. Москва: Изд-во Артемия Лебедева.
6. Манович, Л. (2018). *Язык новых медиа*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
7. Родина, М.В. (2014). Миф Платона о пещере и повесть К.С. Льюиса «Серебряное кресло»: проблема художественной интерпретации принципов мифологического мышления. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, (2), 15–29.
8. Сонтаг, С. (2016). *О фотографии*. Москва: Ад Маргинем Пресс.

References

1. Balázs, B. (1925). *Vidimyy chelovek. Ocherki dramaturgii fil'ma* [Visible Man, or the Culture of Film]. Moscow: Vseros. proletkul't.
2. Barthes, R. (2011). *Camera lucida. Kommentariy k fotografii* [Camera Lucida: Reflections on Photography]. Moscow: Ad Marginem Press.
3. Deleuze, G. (2004). *Kino* [Movie]. Moscow: Ad Marginem.
4. Kaftan, V. V. (2023). *Kontseptsii, praktiki i tekhnologii sovremennykh media* [Concepts, practices and technologies of modern media]. Moscow: Knorus.
5. Lebedev, A. A. (2021). *Kovodstvo* [Treachery]. Moscow: Izd-vo Artemiya Lebedeva.
6. Manovich, L. (2018). *Yazyk novykh media* [The language of new media]. Moscow: Ad Marginem Press.
7. Rodina, M. V. (2014). Mif Platona o peshchere i povest' K. S. L'yuisa "Serebryanoie kreslo": problema khudozhestvennoy interpretatsii printsipov mifologicheskogo myshleniya [Plato's Myth of the Cave and C. S. Lewis's novel "The Silver Chair": the problem of artistic interpretation of the principles of mythological thinking]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, (2), 15–29.
8. Sontag, S. (2016). *O fotografii* [About photography]. Moscow: Ad Marginem Press.

Информация об авторах

Игорь Ильич Калинин, старший преподаватель департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0423-0442>, e-mail: igor@tbp.agency

Дмитрий Игоревич Карякин, студент Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, России, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0909-1243>, e-mail: dimentr04@gmail.com

Information about the authors

Igor Ilyich Malinin, Senior Lecturer in Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0423-0442>, e-mail: igor@tbp.agency

Dmitry Igorevich Karyakin, Student in Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-0909-1243>, e-mail: dimentr04@gmail.com

УДК 328.184

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_209

АМЕРИКАНСКИЙ РАДИКАЛИЗМ: ВЗГЛЯД НА ALT-RIGHT ПУБЛИЦИСТИКУ

Михаил Валерьевич Серебряков,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
mserebrakov629@gmail.com

*Получена 08.04.2024.**Поступила после рецензирования 14.07.2024.**Принята к публикации 10.01.2025.*

Для цитирования: Серебряков М.В. Американский радикализм: взгляд на alt-right публицистику // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 1. С. 209–225. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_209

Аннотация

В условиях глобальной борьбы с Россией основой ее политики является принцип многополярности и опора на традиционные ценности. В США с таких позиций выступает политическое движение alt-right («альтернативные правые»). Статья использует метод контент-анализа публикаций авторов, которые являются как открытыми сторонниками движения, так и принадлежат к смежным направлениям мысли – П. Готфрид, П. Бьюкенен, Д. Т. Шоу, Я. Кертис, Э. Энглин, Р. Унз, Р. Спенсер и др. Временные рамки исследования – 2015–2023 гг. Также выявлены истоки формирования движения альтернативных правых, которое появилось в 2016 г. В статье делается акцент на разных направлениях alt-right: те, кто давно закрепился в движении и те, кто лишь копирует нарративы последних. Описываются современные особенности альтернативных правых: ориентация на Дональда Трампа, преимущественно сетевое сообщество, собственные цифровые медиа, борьба с неолиберальными медиа. Важными для понимания альтернативных правых являются понятия патриотизм и американский радикализм. Опора на белое население формирует понимание па-

© Серебряков М.В., 2025

триотизма, как тесной связи США и Большой Европы. Американский радикализм подразумевает под собой выход за пределы допустимого идеологического поля американских масс-медиа и всей политической конъюнктуры. Специфическим для публикаций альтернативных правых оказался вопрос влияния миграционных потоков на генофонд США, отношение к «историцизму» и оценки вмешательства «еврейства» в институциональную среду. Центральной темой медиадискурса альтернативных правых является стремительное сокращение белой части населения штатов. В ходе информационной деятельности сторонники движение alt-right нашли себя в положении альтернативного полюса борьбы с неолиберальной идеологией. Принципы работы неолиберальных масс-медиа обозначены в работах У. Липмана, З. Бжезинского, К. Поппера и др. Контент-анализ публикаций альтернативных правых позволил обозначить возможные варианты сотрудничества России с этим политическим движением. Таким вариантом может быть ситуативное сотрудничество в целях борьбы с неолиберальной гегемонией и ее лоббистами. Причинами отказа от сотрудничества с этим движением может быть использование русофобии или зависимость от спонсоров.

Ключевые слова:

американский радикализм, патриотизм, новые правые, alt-right, публицистика, неолиберализм, экспертные сообщества

УДК 328.184

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_209

AMERICAN RADICALISM: ANALYZING ALT-RIGHT RHETORIC

Mixail V. Serebryakov,

Ural Federal University,
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
mserebrakov629@gmail.com

Received 08.04.2024.

Revised 14.07.2024.

Accepted 10.01.2025.

For citation: Serebryakov, M.V. (2025). American Radicalism: Analyzing Alt-Right Rhetoric, *Discourse-P*, 22(1), 209–225. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2024_21_3_209

Abstract

In the context of the global confrontation, Russian policy is rooted in the principle of multipolarity and reliance on traditional values. In the United States, the *alt-right* political movement (“alternative right”) articulates similar positions. The article employs content analysis to examine publications by prominent supporters of the movement and those aligned with its ideology – Paul Gottfried, Pat Buchanan, D.T. Shaw, Jason Curtis, Andrew Englin, Ron Unz, and Richard Spencer, covering the period from 2015 to 2023. The origins of the “Alternative Right” movement, which appeared in 2016, are explored alongside its various factions – those deeply entrenched in the movement, and those merely echoing its narratives. The article describes contemporary features of the *alt-right*: its alignment with Donald Trump, a predominantly online community, the establishment of its own digital media platforms and its opposition to neoliberal media. Key concepts such as *patriotism* and *American radicalism* are crucial for understanding the *alt-right*’s ideology. Their emphasis on a white demographic shapes the interpretation of *patriotism* as a bond between the United States and Greater Europe, while *American radicalism* reflects a departure from mainstream ideological boundaries within American media and politics. Specific themes in the *alt-right* publications include concerns about migration’s impact on the U.S. gene pool, attitudes towards “historicism”, and critiques of perceived Jewish influence in institutional settings. A central narrative within *alt-right* media discourse is the rapid decline of the white population in America. Through their information campaigns, *alt-right* supporters position themselves as an alternative pole against neoliberal ideology. The principles underpinning neoliberal media are articulated in the works of Walter Lipman, Zbigniew Brzezinski, Karl Popper, among others. The content analysis reveals potential avenues for Russia’s cooperation with this political movement – primarily situational alliances aimed at countering neoliberal hegemony and its advocates. However, factors such as *russophobia* or dependence on sponsors may hinder this cooperation.

Keywords:

American radicalism, patriotism, new right movement, alt-right, political journalism, neoliberalism, expert communities

Введение

Научный процесс во все времена отличался парадигмальной косностью, сильной ограниченностью внутренними правилами, которые диктуют нам утверждение предмета изучения в моменты его преобразования. Если исследователь не наблюдает коренных изменений объекта, то остается лишь констатировать факт отсутствия перемен. Нельзя познать всю полноту сущего самого по себе, не являясь им. А поскольку стать Другим мы не в состоянии, то недвижимый в хронотопе объект не подлежит изучению. В таком контексте интересна ситуация с раскрытием проблематики радикального субъекта, отличительная особенность которого – находиться в постоянном движении. Говоря предметно, нам предстоит обратиться к той области, которая однобоко изучается за рубежом,

а в отечественно среде не получила должного внимания. Отдельно стоит отметить, что нас наиболее интересует связь идеологии альтернативных правых с выбором тематики публикаций, а также уровень их воздействия на политическую конъюнктуру, поддерживаемую через официальные информационные ресурсы. Интерес вызван не только степенью изученности проблемы, но и необходимостью поисков союзников современной России за рубежом. Если, забегая вперед, говорить о том, что основной точкой схождения для alt-right сторонников стала фигура Дональда Трампа, то уже этот фактор говорит о возможном диалоге двух государств, которые ныне выступают в качестве антагонистов.

Обращаясь к подобной теме, было бы неразумно ограничивать исследование рамками наших дней. Как говорилось ранее, радикализм – явление движимое, от того трудно фиксируемое, а значит, нуждается в изучении истоков и предпосылок. В этом нам, несомненно, могут помочь отечественные авторы-американисты. Э.Я. Баталов как крупнейший знаток американской политической мысли в своих трудах досконально изучил вопрос «сдвигов» (Баталов, 2014, с. 70), меняющих облик идеосферы в США, его исследования подтверщаются и фактом влияния гегемона на множество других стран первого порядка. Историк Ю.В. Кузнецов пошел дальше и обратился к вопросу понимания патриотизма, что естественным образом для нас становится удобным клише, определяющим границы нормы и радикального дискурса (Кузнецов, 2007). Общий анализ центральных проблем истории США XIX–XX вв. был выполнен В.В. Согринным (Согрин, 2013), а оценка современных американских проблем – Е.А. Просвирнинным (Просвирнин, 2021).

Любая выверенная идеология не способна долго существовать обособленно, поскольку она жива до тех пор, пока является достоянием общественности. Экспертным сообществам в тесном контакте с журналистами поручена задача вывода идеи в ту плоскость, которая будет наиболее удобна для усвоения аудиторией. Чтобы понять, как специалисты формируют информационную среду, следует определить принципы крупных американских медиа-игроков, которые выступают выразителями интересов влиятельных групп. В том нам помогут труды широко известного Уолтера Липмана, философа Карла Поппера, политика Збигнева Бжезинского, Роберта Бриджа, Михаэля Ларсона, Гленна Дизена. Со стороны прямых исследователей публицистики всего правого спектра мысли выступают работы Пола Готфрида, Патрика Бьюкенена, Джорджа Т. Шоу, Ярвина Кертиса, Эндрю Энглина, Рона Унза, Ричарда Спенсера и прочих. Примечательно, что последний из них значится одним из главных популяризаторов идей alt-right движения через авторские интернет-ресурсы.

Основными методами, используемыми для исследования поставленной проблемы, являются наблюдение и контент-анализ. В процессе сбора и систематизации данных площадок, на которых активно публикуются альтернативные правые, был представлен спектр тем, демонстрирующих, собственно, радикальность воззрений авторов. Заведомо следует уточнить, что радикальность в исследовании определяется исключительно рамками политической конъюнктуры США, что делает невозможным попытки переноса опыта американских правых в плоскость российских реалий. К числу исследуемых площадок относятся, как крайне радикальные, так и умеренные в продвигаемых идеях и скорее поддер-

живающие государственную систему отношений. Первая группа: Altright.com, Daily Stormer и American Renaissance. Вторая группа: Chronicles, The American Conservative и National Review.

Радикальный субъект и официальная политика

Появилось политическое движение alt-right под впечатлением от кризиса классического либерализма, вернее будет сказать, от осознания иллюзорности американских принципов. 4 марта 1933 г. с высоких трибун прозвучали инаугурационные лозунги, коррелирующие с привычным тогда пониманием либеральной идеи, но исподволь вносили новые трактовки положения Америки на мировой карте: «Спасаясь бегством, менялы покинули храм нашей цивилизации. Теперь мы можем вернуть этот храм к древним истинам. Мерой этого возвращения служит степень нашего обращения к общественным ценностям, более благородным, нежели простая денежная прибыль». За точку отсчета (первые предпосылки неолиберализма) можно взять «Новый политический курс» Франклина Рузвельта, который в качестве языка международной политики остановился на языке прав человека (Баталов, 2014, с. 74). На тот момент посреди Великой Депрессии мало кто заметил случившийся титанический структурный сдвиг. А следовало бы – потому что это изменение самих основ системы свидетельствовало о рождении нового государства (Просвирнин, 2021, с. 29). Фактически в тридцатых годах прошлого века Америка во всеуслышание заявила о своей исключительности, как гегемона, поскольку помимо материального обеспечения и конкуренции в США озаботились вопросами справедливости, социальных гарантий, неотчуждаемых прав (Согрин, 2013, с. 215). Для нас в рамках темы интерес вызывает реакция и преобразование новых правых на фоне выше описанных процессов. Проблема также кроется в определении рамок политической конъюнктуры в прошлом и настоящем.

Рядовой гражданин Америки весь XIX век впитывал нарративы классического либерализма Джона Стюарта Милля и прагматизма Уильяма Джеймса, что тесно переплелось с протестантским пониманием родной земли и труда (Баталов, 2014, с. 141–142). Эти максимы выдвигались на передний план в литературе и прессе силами государства, что объединяло общество, поскольку нарративы рождались еще на фоне борьбы за независимость, соответственно, носили антиевропейский характер. Остро ощущалось присутствие врага. Второй президент США Джон Адамс в своем письме Томасу Джефферсону прямо говорит, что «из их [европейских] Священных Писаний нет ничего яснее, чем то, что их Пророчества не были предназначены для того, чтобы сделать нас [американцев] Пророками». Политики и ведущие идеологи были уверены в скором уходе на второй план враждебно настроенных заокеанских держав (Баталов, 2014, с. 178). Правда, к концу XIX в. стали проглядываться негативные стороны пропагандируемых идей. Синергия веры в исключительность и стремление к диктату американского капитала дало свои результаты. Из-за попыток отделения некоторых штатов, пиком чего считается Гражданская война 1861–1865 гг., росло стремление номенклатуры покончить с неопределенностью федерации и привести все к единству. Внутренние конфликты

вспыхивали в разные периоды истории штатов по причине продвигаемой идеологии, в ядре которой изначально были заложены максимы, которые давали положительный эффект лишь в краткосрочной перспективе. Степенное следование линии классического либерализма позволяло лавировать меж противоречий, но не могло в полной мере справиться с дуальным пониманием патриотизма, ввиду специфики партийной системы (Кузнецов, 2007, с. 56). Со знанием дела уже в XX в. об этом писал Збигнев Бжезинский, утверждая, что такую проблему можно решить благодаря массовым развлечениям, в которых господствуют гедонистские мотивы и темы ухода от социальных проблем (Бжезинский, 1998, с. 924). С ним соглашался Карл Поппер, который считал, что путем насилия не следует даже пытаться достичь большего (Поппер, 2009, с. 1216). Средства массовой информации играли особенно важную роль, формируя у людей сильное отвращение к любому избирательному применению силы, которое влечет за собой даже незначительные потери (Бжезинский, 1998, с. 925). Однако дело тут не только в СМИ, о чем свидетельствуют размышления Уолтера Липмана. Он считал, что демократы рассматривают газеты как панацею от дефектов их собственной деятельности, тогда как анализ природы новостей и экономических оснований журналистской деятельности показывает, что газеты неизбежно отражают и, следовательно, в большей или меньшей степени усиливают дефектность организации общественного мнения (Липман, 2023, с. 52). Проблема в том, что Липман смотрит на трактаты демократов, осознанно упуская практическую сторону, поскольку, в противном случае, выяснилось бы, что усиление дефектности общественного мнения через СМИ – это не промах демократов, а холодный расчет, который выступает продолжением гедонистической линии. Так или иначе, как уже говорилось, Липман делает удобный для себя вывод: лица, ответственные за принятие решений должны опираться на независимую экспертную организацию, специализирующуюся на экспликации невидимых фактов (Липман, 2023, с. 53). Фактически автор предлагает снять с журналистов всякую ответственность и всецело отдать себя в руки экспертных сообществ и аналитических центров, которые и будут выносить вердикт по ряду насущных проблем. Позиция Липмана не удивляет, если знать о его причастности к аналитическим центрам, благодаря которым он стал неофициальным советником нескольких президентов и удостоился множества наград.

Одним из центральных идеологов неолиберализма ныне считается Карл Поппер, который описал облик будущего в своей работе «Открытое общество и его враги». Два принципа: любая общественно важная проблема должна решаться на политическом и экономическом уровнях путем реформ; развитие институтов, важнейшей функцией которых является свобода людей, имеющих стремление к рационально обоснованным социальным изменениям. Поппер не дает четких дефиниций касательно того, что считать общественно важными проблемами. Тем не менее, не упускает возможности всякий раз сделать акцент на необходимости связи общества и институтов (экспертные сообщества и аналитические центры). Автор имплицитно подводит к тем же выводам, что и упоминаемый Уолтер Липман, то есть предлагает отдать координацию общественного мнения в руки аналитических центров, с которыми неразрывно

работают официальные СМИ и политические элиты. Журналист в такой системе отношений выступает в качестве посредника между волей институтов-спонсоров и потребителями информации. Сходство выводов не удивляет, поскольку Липман был лично знаком с Поппером; недаром предисловием ко второму тому «Открытого общества» послужило его эссе.

Древний триумвират «мир, плоть, дьявол» не только извлечен из небытия, но и усиленно пропагандируется лучшими агентствами (Бьюкенен, 2003, с. 81). Тактика ослабления «разрушительного ядра» американского патриотизма за счет гедонизма и идеалов «открытого общества» привела к резкому падению в обществе центральной роли ценностей, основанных на религиозных чувствах, ощущения почвы и подобное, на смену чему пришла практика «плавильного котла», мультикультурной представленности, государственная, академическая и медийная пропаганда феминизма, промискуитета, гомо- и транссексуальности.

Со сменой вех либерализма центральная проблема особого понимания патриотизма на уровне граждан решалась благодаря порогу вхождения в официальное политическое поле: участники игры менялись, но принципы оставались прежними. Если же каким-то чудом в поле «снизу» проникал противник неолиберального курса, то выстроенная система связей тут же давала понять, что «разрушительное ядро» американского патриотизма может работать только в ходе агитации, работы с электоратом. Хотя на сегодня приходится констатировать факт табуирования правой интерпретации патриотизма даже в ходе избирательной гонки, чему свидетельствует президентский срок Дональда Трампа (Unz, 2021, р. 13). За период его нахождения в должности патриотизм приравнялся к популизму, а далее к фашизму, но тем не менее репрессивные меры не коснулись всей республиканской партии, что можно считать доказательством работы по сохранению политической конъюнктуры, в которой США невозможно без двух привычных партий. Некоторые представители истеблишмента прямо заявляют, что проблему ядра не решить, если и дальше сохранять двухпартийную систему.

В сложившихся обстоятельствах с ускорением глобализационных процессов (т. е. расширением гегемонии западного устройства мира) происходило переосмысление не только места транснациональных корпораций, экономической среды, статуса английского языка, но и роли технологических процессов (цифровизация). В рамках цифровизации новым политическим акторам пришлось считаться с потенциалом вторжения извне лиц, незнакомых с правилами порога вхождения в официальное политическое поле или же с теми, кто не хочет с правилами считаться (Кертис, 2023, с. 485). Снимая накопившиеся идеологические домыслы, мы видим историческую смену нормы. Если ранее в мире естественным считалось традиционное мировоззрение как на уровне отдельного человека, так и на уровне государства, то нынче все еще преобладает идейная привязка к возрасту. В самом начале мы говорили о подвижности явлений: утверждение о возрасте стоит считать императивом, то есть правомочным при определенных обстоятельствах, поскольку тенденция такова, что и с привязкой к возрасту также вскоре придется расстаться. Несмотря на мировую тенденцию застоя кадровой ротации, в политическую сферу попадают люди, которые с малых лет хорошо владеют технологическими новшествами

XXI века и в качестве архетипа для подражания принимают не традиционную передачу родового опыта от ближайших родственников, а потребляют симулякры интернет-пространства; даже формат нуклеарной семьи уходит на второй план. Интернет плодит «вечных детей», которые, сталкиваясь с реальностью политических рамок, если осознают существование «правил порога», то стремятся его сломать (Кертис, 2023, с. 478). Вот и получается, что если отталкиваться от практики и от академического определения, то радикальность в американской политической среде выражается обличением установленной системы через лояльные СМИ (ресурсы идеологических союзников, либо собственные проекты) и попытки выстраивания собственной модели отношений.

Радикальный субъект образуется не только ввиду амбивалентности понимания патриотизма, но и по причине акселирационизма (искусственного вторжения в исторический процесс). Изменение картины мира – не в последнюю очередь дело рук журналистов и экспертных сообществ, позиции которых широко транслируются через медиа-ресурсы (Diesen, 2023, p. 47). Несмотря на распространенное мнение о том, что СМИ, помимо прочего, делятся на частные и государственные – в таких случаях предпочитают акцентировать внимание на финансовой и редакционной стороне вопроса, – на практике выходит, что это деление условно. Влиятельные американские издания занимают предвзятое отношение к Дональду Трампу. Ведущие СМИ разом начали компанию по дискредитации имени президента, обвиняя его в связях с Кремлем, который якобы поспособствовал его победе за счет хакерских атак. Первый пик ненависти к Трампу был в 2017 г., в ответ на что политик недвусмысленно высказался в *Twitter*: «The FAKE NEWS media (failing Nytimes, NBCNews, ABC, CBS, CNN) is not my enemy, it is the enemy of the American People!»¹. До выборов 2016 года не было принято даже предполагать, что результаты голосования могут быть ложными, не говоря уже о том, чтобы обвинять в теоретическом подлоге легитимно избранного президента.

Американские новые правые/альтернативные правые и их истоки

Именно в ходе президентской гонки 2016 года явили себя миру американские новые правые. Несистемная оппозиция справа существовала и раньше, но особую известность они получили как раз на волне популяризации Трампа как политика. Еще в 2008 г. крупнейший исследователь правых идей Пол Готфрид (сам же себя причисляет к «классическим консерваторам» или «палеоконсерваторам») писал, что прямо сейчас возникает альтернатива господствующему консервативному движению; у этих людей хорошие связи, и они собираются изменить значение американского права (Gottfried, 2010, p. 78). Примечательно, что в своих работах Пол Готфрид называет новых правых (альтернативных правых) «непатриотичными консерваторами», которые, судя по приведенной выше цитате, ввиду особого понимания патриотизма вознамерились оспорить неолиберальный курс, принятый Рузвельтом. Вновь приходится затрагивать тему

¹ Trump, D. (2017, February 18). *Publication*. Retrieved February 24, 2024, from <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/832708293516632065>

цифровизации, которую исследовали в научной сфере более чем досконально. Тем не менее, было бы странно не упомянуть, что развитие средств сообщения позволили новым правым консолидировать верных сторонников. Действительно, уже в нулевые намечались предпосылки для дальнейших масштабных изменений, но проблема в том, что тогда альтернативные правые не имели сил на то, чтобы перевести собранный вокруг себя человеческий капитал в практическое поле политики. Однако отметим, что они еще на первых порах были на шаг впереди конъюнктуры, поскольку на собственном опыте хорошо ощутили силу интернет-пространства в отличие от тех, кто до сих пор отдает предпочтение студенческому кампусу. На базе институтов активно ведется работа с молодым избирателем или же потенциальным претендентом на пост, если речь об элитарных ассоциациях частных американских университетов. Другое дело, что в 2017 г., окрепнув, альтернативные правые предпринимали единичные попытки зайти на территорию образовательной системы и, как нам кажется, этот момент показателен – в системе легальных общественных институтов из-за возможности определения нормы радикализм заканчивается.

Выборы 2016 года, как заявляли тогда многие, раскололи американскую общественность на два лагеря, что замечалось в том числе на уровне информационных ресурсов. Поляризация хорошо заметна в моменты соприкосновения двух идеологических лагерей: сторонники alt-right движения в качестве точки сбора использовали *Twitter* либо авторские площадки, которые поддерживались за счет аудитории. К будущему медиа-бренду притягивались авторы-одиночки, начинающие свой путь на ресурсах общего доступа, а позже, обретя перспективные знакомства, основывали собственные площадки. В официальных СМИ коллективное выдавалось за результат кропотливого труда выдающейся единицы, что проявлялось в заимствовании системы пожертвований, смене тона текстов в пользу разговорности, ином отношении к подбору поводов. К слову о поиске прецедентов: работа сотрудника массмедиа сильно упростилась, поскольку глобализационный подход привел к симбиозу западных СМИ и того же *Twittera*. Однако на том метаморфозы не закончились, позднее эксперты начали говорить не о симбиозе, а о поглощении точек обмена мнением транснациональными корпорациями. Между тем, только транснациональные корпорации могут позволить себе роскошь наводнять рынки своими средствами массовой информации. Неэффективная образовательная система в сочетании с культурой развлечений привели к тому, что люди стали слишком глупы, чтобы оспаривать то, что они слышат и чего не слышат благодаря корпоративным новостям (Bridge, 2013, p. 177). Подтверждением тому послужат уставные документы *Twittera*, которые были обнародованы в 2022 г. со сменой руководства. Из массива данных удалось выяснить главное: информационная повестка успешно поддается управлению.

Правые, которых чаще всего карал корпоративный диктат, сейчас с ликованием наблюдают за сменой политических ориентиров *Twittera*². Альтернативным правым просто не нужен доступ к официальным СМИ,

² Larson, M. (2022, June 4). *The Trouble with Twitter*. Retrieved March 10, 2024, from <https://chroniclesmagazine.org/editorials/the-trouble-with-twitter/>

поскольку их генезис зависел не только от сильного лидера, которого они нашли в Трампе, но и от острого ощущения давления идейно противоположной стороны. Пиковые моменты доминирования левой идеи лишней раз подталкивали альтернативных правых к обособлению и замыканию на собственных медиа-проектах. Они создавали феномены, о которых охотно писали в изданиях первой величины, хоть и неизменно в негативном ключе. «Черный пиар – тоже пиар», – думали альтернативные правые.

Выбор тематики публикаций alt-right движения

«Демография – это судьба», – утверждал один из лидеров новых правых Ричард Спенсер. Под этой формулировкой скрывается нечто большее, чем просто заинтересованность в вопросе миграционных потоков и их влиянии на генофонд США. Явно прослеживается материалистский, если не сказать сциентистский, подход к определению и систематизации внешних вызовов. Центральным считается вопрос расовой или этнической принадлежности, который и берется в качестве мерила всего. Общества формируются человеческим материалом в этих обществах, и этот материал не может быть фундаментально изменен путем влияния на систему образования или программу питания. Ближайший соратник Спенсера Джордж Т. Шоу в своей книге «Справедливое судебное разбирательство: Альт-правые в словах их членов и лидеров» писал, что расовые или этнические черты передаются по наследству и в основном неизменны. Утверждалось также, что политика мультикультурализма не обогащает жизнь белых, а имеет тенденцию делать белые общества беднее, опаснее и, в конечном счете, непригодными для жизни белых (Shaw, 2018, р. 6). В подобных заявлениях отчетливо проглядываются послы не нападающего человека, каким рисуют новых правых в официальных СМИ, а заложника ситуации. Фактически, если бы не агрессивное насаждение идей теми методами, о которых писал Бжезинский и продвигал Липман, альтернативных правых, как и их публицистики, не существовало бы.

Daily Stormer: «В белых странах наши ценности заменяют себя коричневыми людьми, потому что мы такие: мы умирающая раса, одержимая забвением»³.

American Renaissance: «Эксперимент западных обществ с мультикультурализмом оказался катастрофическим для белых – экономически, психологически и экзистенциально – и теперь мы должны положить конец этому неудачному эксперименту»⁴.

³ Baker, S. (2023, December 15). *France: 80 % of People Want Ban on New Invaders, Two-Thirds Want Referendum on Migration*. Retrieved March 10, 2024, from <https://dailystormer.in/france-80-of-people-want-ban-on-new-invaders-two-thirds-want-referendum-on-migration/>

⁴ Sullivan, J. (2023, August 2). *What Is Racism?* Retrieved March 10, 2024, from <https://dev.amren.com/blog/2023/08/what-is-racism-2/>

⁵ Leonard, J. (2018, March 14). *The Logic of the Tribe*. Retrieved March 10, 2024, from <https://altright.com/2018/03/14/the-logic-of-the-tribe/>

Altright.com: «Сегодняшние варвары – это именно эти африканские и арабские колонизаторы, которые не имеют с нами ничего общего с точки зрения истории, обычаев или этнической принадлежности. Новые варвары не обещают нам возрождения, а грозят нам вымиранием»⁵.

Помимо оценки важности вопросов идентичности и проблем миграции, для альтернативных правых остается весомым вопрос еврейства. Тот же Джордж Т. Шоу в своих работах неоднократно приходил к выводу, что евреи не только обладают непристойным уровнем власти в западных обществах, они используют эту власть для нанесения ущерба белому населению (Shaw, 2018, p. 7). Проблема в том, что новые правые – явление реакционное и не имеющее четкой практической базы и теоретических оснований, из-за чего, как заверял Спенсер, приходилось нащупывать смыслы во тьме. Получалось, что апелляция альт-правых к еврейской принадлежности была попыткой найти рычаги давления в сложившейся конъюнктуре неолиберализма. Этим они мало чем отличаются от черных националистов, которые также руководствовались принципом принадлежности к расе для проникновения «своих людей» в систему управления (Кузнецов, 2007, с. 55). Аналогичным видится использование «культуры отмены» для смещения неугодных лиц на местах. Только в случае альтернативных правых ссылки на еврейский вопрос работали не столько во вред идеологическим оппонентам, сколько приводили к прениям внутри движения или, как минимум, отталкивали потенциальных сторонников менее радикальных воззрений, но, тем не менее, близких в некоторых идеологических аспектах. Можно вспомнить, например, конфликт редакции *Altright.com* с популярным публицистом правого толка (неоконсерватор) Беном Шапиро, который выложил пост с поддержкой противников иммиграционной реформы Дональда Трампа.

Известна также история, случившаяся с Дэниелом Пайпсом, но есть разница. Хотя неоконсерватора Пайпса регулярно называют исламофобом, он яростно выступал против Трампа именно из-за его позиции по вопросам иммиграции и разнообразия. В среде альтернативных правых сегодня принято называть неоконсерваторов не иначе как «еврейские консерваторы», не в последнюю очередь по причине представленности последних во власти. Более того, как заверяют альтернативные правые, существует бесчисленное множество историй о том, как неоконсерваторам удалось проникнуть в консервативные институты, вытеснить или понизить в должности сторонников классического либерализма и изменить позиции и философию таких институтов в неоконсервативном направлении. Такие писатели, как М. Э. Брэдфорд, Джозеф Собран, Пэт Бьюкенен и Рассел Кирк, а также такие институты, как *Chronicles* (издание, главным редактором которого является упоминаемый ранее Пол Готфрид), Рокфордский институт, Филадельфийское общество и Институт межвузовских исследований были одними из самых уважаемых и выдающихся имен в американском консерватизме.

Альтернативные правые появились потому, что, по мнению пионеров движения, господствующие американские правые потерпели впечатляющий крах (Shaw, 2018, p. 209). Если же смотреть на конъюнктуру смыслов с точки зрения противников идей alt-right движения, то тут часто встречается

критика «историцизма», под которым понимается вера правых публицистов в значимость происхождения и дальнейшего развития во времени того или иного института или представителя экспертного лобби (Поппер, 2009, с. 1342). Отношение публицистов к «историцизму» помогает понять, в чем суть расхождения альтернативных правых и тех же неоконсерваторов. Последние при необходимости умеют говорить на языке правых и используют его для защиты американской неолиберальной гегемонии, а значит не квалифицируются официальными медиа как однозначно радикальные. «Квазиправые» авторы (публикуются в *Chronicles*, *The American Conservative* и *National Review*) не желают нести репутационные потери, как и не хотят делить аудиторию с альтернативными правыми. А последствия обязательно будут, если против них применят принцип «историцизма».

Chronicles: «Дерзкий и самоуверенный, Фукуяма довольствуется тем, что Трамп ассоциируется с авторитаризмом и нетерпимыми белыми, которые боятся растущего многообразия Америки, но он не признает, что политика, невольно продвигаемая его собственной книгой – открытые границы, несправедливые войны и деиндустриализация – была самой политикой, против которой Трамп успешно баллотировался, захватив президентский пост в 2016 году»⁶.

The American Conservative: «“Великие книги” по иронии судьбы, учитывая, что они противостояли историзму, являются весьма случайным движением в истории, полезным, но ограниченным изобретением, позволяющим безопасно нести гуманистические знания через великий поток либерализма»⁷.

National Review: «Нам не нужно вызывать охотников за привидениями, чтобы выследить “неолиберального” полтергейста. Причиной является не тайный заговор, не несуществующий мотив “прибыли” или наплыв концепций частного сектора. Вместо этого более реальным виновником являются институциональные конструкции, которые заставляют обычных людей реагировать на плохие стимулы, способствуя бюрократическому росту, сопровождаемому неэффективностью»⁸.

В качестве центрального тезиса в публикациях альт-правых также часто встречается *White genocide is underway* (Геноцид белых продолжается). Исходя из контент-анализа порядка 30 крупных статей, тема вымирания белого населения Америки встречается с той же регулярностью, что и конфликты с иными представителями несистемной и системной правой оппозиции. Alt-right авторы регулярно прогнозируют, что неолиберальный проект направлен на снижение численности белого большинства, которое подменяют мигрантами, поскольку те охотно голосуют за демократическую партию. Более того, тому потворствуют «квазиправые» в лице неореакции (NRx), неоконсерватизма, палеоконсерватизма

⁶ Sharpe, C. (2023, April 3). *The End of Liberalism Nears*. Retrieved March 10, 2024, from <https://chroniclesmagazine.org/reviews/the-end-of-liberalism-nears/>

⁷ Freeman, M. (2023, May 23). *Toward a Classical Counter-Elite*. Retrieved March 10, 2024, from <https://www.theamericanconservative.com/toward-a-classical-counter-elite/>

⁸ Leef, G. (2022, August 24). *The Left Needs Bogeymen, and Here's One of Them*. Retrieved March 10, 2024, from <https://www.nationalreview.com/corner/the-left-needs-bogeymen-and-heres-one-of-them/>

и либертарианства. Государство более не заботится о сохранении рождаемости белого электората, поскольку в сложившейся конъюнктуре проще привлекать цветное население, сидящее на пособиях.

Daily Stormer: «Если бы мы могли создать робота, который управлял бы бандами, занимающимися героином и проституцией, мы также могли бы сделать сомалийскую и другую исламскую иммиграцию устаревшей»⁹.

American Renaissance: «Я больше не узнаю свою страну. Они делают что-то тайно, и теперь я под микроскопом за то, что отстаиваю то, ради чего я так много работал»¹⁰.

Altright.com: «Депортация не является бесчеловечной, невозможной или нежелательной. Наоборот, это гуманно, возможно и необходимо»¹¹.

В самом начале мы детально рассмотрели нюансы перехода либерализма в неолиберализм и что тому предшествовало. Тогда же упоминалось, что, фактически, единственно, что унаследовал один политический проект у другого – это антиевропейские настроения. В этом контексте лишний раз убеждаешься в буквальной радикальности альтернативной правой публицистики, поскольку другой и не менее важный их тезис: «США – это Европа». Если принимать во внимание отношение новых правых к вопросам идентичности, то данное высказывание звучит логично, поскольку мы встречаем также формулировки «европейское этническое ядро», «опыт и наследие американцев европейского происхождения», «сплочение европейских народов в США и во всем мире», «держаться подальше от войн в Европе». При этом выделяем любопытную особенность: несмотря на то, что Пол Готфрид отмечал «непатриотичность» альтернативных правых, но они идейно базируются на принципах классического либерализма. Правда, изначально двуликое патриотическое ядро классического либерализма подверглось влиянию ресентимента. Таким образом, альтернативные правые из американских патриотов переходят в положение всеевропейских патриотов, что, так или иначе, не заставляет их, в случае чего, воевать за страны ЕС. Речь не идет о переходе от слов к действию, имеется в виду осознание своего места в историческом процессе. Не находя защиты у собственного государства, новые правые обращаются к глубинному опыту Европы, осознавая, что белый американец в большей или меньшей степени является потомком европейских протестантов-переселенцев¹².

⁹ Baker, S. (2022, July 29). *Company Builds Robot That Can Do Manicures in 10 Minutes*. Retrieved March 10, 2024, from <https://dailystormer.in/company-builds-robot-that-can-do-manicures-in-10-minutes/>

¹⁰ Sheehan, K. (2023, August 31). *NYC Migrant Shelter Neighbor Says He's A Prisoner in My Own Neighborhood*. Retrieved March 10, 2024, from <https://www.amren.com/news/2023/08/nyc-migrant-shelter-neighbor-says-hes-a-prisoner-in-my-own-neighborhood/>

¹¹ Friberg, D. (2017, August 4). *They Have To Go Back*. Retrieved March 10, 2024, from <https://altright.com/2017/10/04/they-have-to-go-back/>

¹² Anglin, A. (2022, July 21). *Hero Alex Stein Getting Canceled by Conservative Faggots for Interviewing Hero Nick Fuentes*. Retrieved February 24, 2024, from <https://www.unz.com/aanglin/hero-alex-stein-getting-canceled-by-conservative-faggots-for-interviewing-hero-nick-fuentes/>

Daily Stormer: «Я забочусь о земле и людях, но идея падения империи и того, что США больше не будут считаться крупной значимой державой, меня совершенно не беспокоит, и я с нетерпением жду этого»¹³.

American Renaissance: «Неужели Запад все еще слеп к реальности, к неизбежному будущему, которое его ждет, если Запад не защитит свои границы и не закроет свои границы для массовой иммиграции? У народов европейского происхождения, где бы они ни жили, уровень рождаемости ниже уровня воспроизводства»¹⁴.

Altright.com: «Когда вас спросят о ваших чувствах по любому поводу, начните со слов “ну, как американец европейского происхождения” или “как белый” и посмотрите, что произойдет»¹⁵.

Заключение

Понимаем, что приведенный выше набор тем публикаций по определению не может быть представлен на официальных медиа-площадках. Объясняется это теми принципами, которых придерживаются крупные медиа-игроки. И дело здесь не столько во внутренней специфике гегемона в лице неолиберального американского проекта, сколько в разворачивании теорий на практике в мировом контексте. Официальные ресурсы всецело поддерживают идеи «открытого общества», которые подразумевают информационную поддержку и активное продвижение тех, кто выступает за курс на дальнейшее укоренение практик «плавильного котла», мультикультурной представленности, государственной, академической и медийной пропаганды феминизма, промискуитета, гомо- и транссексуальности. В этом контексте отметим, что решающая роль в координации общественного мнения отводится экспертным сообществам и аналитическим центрам, которые на данный момент пришли к тому, что поставили журналиста в позицию посредника между волей институтов-спонсоров и потребителями информации. В этом смысле деятельность альтернативных правых выглядит, как уже упоминалось, попыткой генезиса второго идеологического полюса, который бы изменил соотношение сил в массмедиа, институтах, экспертных сообществах, органах власти.

Главный популяризатор новых правых Ричард Спенсер с 2020 г. поддерживается от каких-либо публичных заявлений, ограничиваясь ведением личного аккаунта в *Твиттере*. Тем не менее, дело правых живет, идеи плотно закрепились и даже начинают деформироваться под влиянием мировой повестки, актуализации информационных войн и нарастающей агитации против

¹³ Anglin, A. (2023, December 3). *US-Centric System is Ending*. Retrieved February 24, 2024, from <https://dailystormer.in/us-centric-system-is-ending/>

¹⁴ Buchanan, P. (2015, August 17). *Immigration Is About More than Trump – It's About the Survival of the West*. Retrieved February 24, 2024, from <https://dev.amren.com/news/2015/08/immigration-is-about-more-than-trump-its-about-the-survival-of-the-west/>

¹⁵ Friberg, D. (2018, March 5). *Top 5 Ways To Embrace And Express Your White Privilege*. Retrieved February 24, 2024, from <https://altright.com/2018/03/05/top-5-ways-to-embrace-and-express-your-white-privilege/>

неолиберального проекта и гегемонии США. Сейчас противники слева и справа в унисон говорят о смерти alt-right движения, однако, как и в 2016 г., близится вторая волна, Дональд Трамп уже заявил о своих планах на предстоящие президентские выборы и не боится продолжения компании, призванной отправить экс-президента за решетку. С нашей стороны следует рассчитывать лишь на ситуативное сотрудничество, которое всецело зависит от планов по упразднению неолиберального проекта и его негативного влияния для России. Такое сотрудничество уже предпринималось – в 2015 г. проходил «Международный Русский Консервативный форум», на котором присутствовали новые правые.

Также считаем важным при выборе каналов сотрудничества обращать внимание на деформацию «патриотического ядра». Метаморфозы ядра классического либерализма могут приводить к самым неожиданным последствиям. С одной стороны, может проявляться в виде присваивания иконографии и героических поз различных исторических личностей – от крестоносцев до викторианцев и государственных деятелей и генералов древности. Обычно такие американские правые выделяются особым упорством, поскольку, несмотря на перманентный дрейф правых идей, они остаются на тех же позициях, что и в 2016 г. С другой стороны, ассоциированность с опытом Европы может выводить альтернативных правых к крайне русофобским позициям, как это случилось с упоминаемым Ричардом Спенсером. Есть и третий вариант, который можно отнести при необходимости к тем и другим: половина из прежнего alt-right движения пошла по пути Лорен Саузерн, которая говорит то, что захотят ее обеспеченные спонсоры.

Список литературы

1. Баталов, Э.Я. (2014). *Американская политическая мысль XX века*. Москва: Пресс-Традиция.
2. Бжезинский, З. (1998). *Великая шахматная доска*. Москва: Междунар. отношения.
3. Бьюкенен, П. (2003). *Смерть Запада*. Москва: АСТ.
4. Кертис, Я. (2023). *Темное просвещение. Американские консерваторы против империи и Собора*. Москва: Родина.
5. Кузнецов, Ю.В. (2007). Американский подход к проблеме патриотизма: сравнительно исторический дискурс. *Среднерусский вестник общественных наук*, 3(4), 51–56.
6. Липман, У. (2023). *Общественное мнение*. Москва: АСТ.
7. Поппер, К. (2009). *Открытое общество и его враги*. New York: Soros Foundation.
8. Просвирнин, Е.А. (2021). *Почему США умирают*. Москва: Листва.
9. Согрин, В.В. (2013). *Центральные проблемы истории США*. Москва: Весь Мир.
10. Bridge, R. (2013). *Midnight in the American Empire: How Corporations and Their Political Servants are Destroying the American Dream*. North Charleston: Create Space.

11. Diesen, G. (2023). *The Think Tank Racket: Managing the Information War with Russia*. Atlanta: Clarity Press.
12. Gottfried, P. (2010). *The Search for Historical Meaning: Hegel and the Postwar American Right*. Northern Illinois: Univ. Press.
13. Shaw, G.A. (2018). *Fair Hearing: The Alt-Right in the Words of Its Members and Leader*. Budapest: Arktos Media Limited.
14. Unz, R. (2021). *American Pravda: The Donald Trump Reality Show*. California: The Unz Review.

References

1. Batalov, E. Ya. (2014). *Amerikanskaya politicheskaya mysl' XX veka* [Twentieth-century American Political Thought]. Moscow: Press-Traditsiya.
2. Bridge, R. (2013). *Midnight in the American Empire: How Corporations and Their Political Servants are Destroying the American Dream*. North Charleston: Create Space.
3. Brzezinski, Z. (1998). *Velikaya shakhmatnaya doska* [The grand chessboard]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
4. Buchanan, P. (2003). *Smert' Zapada* [The death of the west]. Moscow: AST.
5. Curtis, Ya. (2023). *Temnoe prosveshchenie. Amerikanskies konservatory protiv imperii i Sobora* [Dark Enlightenment]. Moscow: Rodina.
6. Diesen, G. (2023). *The Think Tank Racket: Managing the Information War with Russia*. Atlanta: Clarity Press.
7. Gottfried, P. (2010). *The Search for Historical Meaning: Hegel and the Postwar American Right*. Northern Illinois: Univ. Press.
8. Kuznetsov, Yu.V. (2007). Amerikanskiy podkhod k probleme patriotizma: sravnitel'no istoricheskiy diskurs [The American approach to the problem of Patriotism: a comparative historical Discourse]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, 3(4), 51–56.
9. Lipman, U. (2023). *Obshchestvennoe mnenie* [Public Opinion]. Moscow: AST.
10. Popper, K. (2009). *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [Karl Raimund Popper. The Open Society and Its Enemies]. New York: Soros Foundation.
11. Prosvirnin, E.A. (2021). *Pochemu SShA umirayut* [Why is the USA dying]. Moscow: Listva.
12. Shaw, G.A. (2018). *Fair Hearing: The Alt-Right in the Words of Its Members and Leader*. Budapest: Arktos Media Limited.
13. Sogrin, V.V. (2013). *Tsentrallye problemy istorii SShA* [The Central problems of U.S. history]. Moscow: Ves' Mir.
14. Unz, R. (2021). *American Pravda: The Donald Trump Reality Show*. California: The Unz Review.

Информация об авторе

Михаил Валерьевич Серебряков, магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт, Екатеринбург, Россия, e-mail: mserebrakov629@gmail.com

Information about the author

Mixail Valer'evich Serebryakov, undergraduate student, Ural Federal University, named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ural Humanitarian Institute, Ekaterinburg, Russia, e-mail: mserebrakov629@gmail.com

Для заметок

226

Notes

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Все поступающие в редакцию материалы проходят проверку на плагиат. Статьи предоставляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <https://madipi.ru>. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте rusakova_mail@mail.ru.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2019 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы, если не указано другое.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования ..., 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы а, b, с... после года. Пример:

(Nye, 2011a, 2011b).

12. Примечания, неопубликованные материалы (архивы, личные материалы), законодательные источники, статистические данные, газеты, художественные книги, ссылки на новости и сайты, ненаучные статьи и иные данные публицистического характера оформляются **в виде подстрочных библиографических ссылок (сносок)**.

Примеры оформления сносок

Художественные книги	Пушкин, А.С. (2018). <i>Руслан и Людмила</i> . М.: Проф-пресс. С. 25. Dreiser, T. (2003). <i>An American tragedy</i> . New York: Literary Classics of the United States.
-----------------------------	---

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Законы, акты (курсивом выделяется название закона)	<i>Об общественном контроле в Свердловской области: закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года (№ 151-ОЗ) ст. 5 (Россия). Взято 15 марта 2019, с http://docs.cntd.ru/document/429088309/</i> <i>Advancing the Treaty Process with Aboriginal Victorians Act 2018 (Vic) s. 23 (Austl.). Retrieved January 10, 2019, from http://www.legislation.vic.gov.au/</i>
Статья из сети Интернет (курсивом выделяется название статьи)	Драбинко, А. (2018, 18 октября). <i>И вновь о разрыве общения с Константинополем</i> . Взято 20 сентября 2020, с http://gefter.ru/archive/25328 <i>Oxford Electric Bell</i> (n.d.). Retrieved January 20, 2019, from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell
Новость (курсивом выделяется заголовок новости)	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято 20 января 2019, с http://government.ru/news/37355/ <i>Tokyo Olympics: Closing ceremony marks end of behind-closed-doors Games</i> (2021, August 8). Retrieved August 16, 2021, from https://www.bbc.com/sport/olympics/58137574

- При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». В англоязычном тексте и разделе References используется вариант “”. Тире обозначается символом «-» (среднее тире); дефис «-».
- К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
- В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
- Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Названия таблиц располагаются над таблицами с выравниванием по ширине, без абзацного отступа, на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002. Размер шрифта (кегель) табличного текста – 12–14. Заголовки граф (в головке) и заголовки строк (в боковике) таблицы следует писать с прописной буквы, а подзаголовки граф – со строчной буквы, если они составляют одно предложение с заголовком, или с прописной буквы, если они имеют самостоятельное значение. Головка таблицы должна быть отделена сплошной линией от остальной части таблицы. Разделять заголовки и подзаголовки боковика и граф диагональными линиями не допускается. Если строки или графы таблицы выходят за поля страницы, таблицу делят на части, помещая одну часть под другой или рядом, при этом в каждой части таблицы повторяют ее головку и боковик. На все таблицы должны быть приведены ссылки в тексте статьи.
- Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер и подписуночную подпись. Нумерация иллюстраций – сквозная. Подписуночные подписи располагают под иллюстрациями с выравниванием по центру. Подписи делаются на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. На все иллюстрации должны быть приведены ссылки в тексте статьи. Электронный вариант каждой иллюстрации с подписуночными подписями должен быть также предоставлен в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

- УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
- Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в сноске.
- Имя, отчество, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иван Иванович Иванов**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

5. **Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 220–250 слов. Желательно, чтобы в аннотации в неструктурированном виде была отражена следующая информация: научная проблема, актуальность, цель, краткое содержание и выводы. В аннотациях к статьям, излагающим результаты эмпирического исследования, дополнительно приводятся сведения о методах, предмете (выборке, географии и т. д.), последовательности выполнения, научной и практической значимости.
6. **Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов; отделяются запятыми.

Англоязычная часть статьи

7. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov, I.I.**).
8. **Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
9. **Имя, инициал отчества, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivan I. Ivanov**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
10. **Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
11. **Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы; отделяются запятыми.

Основной текст статьи – выравнивание по ширине страницы

12. Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
13. **Список литературы** (на русском языке) формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу. Должен содержать не менее 10 источников. В списке литературы указываются только научные, рецензируемые источники: научные статьи, книги, монографии, статьи электронных журналов (если они имеют печатную версию, следует указать последнюю), опубликованные в Интернете научные доклады – working paper. Вместо цитирования диссертаций желательно цитировать научные статьи, в которых отражены результаты диссертации. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты. При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
References (список литературы на английском языке) формируется в алфавитном порядке. Источники на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу, остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации.
14. **Информация об авторе**
Имя, отчество, фамилия, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна, идентификационный номер ORCID, адрес электронной почты – выравнивание по ширине страницы.
15. **Information about the author**
Вышеуказанная информация об авторе на английском языке – выравнивание по ширине страницы.

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Примеры оформления списка литературы на русском и английском языках

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
	Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.	Rossijskaya psixologicheskaya asociaciya. (2003). <i>Psixologiya politiki</i> [The psychology of politics]. Moscow: Svoboda.
	Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи».	Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: teoriya, resursy, diskurs</i> [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Статья в периодическом издании (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Статья в сборнике научных трудов (курсивом выделяется название сборника)	Грибовод, Е.Г. (2018). Медиатизация политики в рамках теории мобильности. В О.Ф. Русакова (Ред.), <i>Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сб. науч. тр. по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции (17 октября 2018 г., Екатеринбург)</i> (с. 56–68). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».	Gribovod, E.G. (2018). Mediatizaciya politiki v ramkah teorii mobil'nosti [Mediation of Politics in Mobility Theory]. In O.F. Rusakova (Ed.), <i>Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj molodezhnoj konferencii (17 oktyabrya 2018 g., Ekaterinburg)</i> (pp. 56–68). Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".
Статья в электронном журнале (курсивом выделяется название журнала и номер тома). Если у журнала есть печатная версия, указываются выходные данные печатной статьи	Беженцев, Г.Е. (2021). Теоретические основы стратегического развития территории. <i>Научный электронный журнал Меридиан</i> , 4(57). Взято 7 июня 2021, с http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1	Bezhentsev, G.E. (2021). Teoreticheskie osnovy strategicheskogo razvitiya territorii [Theoretical basis of strategic development of the territory]. <i>Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian</i> , 4(57). Retrieved June 7, 2021, from http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1

Более подробные требования к оформлению статей доступны в разделе «Руководство для авторов» на сайте https://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. All submitted materials are checked for plagiarism. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in Discourse-P.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. Please use the **template** when writing an article posted on the site <https://madipi.ru>. The article should be sent to the editorial office by e-mail rusakova_mail@mail.ru.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2019 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page, unless otherwise specified.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA Style is used (<https://apastyle.apa.org>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a “quoted text” (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. Legislative sources, statistical data, fiction books, links to news and sites, journalistic articles are drawn up in the form of page footnotes.
13. When using quotation marks in the text, the version “ ” (left and right double curved quotes) is applied. A dash is marked with the symbol “–” (middle dash); hyphen “-”.
14. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
15. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
16. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. The names of the tables are located above the tables with justification in width, without indentation, in Russian and English, the source of borrowing is indicated in parentheses. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002. The font size of the tabular text is 12–14. Column headings (in the header) and row headings (in the sidebar) of the table should be started with a capital letter, and column subheadings should be started with a lowercase letter if they form one sentence with the heading, or with a capital letter if they have independent meaning. The table heading should be separated from the rest of the table by a solid line. Diagonal lines are not allowed to separate sidebar headings and subheadings and columns. If the rows or columns of the table extend beyond the page margins, the table is divided into parts, placing one part under or next to another, with the heading and sidebar repeated in each part of the table. All tables must be referenced in the text of the article.

17. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number and figure caption. The numbering of illustrations should be continuous. Figure captions are placed under the illustrations with center alignment. Figure captions are made in Russian and English, the source of borrowing is indicated in brackets. All figures must be referenced in the text of the article. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith, J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If the author was provided with financial support to write the article, this might be mentioned in a footnote.
4. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **John Smith**); the following is aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 270–300 words. The abstract is desired to contain the following information: the scientific problem, the relevance of research, the purpose of the study; major findings of the analysis or trends detected; and a brief summary of scientific contribution and conclusions. If articles contain the results of an empirical study, it is also necessary to write about the methods, the subject (the surveyed, geography, etc.), the stages of the study, scientific and practical significance.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words; comma separated.
Russian part of the article
7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **Джон Смит**); the following are aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
10. **Аннотация** (Abstract in Russian) – width alignment.
11. **Ключевые слова:** (Keywords in Russian) – width alignment; comma separated.
The main text of the article (in English) – width alignment
12. The main text of the article should be divided into sections. The article should preferably include the following parts:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, literature review, the purpose of the article, the research techniques and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were carried out both by the author and other researchers. It is better to use subheadings in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
13. **References** – are formed in alphabetical order. The sources in Russian go first, they are followed by those which are in languages based on the Latin alphabet (English, German, etc.). The section must contain at least 10 sources. The list of references contains only scientific, peer-reviewed sources: scientific articles, books, monographs, articles of electronic journals, working papers. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date.
The design uses the APA Style (<https://apastyle.apa.org>).
14. **Information about the author**
Name, patronymic, surname of the author, academic degree (if any), post, ORCID (if any), place of work, city, country, e-mail address – width alignment.
15. The same **information about the author** in Russian – width alignment.

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	Author, A.A. (year). <i>Book title</i> . Location: Publisher. Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i> . M.: Gnosis. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Book, monograph (organization is indicated as an author)	Name of the organization. (year). <i>Full title of the book</i> . Location: Publisher. Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i> . Moscow: Freedom.
Book, monograph (without authors)	<i>Full title of the book</i> (edition). (year). Location: Publisher. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Book, monograph (with the indication of the editor)	Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (year). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i> . Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Article	Author, A.A. (year). Article title. <i>Journal Title</i> , volume(issue number), page(s). doi Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. https://doi.org/10.1007/s11516-011-0124-4
Working paper	Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Location: Publisher. Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Retrieved September 30, 2019, from URL Hirono, M. (2018). <i>Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action</i> (HPG Working Paper). Retrieved June 19, 2021, from https://cdn.odi.org/media/documents/12015.pdf

More detailed requirements for the design of articles are available in the "Author Guide" section of the website (Eng tab) https://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс★Пи
Екатеринбург - 2025

